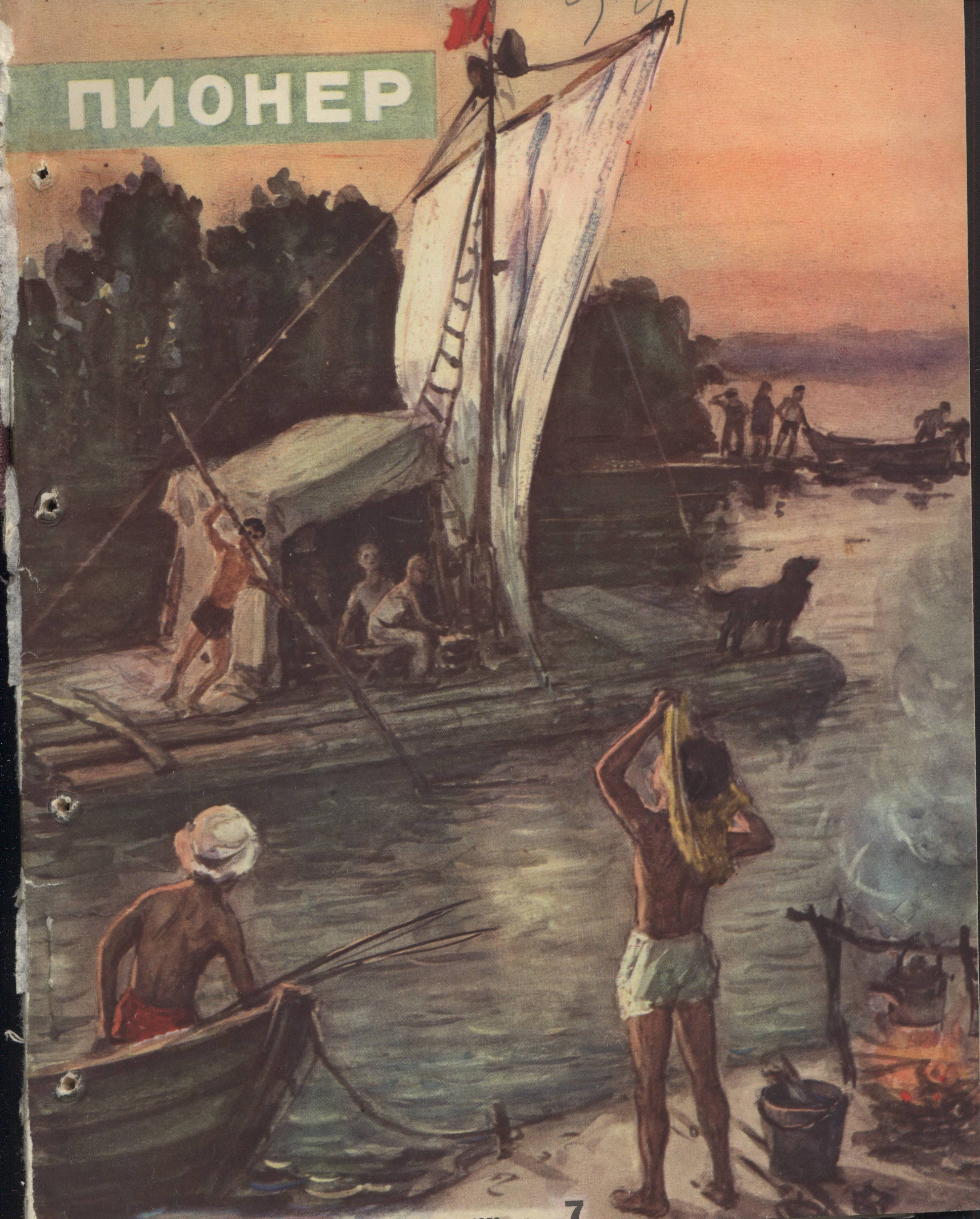
ПИОНЕР

7

700 КИЛОМЕТРОВ ПИОНЕРСКИХ РЕЛЬСОВ

Тебе знакомы слова «Абакан» и «Тайшет»? Посмотри на карту: эти железнодорожные станции сейчас разделены тайгой, крутыми отрогами Восточных Саян, бурными реками.

Но под крылом самолета уже видна стрела насыпи. Уложат по насыпи рельсы, выстроят станции, и пойдут на восток, на заводы Тайшета, Иркутска, Читы, сталь и уголь из Кузбасса, и откроется доступ к огромным богатствам таежного края.

Железную дорогу Абакан — Тайшет прокладывают ударные комсомольские отряды. Пионеры железнодорожных школ Москвы обратились ко всем ребятам страны: возьмем и мы шефство над этой важнейшей стройкой семилетки, соберем столько металла, чтобы его хватило на все 719 километров новой дороги!

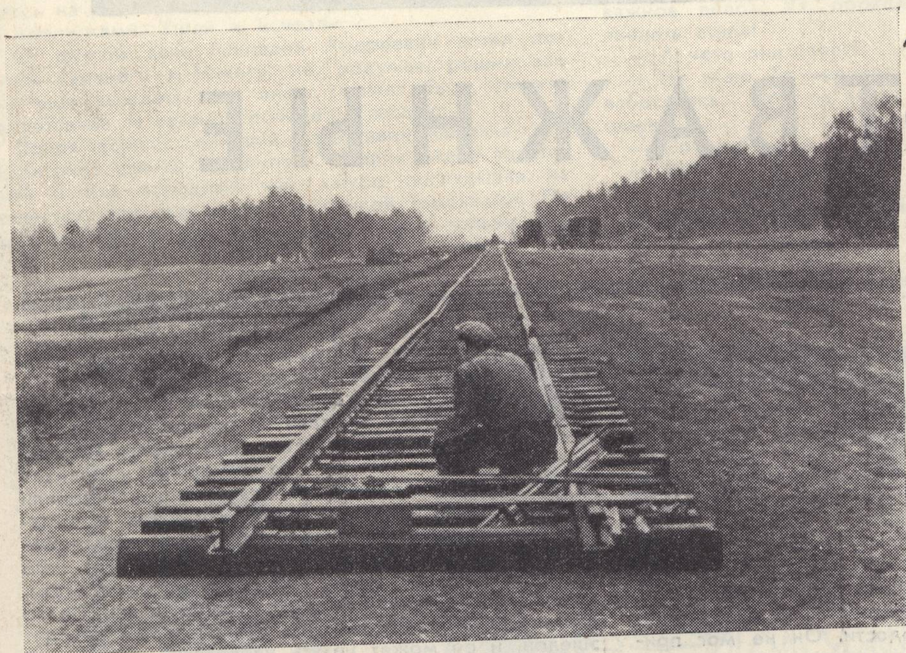

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 36-й

Рельсы уже ложатся на полотно. На всю дорогу от Абакана до Тайшета нужно очень много металла: 200 тысяч тонн. Но если каждый пионер соберет по 10—20 килограммов лома, будет дорога из пионерского металла!

Дорогая редакция!

Мы узнали, что для строительства дороги Абакан — Тайшет срочно нужен металл. За 10 дней 350 пионеров и 60 комсомольцев нашей школы собрали 105 тонн металлолома. Больше всех собрали пионеры 7-го класса «В» — по 480 килограммов каждый. Весь переплавленный металлолом мы передали на строительство железной дороги Абакан — Тайшет.

Совет дружины средней школы № 25, г. Красноярск.

ИЮЛЬ
№ 7
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1959 год

ОТВАЖНЫЕ

(Продолжение)

Александр ВОИНОВ

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

Еще одно испытание

Если бы не война, Геннадий Андреевич Стремянной так и считал бы своим уделом пожизненно преподавать в школе историю. В свое время врачи нашли у него хроническую болезнь печени, при которой состоять на военной службе категорически запрещено.

Но, несмотря на то, что годы уже брали свое, Геннадий Андреевич мечтал о какой-то другой жизни, пусть тяжелой и сложной, пусть полной опасностей, однако такой, в которой воплотятся самые затаенные устремления его молодости. Он не мог привыкнуть к тому, что, осматривая его, врачи сокрушенно качают головой и дают пустые советы: «Работать надо, батенька, поменьше — побольше отдыхать». Они не понимали, что только работа его и спасала. Он не мог оставаться один, без людей. Тогда на него нападала дикая, иссушающая душу тоска. Терялась всякая цель в жизни, и он готов был умереть.

Шли годы. Незадолго до войны Геннадий Андреевич вступил в партию. Что бы теперь с ним ни случилось, даже если болезнь навсегда уложит в кровать, он будет с товарищами. С того дня, когда ему вручили партийный билет, он словно вылечился — такой прилив сил он почувствовал.

Немного сутулый, в черном пиджаке с залоснившимися рукавами, он входил в класс и начинал урок всегда одной и той же фразой: «Итак, дети, на чем мы остановились в прошлый раз?» При этом он делал длинную паузу и ждал, что ему ответят. Конечно, он прекрасно и сам знал, на чем закончил свой предыдущий урок. Но ему хотелось проверить, помнят ли его ученики, чему он их учил.

Жена у Геннадия Андреевича умерла рано, оставив ему двух сыновей, теперь уже взрослых.

Когда гитлеровцы стали подступать к городу, Геннадия Андреевича вызвали в райком партии. Он думал, что ему поручат эвакуацию школы. Но секретарь райкома посадил его в машину и повез в горком. Здесь с Геннадием Андреевичем говорили два человека: секретарь обкома Павлов и представитель фронтовой разведки. Ему было предложено остаться в подполье. Никто не скрывал от него связанного с этим риска. Опасность огромна. Одна, даже маленькая ошибка может стоить жизни. Право отказаться остается за ним. Завтра утром отходит эшелон, и он может уехать на восток.

Геннадий Андреевич согласился сразу. Первоначально его роль должна была быть весьма скромной. После прихода немцев он постарается открыть лавочку писчебумажных товаров на одной из главных улиц. Эта лавчонка будет явочной квартирой для передачи донесений, а Геннадий Андреевич — «почтальоном». Полторы недели он изучал шифры, парольные фразы, запоминал нужные адреса, заранее облюбовал лавочку и проверял подходы к ней на случай, если нужно будет внезапно уходить. Он накрепко запомнил адрес, где в случае нужды найдет укрытие и откуда его переправят в безопасное место.

Геннадий Андреевич с головой погрузился в дела и заботы. Его познакомили только с двумя — тремя людьми, которые непосредственно будут с ним связаны, но он чувствовал, что создается крепкая и надежная организация. И он лишь одно из ее звеньев.

Но жизнь оказалась сложнее и суровее, чем можно было ожидать; она готовила так много ловушек и внезапностей, что только твердая воля и большая

вера в свое дело спасли Геннадия Андреевича от гибели в первые же дни оккупации.

Последние три дня Геннадий Андреевич напряженно ждал важных известий из города. Недавно он получил сообщение, что в разрушенных казармах, которые стояли в одной из боковых улиц, остался засыпанный склад с оружием. Сообщалось, что при необходимости этим складом можно воспользоваться.

Иметь секретный склад в черте города, чтобы он всегда был под рукой, представлялось подпольщикам весьма соблазнительным.

Геннадий Андреевич поручил операцию по разведке склада двум крепким старикам, которые много лет прослужили в казармах и хорошо знали все закоулки. Они отправились в город сначала только для того, чтобы осмотреть развалины и определить, много ли потребуется труда, чтобы добраться до оружия, и можно ли попасть в склад, не вызывая подозрений.

Они ушли с котомками за спиной, словно направляясь на рынок, со всеми необходимыми справками и пропусками. Ушли и исчезли.

На другой день Геннадий Андреевич хотел послать связного к Никите, но, подумав, решил все же еще выждать. Кто знает, может быть, Никита разоблачен и связной попадет в засаду.

Придя домой, Геннадий Андреевич заметил, что Харитонов чем-то взволнован. Старик сидел за столом и пил холодный чай, хмуро поглядывая на невестку, зло стучавшую за печкой тарелками. По всему было видно, что между ними только что произошел какой-то крупный и неприятный разговор. Но Геннадий Андреевич уже привык к их постоянным перебранкам и старался не вмешиваться.

— Ну и устал же я сегодня, Карпыч,— весело сказал он, бросая в угол на лавку свой тощий брезентовый портфель, в котором носил разные ведомости и справки.— Эй, хозяйка! Угости чем-нибудь!.. Завтра паек получать будем!..

За печкой упорно стучали тарелки. Геннадий Андреевич вопросительно взглянул на старика. Тот продолжал сосредоточенно прихлебывать чай, и седые брови его совсем закрыли глаза.

Геннадий Андреевич хлопнул ладонью по столу.

— Ну, ладно, раз такие дела, пойду посижу на лавке.

Уже бывали случаи, когда из-за семейных размолвок ему приходилось оставаться без обеда.

Харитонов кивнул и знаком показал на дверь. Геннадий Андреевич поднялся и вышел во двор. Через минуту старик, нахлобучив старую шапку, присоединился к нему.

— Пойдем, пойдем подале,— сказал он тихо,— важное дело... Ух, проклятая баба, прямо жизнь заедать стала!

— А чего она хочет?

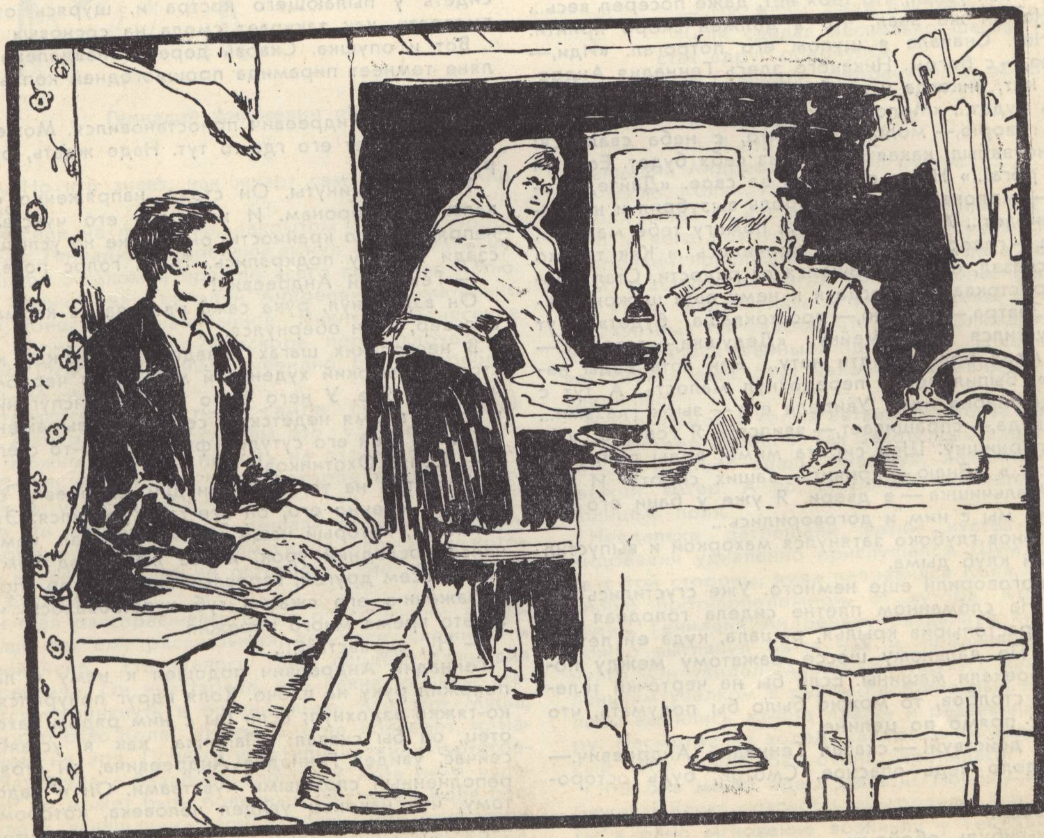
— Не знаю. То молчала, а сегодня с утра просто взбесилась... Зря ты тогда ее о стариках расспрашивал!..

— Почему?

— Догадалась, видно...

— А ты откуда знаешь?

Харитонов как-то неопределенно развел руками.

Старик хмуро пил холодный чай...

— Болтала... Все вокруг да около, как оса у коровьего хвоста... Вьется, а не жалит... Хитра, чертова кукла!

Геннадий Андреевич взглянул на часы.

— Ну как? Мешок спрятал?

— Еще не собирал. Успеешь...

— А если не успею?

Харитонов махнул рукой.

— Не торопись!.. Все будет в порядке...— И вдруг споткнулся.— Вот сатана! — выругался он.— Ногу зашиб...— Он стал тереть ушибленное место.

Они отошли подальше от дома и присели за кустом на толстое бревно. Харитонов оглянулся, не следит ли за ним Мария, и наклонился к Геннадию Андреевичу.

— Связной к тебе явился.

— Откуда?

— Из города! Николай — сынишка той, что повесили... Охотниковой!..

— Ну! — удивился Геннадий Андреевич.— Кто же его послал?

— Думаю, Никита!.. Мальчишка дичится, мне не говорит.

— Где же он?

— Не нашел тебя здесь, а мне не поверил. Я, говорит, подожду! Как придет Геннадий Андреевич, скажи, пусть идет на опушку рощи...

— Осторожный! — усмехнулся Геннадий Андреевич.

— Да, сам худющий, а глаза сурьезные.— Харитонов достал кисет и стал неторопливо свертывать из газеты папироску.— А только чувствую я, что не с хорошим он к тебе пришел!.. Уж очень он торопился, а как узнал, что тебя нет, даже посерел весь...

— Но он же знал, что я должен скоро прийти.

— Нет. Сначала я щупом его потрогал. «Иди,— говорю,— с богом. Никакого здесь Геннадия Андреевича нет, никогда и не было...» А сам смотрю, что делать будет... «Молоко,— спрашивает,— есть?..» «Какое,— говорю,— молоко! Ты что, с неба свалился? Я давно забыл, какая корова из себя будет. Есть ли у нее рога?..» Ну, а он опять за свое. «Дайте,— говорит,— молока!..» Видно, пароль вызубрил и на меня напирает... Хорошо, думаю, помогу тебе малость. «Вчера,— говорю,— молоко кончилось...» Как только это я сказал, он весь зашелся от радости. Стал просить простоквашу... Тогда я к нему еще шажок сделал. «Завтра,— говорю,— простокваша будет». Тут он опустился на скамейку. «Дедушка,— говорит,— сил у меня больше идти нету... Дай хоть воды напиться». Выпил воды, передохнул малость. А тут с огорода Мария идет. Увидела его — зырк глазами... «Ты откуда,— спрашивает,— явился?» Я говорю: «Не тронь парнишку. Шел сирота мимо, воды попросил напиться...» «Знаю,— кричит,— ваших сирот!» И пошла... Мальчишка — в двери. Я уже у бани его нагнал. Тут мы с ним и договорились...

Харитонов глубоко затянулся махоркой и выпустил ядовитый клуб дыма.

Они поговорили еще немного. Уже сгустились сумерки. На сломанном плетне сидела голодная ворона и, растопырив крылья, решала, куда ей лететь дальше. По дальнему шоссе, зажатому между полями, проехали машины. Если бы не черточки телеграфных столбов, то можно было бы подумать, что они едут прямо по целине.

— Ну, действуй! — сказал Геннадий Андреевич.— Только дело ведь опасное. Смотри, будь осторожен.

— А вещи?

— Как-нибудь обойдусь...

— Так сейчас пойдешь?

— Сейчас и пойду!..

Харитонов тяжко вздохнул и пожал Геннадию Андреевичу руку.

— Тогда прощай. Только скажи кому надо, какой я на самом деле человек. А то свои же и убьют!

— Скажу! Обязательно скажу!

Харитонов вернулся в избу, а Геннадий Андреевич кружным путем направился к опушке. Сначала он спустился в неглубокую балку, и она скрыла его от глаз людей, которые могли бы следить за ним с хутора; пройдя по ней, он круто свернул в рощу, которую уже раздел осенний ветер. Порыжелые листья шуршали под ногами, и оголенные ветви сразу потеряли свою прелесть. «Зима наступает,— думал Геннадий Андреевич,— станет еще труднее. Надо действовать...»

Обком часто запрашивал, удается ли организация разведки укрепрайона, а он не мог сообщить ничего определенного. Между тем, выполнив это крайне важное задание, он не только поможет армии, но и еще больше сплотит свою группу. Когда люди почувствуют, что сумели добиться многого, они будут действовать с еще большим энтузиазмом. Кроме того, если он выйдет победителем в этой схватке с Куртом Мейером, то и себя станет уважать больше.

Под ногами хрустели ветки. Где-то в чаще пересвистывались птицы. Вдруг какой-то желтый комочек метнулся вдаль и язычком пламени взлетел на высокую ель. Белка!.. Она сидела на толстом суку и косила на него черными глазками.

Природа жила по своим законам. Сейчас бы с ружьишком охотиться где-нибудь на уток! А потом сидеть у пылающего костра и, щурясь от дыма, смотреть, как закипает смола на сосновых ветках...

Вот и опушка. Сквозь деревья невдалеке на поляне темнеет пирамида прошлогодней копны. Никого нет...

Геннадий Андреевич приостановился. Может быть, мальчик ищет его где-то тут. Надо ждать, он обнаружит себя.

Тянулись минуты. Он стоял, напряженно оглядываясь по сторонам. И хотя все его чувства были напряжены до крайности, он все же не услышал, как сзади к нему подкрались. Тихий голос позвал его:

— Геннадий Андреевич!

Он вздрогнул, рука сама рванула из кармана револьвер, и он обернулся.

В нескольких шагах позади него между кустами стоял невысокий худенький мальчик в черном латаном костюме. У него было немного испуганное, но в то же время недетское, серьезное выражение лица, а во всей его сутулой фигурке что-то степенное.

— Коля! Охотников!..

Несмотря на то, что Геннадий Андреевич ожидал увидеть именно его, он все-таки удивился. Это был тот Коля, который чаще других забывал, чем окончился последний урок, и все же перед ним стоял уже совсем другой, взрослый мальчик; по упрямому выражению его сжатых губ чувствовалось, что он за это время много пережил.

— Ну, здравствуй!..

Геннадий Андреевич подошел к нему и ласково положил руку на плечо. Коля вдруг понурился, тяжко-тяжко вздохнул; если бы с ним рядом находился отец, он бы сказал: «Папочка, как я устал!..» Но сейчас, увидев Геннадия Андреевича, он стоял, переполненный сложными чувствами. Он и радовался тому, что наконец увидел человека, которому доверяет больше всех, и волновался, потому что ждал и боялся того, как сложится теперь его судьба. Он хотел бы навсегда остаться рядом со своим учи-

Геннадий Андреевич обернулся...

телем. Но кто знает, как живет сам Геннадий Андреевич...

Они сели на пригорке, закрытом со всех сторон кустами. Геннадий Андреевич вынул из кармана кусок хлеба с салом и прежде всего покормил Колю. Пока мальчик ел, Геннадий Андреевич внимательно читал донесение, написанное Никитой. Донесение было коротким: «Ост-24 вскоре перебазируется к Новому Осколу. Пленные, очевидно, будут переброшены на машинах».

Оставалось неизвестным самое главное: когда Курт Мейер начнет? Если бы это удалось установить, можно было бы напасть на охрану пленных и, освободив их, сорвать на некоторое время начало работ в укрепрайоне.

Все эти заботы упрямо мешали думать о чем-либо другом. И все же рядом сидел мальчик, у которого ничего в жизни не осталось. Надо подумать о его судьбе.

Он стал расспрашивать Колю о его жизни, и чем больше тот ему рассказывал, тем все сложнее и беспокойнее становилось на сердце Геннадия Андреевича. Он чувствовал, что какие-то силы стараются проникнуть в организацию. Кто этот Миша, которого спас Коля? Никита ему не доверяет, и, наверное, не зря. Почему упустили из виду фотографа Якушкина с Базарной площади? Хоть он и чудаковат, но может быть полезным. Но когда Коля рассказал о завещании стариков разыскать предателя, который, несомненно, их предал, Геннадий Андреевич замер, пораженный услышанным. Кроме него, о поручении, данном старикам, знал только Харитонов... Вдруг он вскочил, словно от сильного удара. Неужели Мария?.. У нее скверный характер, но он все же не мог представить, что она падет так низко.

— Вот что, Коля,— сказал он, подумав.— Тебе уже нельзя возвращаться в город. Если узнают, что ты живешь у Клавдии Федоровны, ее схватят. Я переправлю тебя к партизанам... Но только как быть с этой девочкой, Маей Шубиной?

— А Мая здесь! — вдруг сказал Коля.

— Где же она? — удивился Геннадий Андреевич.

— Я ее подальше в лесу спрятал,— сказал Коля.— Вдруг на меня напали бы, она бы спаслась...

Геннадий Андреевич хмуро улыбнулся.

— Ну, я вижу, ты конспиратор! Веди ее сюда. Я вам обоим расскажу, как действовать...

Коля поднялся и стал руками обивать с брюк приставшие соринки.

— А там не только Мая,— сказал он.— Там еще и Витя Нестеренко.

— Какой еще Нестеренко?

— Мальчик один! Он на год старше меня. Его Клавдия Федоровна из больницы забрала...

— Так он что, больной?

— Нет, сейчас уже здоровый. У него воспаление легких было... Слабенький совсем.

— Слабее тебя?

Коля усмехнулся.

— Я крепкий!..

— Ну, иди!.. Веди быстрее.

Коля сделал несколько шагов, но в кустах вдруг обернулся.

— Геннадий Андреевич, а об отце мне вам можно рассказать?

— Что рассказать?

— Я отца видел!..

Геннадий Андреевич махнул рукой.

— Знаю, Коля!.. Ну, иди, иди...

Коля исчез за кустами. Было слышно, как под ногами у него похрустывали сухие сучья. Геннадий Андреевич прислушивался к шуму леса со щемящим чувством какой-то большой опасности, которая вдруг надвинулась и тенью встала за его спиной. Он был так уверен, что среди ближайших к нему людей все верные, преданные, сплоченные. И вот гибель еще двух человек. Как видно, за ними следили...

Ветер шумел в голых ветвях. Где-то за лесом сипло прогудел паровоз. Так захотелось вдруг стремительно мчаться вдаль, чувствуя, как лицо овевает свежий ветер. А по сторонам кружатся залитые солнцем поля.

Невдалеке затрещали ветки кустов. Геннадий Андреевич удивленно прислушался. Шум доносился не с той стороны, куда направился Коля, а с совершенно противоположной, от хутора. Кто это мог быть?.. Геннадий Андреевич раздвинул кусты, осторожно выглянул из-за них и, пораженный, отшатнулся. Он увидел Марию, бегущую с каким-то маленьким узелком в руках. Растрепанные прямые волосы выбились из-под платка и развевались по ветру. Несмотря на холод, сапоги были надеты на босые ноги. Видно, она очень торопилась.

Что она могла здесь делать? Почему и куда она бежала? Какая опасность ей грозила? Все эти вопросы в одно мгновение возникли у Геннадия Андреевича. Будь Мария иной, сложись их отношения иначе, он вышел бы к ней навстречу. Но сейчас он

был уверен в том, что ее привели сюда недобрые намерения. Может быть, она прибежала сюда высмотреть, с кем он встречается.

Но почему тогда она не крадется, а бежит по кустам напролом? Так может бежать только человек, охваченный отчаянием, когда ему уже ничто не страшно...

Вдруг он услышал ее срывающийся голос, в котором звучал такой страстный призыв, на который невозможно было не отозваться.

— Геннадий Андреевич! Геннадий!.. — Голос ее захлебывался от усталости, не хватало воздуха. Схватившись за грудь, она прислонилась к дереву, и узелок выпал из ее рук.

Он шагнул вперед, коснулся ее плеча и сурово спросил:

— В чем дело, Мария?..

Она порывисто обернулась.

— Геннадий Андреевич! Очень вас прошу, не возвращайтесь на хутор, — быстро заговорила она, и по ее бледному, вдруг сразу ставшему изможденным лицу было видно, что случилось нечто ужасное. — Не возвращайтесь... Старик пошел за полицаями!..

«Так, так», — подумал Геннадий Андреевич и сильно сжал ей локоть.

— Врешь!.. — крикнул он. — Зачем клевещешь?..

— Клянусь! — прошептала она. — Убейте меня!.. — Она прижала узелок к груди и с мольбой взглянула ему в лицо. — Уходите!.. Уходите отсюда!.. Вам нельзя возвращаться!.. Я пойду с вами... Ради бога, не оставляйте меня. Теперь он меня убьет!..

Она говорила так страстно, так убежденно, что Геннадий Андреевич смущенно отпустил ее руку.

— Постойте здесь, я сейчас вернусь, — сказал он и пошел навстречу ребятам, которые пробирались по чаще.

— Коля! — окликнул он, когда силуэты ребят мелькнули за кустами.

Геннадий Андреевич тут же увидел невысокую светленькую девочку с двумя косичками, которая смело смотрела ему в глаза, и высокого, коренастого, но какого-то рыхлого мальчугана, — на его лице так и была написана растерянность.

— Вот они, Геннадий Андреевич! — сказал Коля и при этом сделал такой энергичный и широкий жест, словно сам он был Черномор, а за ним шли тридцать три богатыря.

— Коля! — быстро сказал Геннадий Андреевич. — Прокрадись сторонкой к хутору и посмотри на дорогу: едет ли кто-нибудь по ней?.. И сразу же назад. Так, чтоб никто не видел! Через десять минут будь здесь...

Коля нырнул в кусты и исчез. За ним хотела устремиться и Мая, но Геннадий Андреевич ее удержал. Полный мальчик смотрел безучастно. Он словно смирился со своей судьбой и готов был поступать так, как ему прикажут, лишь бы не вмешиваться в те дела, которые его не касаются.

Коля оказался точен. Запыхавшийся, усталый, он прибежал назад ровно через десять минут. На хуторе полицаи и солдаты. Они только что выгрузились из машин и сейчас, наверное, уже направляются к лесу. Среди них старик Харитонов, он о чем-то разговаривал с офицером и при этом размахивал руками.

Геннадий Андреевич несколько мгновений молчал.

Да, события стали развиваться быстрее, чем он думал. Очевидно, Харитонов оказался в трудном положении.

— Пошли, ребята, — сказал Геннадий Андреевич. — Пошли за мной! — Он обернулся к Марии, которая в отчаянии ждала его решения. — И ты иди с нами... Быстрее!.. Нельзя терять времени... Тут есть неглубокая речка. Давайте перейдем ее вброд, чтобы сбить со следа собак...

И двое взрослых и трое ребят быстро углубились в лес в тот самый момент, когда на хуторе раздались выстрелы...

К вечеру они наконец добрались до партизанского лагеря. Когда их окликнул часовой, Геннадию Андреевичу даже не поверилось, что пути пришел конец. Он уже давно отобрал и от Маи и от обоих мальчиков самые тяжелые вещи, и все же ребята были почти без сил. Да и он сам едва держался на ногах.

Ребята отказались и от еды и от чая; едва их ввели в землянку, они упали на нары и мгновенно заснули. А Геннадий Андреевич еще долго сидел с командиром отряда Колесником, рассказывая ему о последних событиях в городе.

На другое утро Колесник вошел в землянку, где рядом с ребятами спал Геннадий Андреевич, и безжалостно растолкал его. Скрипнув зубами от страшной ломоты во всем теле, Геннадий Андреевич сел на край нар и сощурился от яркого луча солнечного света, ударившего ему в глаза сквозь маленькое оконце.

— Вставай, вставай, Геннадий Андреич, — гудел Колесник, стоя перед ним в неудобной позе высокого человека, которому низок потолок. — Дела ждут!.. Силаев приехал, тебя видеть хочет!..

Через десять минут Геннадий Андреевич спустился по скрипучим ступенькам в блиндаж Колесникова.

Навстречу ему с деревянной чурки поднялся крепко скроенный человек в черном пальто. На вид ему можно было дать лет сорок — сорок пять, но на самом деле, наверное, ему было меньше. Вокруг его серых прищуренных глаз лежали глубокие тени. И все же глаза были самым примечательным на этом бледном, усталом лице. Они блестели как-то неспокойно, лихорадочно, выдавая глубокое, затаенное волнение.

Геннадий Андреевич сразу узнал своего давнего знакомого, представителя обкома, к которому полтора месяца тому назад ходил на явку. Настоящую фамилию он теперь услышал впервые. При первой встрече представитель обкома назвался Федоровым.

— Ну, здравствуйте, товарищ Стремянной, — сказал Силаев, и в тоне его Геннадий Андреевич уловил нотки раздражения. — Что же это вы драпанули?.. Поприжали вас! Доверились черт знает кому!..

Он недобро, в упор взглянул на Геннадия Андреевича, и тот под этим тяжелым взглядом молча опустился на скамейку.

— Люди гибнут у вас, товарищ Стремянной!.. Люди!.. — Силаев помолчал, как бы выжидая, чтобы дать возможность Геннадию Андреевичу прочувствовать всю глубину его вины. — А вы не смогли выполнить простого задания — спасти склад с оружием.

Простое задание?! Какое же оно простое, если два человека погибли, так его и не выполнив. Но Геннадий Андреевич не умел защищаться. Он только развел руками и понурился.

Колесник сидел в дальнем углу землянки и молча наблюдал за ними.

Сорвав гнев, Силаев подсел к столу, который стоял посреди блиндажа.

— Садитесь, — сказал он Стремянному, — давайте наконец разберемся во всех делах. И выработаем

точный план действий... Надо перестать обороняться! Пришло время перейти в наступление на Курта Мейера... Рассказывайте, что вы знаете о положении в городе...

Разведка

Связной, которого Силаев направил в город, ушел ночью, а рано утром Колесник получил сообщение о том, что на станцию Синельничи прибыл странный эшелон, состоящий из тридцати платформ с сеном. По тому, как тщательно спрессовано сено в большие тюки, и еще по некоторым признакам, его наверняка везут издалека, возможно, из самой Германии.

Странное дело: обычно немцы для своих обозных лошадей забирали сено в колхозах! Правда, на среднем Дону у мадьяр была кавалерия, но и для нее никогда не доставляли сено целыми эшелонами.

Через полчаса в блиндаже состоялся военный совет. Силаев подробно расспрашивал Колесника о том, что собой представляет станция, а Геннадий Андреевич, разложив перед собой карту, внимательно изучал дороги, которые вели к ней.

Колесник хорошо знал район: до войны Синельничи были небольшим полустанком с тремя путями и даже без водокачки. Но теперь этот полустанок стал крупной тыловой базой гитлеровцев. Подходы к нему укреплены: во многих местах вокруг построены доты, длинными полосами тянутся проволочные заграждения, рядом с которыми установлены минные поля. Ворваться на станцию без крупного боя невозможно.

— Вот что! — выслушав его, сказал Силаев. — Я должен все увидеть своими глазами. Пойдемте в разведку, а тогда и решим!

Два часа спустя небольшой отряд из шести человек углубился в лес; до станции напрямик было не больше десяти километров. Кроме Силаева, Геннадия Андреевича и Колесника, в отряде шли три партизана-автоматчика. Колесник взял их с собой на случай, если вдруг понадобится послать связного обратно в лагерь. Мало ли какие неожиданности возникнут на пути!

Полтора часа они пробирались по болотам: партизаны вели их нехожеными тропами; под ногами хлюпала и пузырилась гнилая вода, однако толстый мох выдерживал тяжесть тел.

День был солнечный, один из тех осенних дней, когда кажется, что лето еще не хочет уходить и даже тронутые желтизной листья берез сумеют вновь обрести свой цвет. По деревьям прыгали белки. Забравшись на верхний сук, они удивленно рассматривали людей.

Шли цепочкой, один за другим, изредка останавливались, чтобы отдохнуть и перекусить. Силаев не терял свежего вида, он выломал суковатую палочку и похлопывал ею по голенищу сапога. Вид у него был такой, словно он направился на прогулку. Колесник заметно устал. Он был из тех силачей, которые могут выжать многопудовую штангу, но не способны к длительному напряжению физических сил; а Геннадий Андреевич до крови стер пятки. Он скрывал боль и старался идти впереди, вслед за молодыми партизанами, которые спокойно беседовали о своих делах, словно их не подстерегала опасность.

Вдруг совсем близко за деревьями протяжно и хрипло загудел паровоз. Все невольно приостановились, как будто гудок предупреждал об опасности. Колесник послал одного из молодых партизан выяснить обстановку: вдоль железнодорожной насыпи, несомненно, расставлены посты. Теперь самое главное суметь их обойти и незаметно приблизиться к станции.

Партизан пропадал минут десять, а когда вернулся, на его круглом, румяном от ветра лице с короткими рыжеватыми усиками, которые он не сбривал, чтобы казаться старше, появилось сумрачное, растерянное выражение. Еще издали он безнадежно махнул рукой. Колесник выругался сквозь зубы:

— Никогда больше этого Куликова посылать не буду! Всегда докладывает что-нибудь неприятное!..

Но когда Куликов доложил, всем стало ясно, что дело совсем не в нем: только что прошел состав с немецкими солдатами. Вдоль насыпи через каждые двести метров расставлены часовые. На крутом изгибе дороги, там, где она начинает постепенно спускаться к мосту, построен крепкий дот с пулеметами и орудием. Еще два — три дня назад этого дота тут не было...

Посовещавшись, решили вновь углубиться в лес и, сделав крюк, выйти прямо к

Ребята легли на нары и заснули...

холму, поросшему лесом, с вершины которого можно разглядеть, что делается на станции.

Как шел Геннадий Андреевич, об этом без содрогания он не мог вспомнить и долгое время спустя. Грубые портянки, которыми он неумело обернул ноги, казались ему напильниками: как только он делал шаг, они впивались и рвали на пятках кожу. А ведь предстоял еще обратный путь!

Наконец Силаев заметил его мучения, остановил всех и приказал ему снять сапоги. Геннадий Андреевич попробовал возражать.

— Хватит пререкаться! — прикрикнул на него Силаев. — Вы хотите, чтобы мы вас на руках несли?!.

Геннадий Андреевич послушно опустился на мокрый мох и сбросил сапоги. Какое это было счастье! Он прислонился к дереву и, казалось, просидел бы так вечность, если бы какой-нибудь волшебник мог выполнить это его желание.

Глядя на его окровавленные ноги, Колесник сокрушенно покачал головой.

— Вы как школьник, Геннадий Андреевич, не умеете даже сапог надеть!.. — Он обернулся к партизанам. — У кого сапоги велики?

— У меня, Антон Мироныч, — отозвался Куликов.

— А ну-ка обменяйся с Геннадием Андреевичем да покажи ему, как надо обуваться!..

Куликов добросовестно обучил Геннадия Андреевича искусству обматывать ноги портянкой.

В полдень разведка наконец достигла холма. Цепляясь за деревья, все стали одолевать крутой подъем. Молодые парни делали это с большей ловкостью, чем их пожилые начальники, но и Геннадий Андреевич ни разу не сорвался с кручи, цепко хватаясь за стволы деревьев.

На вершине холма они остановились. Отсюда даже невооруженным глазом были видны тяжелые составы поездов, и среди них желтыми кубиками протянулись платформы с сеном.

Бинокль приблизил их на расстояние десяти метров. Силаев, Колесник и Геннадий Андреевич по очереди рассматривали платформы. Да, в их странной аккуратности, даже нарядности, что-то таилось!

— Зачем им столько сена? — удивленно спросил Колесник. — Здесь хватит на целый год кавалерийскому корпусу! Надо же быть дураком, чтобы сразу послать такое количество!..

— А между тем нельзя считать, что противник глуп, — заметил Силаев. — Если они это делают, у них есть какая-то цель!

— Взять бы да и поджечь это сено — вот здорово бы горело! — простодушно сказал Куликов. — Антон Мироныч, давайте зажжем!..

— Ты сначала к нему подойди, — сердито обернулся к партизану Силаев. — А вообще болтать языком нечего!..

Куликов обиженно вздохнул и примолк.

Действительно, если бы эшелон с сеном вспыхнул, вряд ли можно было бы спасти и соседние, груженные минами и снарядами. А для этого достаточно только одной зажженной спички! Но как поднести ее?..

Все напряженно думали. То, что станция хорошо укреплена, было видно даже при самом беглом осмотре. Ее окружали по крайней мере восемь дотов, поставленных в шахматном порядке. Вдоль вагонов ходили часовые, и, несомненно, значительный гарнизон прятался в блиндажах.

К станции вела единственная дорога, круто огибающая холм, а затем устремляющаяся под прямым углом к железнодорожному переезду. Дорогу эту могли обстреливать сразу четыре дота, не считая огня из замаскированных пулеметных гнезд.

Геннадия Андреевича все время не покидало противное, липкое чувство собственной вины. Ему была неприятна вся эта история с сапогами и больше чем когда-либо хотелось придумать что-нибудь такое, что сразу реабилитировало бы его в глазах окружающих.

И вдруг, переведя взгляд вниз, к подошве холма, он пораженно воскликнул:

— Смотрите!..

Все посмотрели туда, куда он показывал. Из-за холма на дорогу вышла тощая белая корова с провалившимися боками. Сначала казалось, что она идет одна. Но затем из-за холма появились два крестьянских паренька с хворостинами. Они медленно брели за коровой, о чем-то между собой разговаривая.

— Интересно! — удивился Силаев. — Куда они ее гонят?

— Как видно, на станцию, — сказал Колесник.

— На станцию?.. А что им там делать?..

Ему никто не ответил. Действительно, зачем двум паренькам гнать свою корову туда, где ее наверняка отберут, а если их самих отпустят живыми, то и это будет чудом!

— Смотрите, они идут довольно уверенно, — заметил Геннадий Андреевич, — словно ничего не боятся...

— Верно, — согласился Колесник. — Надо бы их задержать!

— А что это нам даст? — спросил Силаев, который в каждом деле прежде всего искал практический смысл.

— Многое! — вдруг горячо сказал Геннадий Андреевич: его внезапно осенила неожиданная и дерзкая идея. — Ведь корову могут гнать на станцию и не они?!

— М-да... — проговорил Силаев и пощелкал языком, раздумывая над предложением, которое ему было не совсем еще понятно. — Ну, ладно! — вдруг решил он. — Товарищ Колесник, давай этих парнишек сюда!.. Только осторожнее, не пугать!..

Колесник только бровью повел, а Куликов еще с одним пареньком уже кубарем летели по склону вниз. Между деревьями мелькали их изодранные ватники.

Вот они достигли дороги, быстро нагнали ребят, которые от страха бросили хворостины.

— Опять этот Куликов комедию разыгрывает, — сердито пробасил Колесник. — Ему говорят: не пугать!.. А он, как зверь, на ребят бросается!..

— Ох, и характер же у тебя, Колесник! — усмехнулся Силаев. — Как только с тобой жена живет?

— А я холостой!

— Вижу, не случайно!

Колесник сердито покосился на Силаева.

— Об этом уж вы не судите... А вот приказы надо выполнять точно!..

Силаев нагнулся над обрывом, чтобы получше разглядеть крестьянских парнишек, которые торопливо взбирались наверх впереди партизан. Каждому из них было лет по тринадцать—четырнадцать. Одетые в лохмотья, они были чем-то неуловимо похожи друг на друга, может быть, их равняли те несчастья, которые свалились на них и уничтожили их детство.

Через три минуты, крайне довольные тем, что приказ выполнен, молодые партизаны привели мальчиков на полянку.

— Вот они, орлы, Антон Мироныч! — сказал Куликов. — А вот их документы!..

— Документы? — удивился Колесник. — Давай-ка их сюда!..

— Интересно, куда они ее гонят?

— Я знаю, что вы нам ничего не сделаете,— ответил Сема,— только корову отберете.

— А почему мы ее отберем?

— Вы партизаны... Вам есть нечего!..

— Вот ты и ошибся! — засмеялся Силаев.— Хочешь, я тебя салом угощу?

Он вынул из одного кармана кусок сала, весь в желтых табачных крошках, из другого — толстый ломоть хлеба, разрезал все это ножом, который протянул ему Куликов, на две равные части и протянул ребятам.

— Ешьте! У партизан добра много!..

Ребята смутились. Первым протянул руку Сема, а за ним и меньший.

— Вы что, братья?— спросил Геннадий Андреевич.

— Нет, не братья.— Колесник тряхнул двумя бумажками.— Интересное дело получается, товарищи! Посмотрите-ка, что здесь написано!..

Он протянул Силаеву бумажки, изрядно потрепанные: видно, они уже побывали во многих руках.

— Ну и что? — быстро проглядев их, спросил Силаев.— Какие практические выводы? Что мы можем в этой обстановке сделать?..— Он передал документы Геннадию Андреевичу, который старался заглянуть в них через его плечо.— Посмотрите, посмотрите! Очень любопытно. Только как их использовать?..

Геннадий Андреевич жадно схватил документы и несколько раз перечитал каждую бумажку. Одна из них была накладной, подписанной старостой деревни Светличное. В накладной значилось: «Одна корова, отпущенная на убой для нужд коменданта станции Синельничи». Другая — пропуск с печатью немецкой комендатуры; чьим-то корявым почерком в него были вписаны имена и фамилии обоих пареньков: Семена Бушуева и Василия Ломакина.

Дерзкий замысел, который возник у Геннадия Андреевича в то первое мгновение, как он увидел на дороге корову и маленьких пастухов, теперь приобрел реальные очертания. Пусть Силаев и Колесник назовут его глупцом и авантюристом, но он изложит свой план во всех деталях.

Он отозвал их в сторонку, за кусты, так, чтобы никто не слышал, и рассказал, как он думает осуществить операцию.

К его удивлению, Силаев и Колесник отнеслись к этому предложению очень серьезно. Теперь корова и документы, которые оказались в их распоряжении, вдруг получили совершенно новое значение. Силаев, как всегда, не торопился с решением: он хотел быть уверенным до конца.

— Вот что, — предложил Колесник, — давайте-ка еще раз допросим ребят! Надо выяснить, знают ли

— Как тебя звать, мальчик? — обратился Геннадий Андреевич к тому, что стоял поближе. Это был высокий, худощавый паренек, смотревший с тем сосредоточенно-пытливым выражением серых глаз, которое выдавало в нем природную сметку.

— Сема! — ответил паренек и при этом как-то покровительственно взглянул на другого мальчика, поменьше ростом, черноволосого, с темными глазами, на которых еще не обсохли слезы.

— А куда же вы шли, Сема? — вступил в разговор Силаев, и Геннадий Андреевич удивился необычной мягкости его голоса. — Ты не бойся, мы тебе ничего не сделаем...

они, куда идут, и есть ли у них знакомые на станции.

Все трое вернулись на полянку. Ребята еще расправлялись с салом, а молодые партизаны, посмеиваясь, смотрели куда-то вниз, на дорогу.

— Что смеетесь? — спросил Колесник и вдруг заметил, что их всего двое.— А где Куликов?

— Он там за коровой гоняется! Она все норовит его на рога поддеть!

Колесник рассердился:

— Чем пустосмешничать, пошли бы лучше помогли!

— Он и сам справится!

Маю определили в санитарную часть...

Силаев подошел к пастушкам, которые смотрели на него без всякой боязни. Только у Семы как-то посерьезнели глаза.

— Если корову берете, дядя, — сказал он, — то дайте расписку, а то наш староста злющий, он нас до смерти задерет.

Силаев улыбнулся.

— Расписку вы, ребята, получите! Да не только расписку, мы вашему старосте даже письмо напишем. Как его фамилия?

— Гордеев. А мы его зовем Костыль!

— Почему так?

— Он колченогий, на левую ногу хромает!

— Придет время, мы ему и другую подобьем! А чья это корова?

— Колхозная.

— Куда вы ее ведете, знаете?

— На станцию.

— А зачем?

— Солдат кормить! — вдруг тоненько сказал Вася, и все рассмеялись — так неожиданно прозвучал его голос.

— А что, им есть нечего? — спросил Колесник.

— Не знаем, — сказал Сема. — Костылю какой-то офицер приказал.

— Часто вы на станцию коров водите? — продолжал допрос Силаев.

— В первый раз.

— И вас там никто не знает?

— Нет, — сказал Сема.

— А вы не боитесь: вдруг вас арестуют?

— Колченогий сказал, что раз мы идем с коровой, то нас пропустят. Да и пропуск комендант дал...

— Сколько времени вы уже идете?

— Утресь вышли.

— А когда должны вернуться?

— Как немцы отпустят.

Губы Колесника подернулись в улыбке.

— Мудро сказано!.. У вас есть родители?

— У меня дедушка,— сказал Сема,— а у Васьки мать.

— Как же они вас отпустили?

— Попробуй не отпусти! У Костыля палка—во!— И Сема помахал сжатым кулачком, показывая, какая у старосты большая палка.

— Доберемся мы еще до него! — зло прищурился Колесник. — Скоро вашему старосте будет каюк!

Разговор с ребятами прояснил все дело. План Геннадия Андреевича был принят с небольшими поправками. Ребят пока задержали. Колесник написал приказ своему заместителю и вручил его Куликову, который привязал наконец корову к дереву.

— Вот, — сказал он, — на все дело тебе два часа! Обратно скачи на лошади. Помни: от тебя все зависит!..

Куликову не нужно было повторять дважды. Он засунул приказ в карман гимнастерки, тщательно застегнул его и бросился бежать в лагерь...

Важное задание

С того самого момента, как Никита и Клавдия Федоровна решили переправить ребят к Геннадию Андреевичу, в судьбе Коли наступил резкий перелом. За последние недели он так много пережил, столько раз чувствовал себя одиноким! А ведь, казалось бы, совсем недавно он мог хныкать, сидя за столом, и отказываться от молока с пенками. Люто ненавидел он эти пенки! А если бы сейчас ему дали молока, он выпил бы его, даже не заметив, есть в нем пенки или нет.

В новом товарище, Вите Нестеренко, Колю раздражали его вялость и нерешительность. По всякому поводу он бегал советоваться к Клавдии Федоровне. Мая невзлюбила его за оттопыренные уши и прозвала лопухом. Витя во всем старался

Витю направили на кухню.

подражать Коле, но у него ничего не получалось. Коля нарочно заманивал его на крышу сарая, а потом прыгал вниз. Витя долго собирался с духом, примериваясь, куда бы прыгнуть, чтобы не налететь на дерево, и где земля помягче, но так и не мог спрыгнуть. Эти минуты доставляли Мае огромное удовольствие: она стояла внизу и осыпала Витю насмешками. Постепенно девочка начала прибирать обоих мальчишек к рукам. Она стала ими верховодить. В первое время Коля этого не замечал, но когда заметил, то восстал. Теперь он стал брать Витю Нестеренко под свою защиту и при Мае над ним не смеялся.

Когда Коля узнал, что Клавдия Федоровна отправляет их всех трех к Геннадию Андреевичу, он очень обрадовался: он любил своего учителя, который часто приходил к ним домой и играл в шахматы с отцом. Быть рядом с Геннадием Андреевичем! Чего же можно желать лучшего?! Он наверняка поможет бежать отцу. А как хорошо будет, когда они все вместе уйдут к партизанам!

Коле повезло больше всех...

Коля долго не мог привыкнуть к мысли о том, что Никита не предатель. Ему мерещился автомат в его руках в тот самый вечер, когда гестаповцы пришли за матерью... Ну, а если Никита свой, то кто тогда Михаил?.. И Коля вдруг вспомнил, с каким презрением говорили о Михаиле старики-партизаны. Но как же так: ведь на его глазах Михаил убежал от полицаев?! Значит, он свой. А выдал его Никита! И он тоже свой! Есть от чего закружиться голове! Во всяком случае, после того как старики-партизаны проводили Михаила презрением, он уже не относился к нему с той доверчивостью, как после первой встречи.

Все эти мысли стали беспокоить Колю уже тогда, когда он оказался в партизанском лагере и события недавнего прошлого как бы отодвинулись от него.

Только два дня прошло с тех пор, как на рассвете Никита вывел их закоулками на окраину города, предварительно рассказав, куда им надо идти. С биржи труда им было дано направление на работу в деревню Чернизовку, но они должны были, не дойдя до нее пяти километров, свернуть налево и направиться к хутору. Здесь Коля должен был оставить ребят в кустах на лесной опушке и пойти на розыски Геннадия Андреевича.

Ребята думали, что их устроят в одной из ближайших деревень, может быть, в той же Чернизовке, и договорились держаться вместе. Сейчас, когда они остались предоставленными себе, они впервые почувствовали, как нужны друг другу. Коля и Витя оберегали Маю и не разрешали ей нести вещевой мешок с хлебом и продуктами. Мальчики несли его по очереди. Впрочем, мешок этот был не столь уж тяжелый: буханка хлеба, несколько банок с консервами и шесть небольших пакетов с концентратами пшенной каши, немного чая и сахара, две кружки, спички и старый солдатский котелок.

Они добрались до хутора благополучно; несколько раз, когда они проходили по деревням, полицаи проверяли их документы, а один даже приказал развязать мешок, но внешний вид ребят ни у кого не вызвал подозрений: мало ли подростков направляется из города на работу!..

В партизанском лагере ребята сразу почувствовали себя словно за надежной броней. Когда они немного отдохнули, им нашлось дело. Маю определили в санитарную часть, к фельдшеру Михееву, который давно уже требовал себе помощника. Витю направили на кухню, в распоряжение повара Потапыча, когда-то служившего в лучшем ресторане города. Раньше у него был толстый живот, который, как Потапыч любил говорить, был его «фирмой», а теперь, на партизанских харчах, повар сильно похудел. Он тут же выдал Вите белый колпак и посадил его чистить картошку. Витя орудовал большим тупым ножом добросовестно, но медленно, и Потапыч ругал его «старым одром». Больше всех повезло Коле. Очевидно, его подвижность и сметливость были замечены, и помощник командира партизанского отряда Дудников, кавалерист, страдавший от того, что живет в лесу, вдалеке от степных просторов, назначил его к лошадям. Первым делом ему вручили щетку и скребницу, и, выбрав коня поспокойней, Дудников стал с жаром обучать Колю премудростям своего кавалерийского искусства.

Жизнь в лагере шла своим чередом: партизаны укрепляли блиндажи, отправлялись на посты, рыли укрепления на случай, если придется обороняться. Три дня тому назад группа партизан совершила налет на колонну автомашин, груженных боеприпасами. Часть взорвалась, а ящиков тридцать с патронами для автоматов принесли в лагерь. Теперь эти патроны распределяли между теми, у кого были трофейные автоматы.

В штабном блиндаже начальник штаба Великанов и командиры двух рот составляли сводку о действиях отряда за последние три месяца, которую ожидали в штабе партизанского движения. Они подробно перечисляли все операции, а их было много: был подорван железнодорожный мост, и на целую неделю прекратилось железнодорожное сообщение; совершено нападение на немецкий гарнизон в поселке Крутой Яр: партизаны забросали гранатами дома, где жили немецкие солдаты, и после короткого, стремительного боя отошли, а гитлеровцы четыре дня хоронили своих убитых; диверсионная группа взорвала склад с боеприпасами и три склада с горючим; пять эшелонов с войсками и техникой были пущены под откос. Не случайно теперь так строго охраняли гитлеровцы железную дорогу!

Эшелон с сеном, таким образом, должен был стать шестым.

Уже перевалило далеко за полдень, когда Куликов, чуть не падая от усталости, добрался до лагеря. Ватную стеганку он тащил на руке, ворот гимнастерки был расстегнут. Автомат, висевший на ремне, он крепко прижимал к груди, видимо, находя в этом какую-то опору. Он тяжело опустился на пень около бочки с водой, но у него не было даже сил зачерпнуть ее ковшом. Так он просидел одну или две минуты, потом с трудом встал и пошел искать Дудникова. Он нашел его у коновязи в тот момент, когда Коля самостоятельно чистил толстопузого конька коричневой масти с черной гривкой.

— Копыта, копыта ему почисть! — наставительно поучал Дудников. — Встань справа, теперь поднимай ему ногу... Да не бойся, не тронет...

Увидев приближающегося Куликова, он встревоженно обернулся к нему:

— Что случилось?

Пьяный от усталости Куликов оперся о дерево, вытащил из кармана пакет и протянул Дудникову.

— Антон Мироныч прислал! Срочно!

— Ты пойди отдохни,— сказал Дудников, вскрывая пакет.

Куликов покачал головой.

— Должен вернуться назад! Готовьте коня!

Дудников поднял глаза от бумаги.

— А ты знаешь, что здесь еще написано?

— Нет. Приказано передать вам.

Дудников обернулся к Коле и строго сказал:

— Брось скребницу! Позови сюда своего дружка. Поедете на задание. Да побыстрее!

Коля удивленно взглянул на своего нового учителя. Нет, он не шутил.

Дудников смотрел на Колю с каким-то новым, сосредоточенным выражением своих широко поставленных темных глаз, словно стараясь понять, для какого дела может пригодиться этот щуплый мальчишка.

Коля бросил скребницу в траву и вихрем полетел в сторону кухни. По дороге он чуть не сбил с ног Маю, которая несла в блиндаж к Михееву пузырьки с лекарствами.

— Мы на задание идем! — крикнул он.

Мая с достоинством отошла в сторону и проводила его строгим взглядом, в глубине которого, однако, таилась обида...

Повар не задержал Витю Нестеренко. Вернее, он отпустил его даже с некоторым облегчением. Этот толстячок в течение двух часов испортил по крайней мере два мешка картошки. Он умудрялся отхватывать кожуру так, что в результате большая картошка превращалась в грецкий орех.

Услышав, что его вызывает Дудников, Витя оживился. У него уже заломило спину от долгого сидения в одной позе, склонившись над большим медным котлом, среди огромных куч картофельных очисток. Он даже не успел скинуть белый колпак — с такой энергией потащил его за собой Коля.

Опомнился он только тогда, когда они пробежали полпути к коновязи.

— Да не спеши ты так, — жалобно сказал он, — у меня болит спина!

— Ишь ты, какой неженка! — усмехнулся Коля.

— Да я два мешка картошки очистил!

— Ладно! Нечего болтать! — строго сказал Коля.— Мы идем на боевое задание!

— Брось врать!

— Ты колпак лучше сними, дура! Вот я скажу Дудникову, что ты трус!..

— Я трус?! — И Витя полез на него грудью.

Кулаки у него были покрепче, чем у Коли, и неизвестно, как развились бы события дальше, если бы их не окликнул Дудников:

— Ребята! Идите сюда! Подержите коней.

Уже скрестившиеся кулаки так и не вступили в бой. Мальчики повернулись и побежали к уже оседланным коням. Дудников вручил им поводья и куда-то исчез.

Коле досталась та самая лошадь, которую он только что чистил. Она стояла покорно, глядя на него большими черными глазами. Коля потрогал крепкое желтое седло и представил себе, как будет мчаться на этом коне через лес. Витин конь, высокий, рыжий, на тонких ногах, все время беспокойно приплясывал и норовил укусить его. Витя то и дело испуганно дергал поводья и кричал:

— Стой, чертов коняга! Я тебе сейчас...

— Крепче его держи, — поучал Коля тоном опытного кавалериста. — Пусть чувствует руку.

Витя пыхтел и кружился вокруг коня. Наконец он нашел выход: подвел его к кусту, и тот стал рвать желтыми зубами листья.

Они прождали минут десять. В глубине лагеря то и дело мелькала худощавая фигура Дудникова, он бегал из одной землянки в другую, за ним, медленно переваливаясь, ходил Куликов, грызя черный сухарь.

Наконец все дела были сделаны, Дудников вручил партизану туго набитый вещевой мешок.

— По дороге накорми ребят, — сказал он, когда, на радость Вите, Куликов отобрал у него строптивого коня.— Ну, поезжайте.

— А куда мы едем? — спросил Витя.

— На задание, — ответил Дудников, наблюдая за тем, как Коля тщетно пытается забраться в седло: стремя оказалось слишком длинным, и он никак не мог забросить другую ногу. — А какое задание, вам скажут на месте... Ну, давай подсажу! В седло-то когда-нибудь садился?

— Нет, — признался Коля.

— Если бы соврал, все равно бы не поверил.

Дудников подтянул ремни и подсадил Колю.

— А ты, малец, залезай ко мне, — сказал Куликов Вите.— Сядешь на попону позади меня! Вот так! Держись крепче. Поехали!

Вдруг Коля обернулся:

— А оружие?

Но Дудников только помахал им рукой.

Против указанного ему времени Куликов задержался всего на двадцать минут. Он доставил ребят, мешок с продовольствием и еще кое-что нужное для успешного выполнения замысла.

Когда Куликов выехал на поляну, первым к ребятам бросился Геннадий Андреевич.

— Здоро́во! — крикнул он им, словно давно не видел. — Ну, как? Все в порядке?

— Все в порядке, — солидно ответил Коля и, изловчившись, спрыгнул с седла на траву.

Витя, которого порядочно протрясло на острой спине любящего подтанцовывать коня, попытался сползти, но под общий смех мешком рухнул на землю.

— Ну, теперь я вижу, что прибыли в полной исправности, — сказал, подходя, Силаев. — Пусть ребята немного отдохнут, поедят! А потом мы им все расскажем!..

Для того чтобы соблюсти полную конспирацию, обоих пастушков увели в лес и там оставили под охраной одного из партизан. Было решено отпустить их позднее, когда операция будет завершена.

Коля и Витя съели банку мясных консервов, накладывая мясо на хлеб. Витя повеселел.

— Ну, ребята, готовы? — спросил Геннадий Ан-

древич; Силаев и Колесник решили, что говорить с ребятами надо именно ему. Они его лучше знают, да и умения разговаривать с этим народом у него больше. — Давайте-ка сюда, в кружок.

Мальчики подошли поближе. Коля весь как-то подобрался: он понимал, что сейчас услышит что-то очень важное и интересное. Значит, действительно их ожидает важное задание, если здесь собрались и Колесник и Силаев; он уже знал, кто они такие. Витя, тяжело отдуваясь, сел рядом.

Силаев смотрел на ребят с улыбкой на узком загорелом лице. Несколько раз он, переглядываясь с Колесником, как бы старался понять, верит ли он в то, что эти ребята справятся. Не отказаться ли, пока не поздно, от всей этой затеи? Но Колесник смотрел перед собой, хмуря жесткие, с рыжинкой брови, и, видимо, думал о том же.

Геннадий Андреевич неторопливо рассказал о том, что произошло здесь три часа назад, показал ребятам корову, привязанную невдалеке от дороги к дереву, дал им подержать в руках документы.

— Что же мы должны делать? — нетерпеливо спросил Коля, хотя и сам уже обо всем догадался.

— Вы возьмете хворостины, погоните корову на станцию и сдадите ее коменданту.

— Только и всего?

— Нет, — вмешался в разговор Силаев, — самое главное, ребята, впереди. Вот видите, вдалеке желтеют золотистые кубики?

Коля и Витя взглянули в сторону станции, где в ярких солнечных лучах мерцали желтые, словно нарисованные, квадратики.

— Видим, — сказали они в один голос.

— Что это, по-вашему?

— Сено, — догадался Коля.

— Ты умник, — сказал Силаев. — Так вот это сено должно загореться! Видите, сколько рядом эшелонов! Они наверняка взлетят на воздух...

— Как же это сделать? — спросил Витя. — Поджечь спичкой?

Силаев покачал головой.

— Нет, спички для этого дела не годятся! Там вокруг часовые. Ты не успеешь и зажечь спичку, как они тебя ухлопают. У нас для этого есть другая игрушка. Вот видите? — И он протянул на ладони обычный спичечный коробок. — Он заряжен. Через час он воспламенится сам по себе, и пламя его будет такое сильное, что сможет прожечь насквозь даже кровельное железо.

Коля взял коробок из рук Силаева и взвесил: коробок был тяжелый. Он передал его Вите, тот опасливо коснулся пальцем и вернул Силаеву.

— Что же надо сделать? — спросил Силаев, видя, что ребята уже все поняли. — Когда будете пересекать переезд, один из вас — ну, хотя бы ты, Витя, — должен сильно хлестнуть корову, да так, чтобы она побежала к ближайшей платформе с сеном. Посмотрите, крайняя платформа там совсем рядом. А когда корова ткнется мордой в сено, вы начнете суетливо ее оттаскивать. Один из вас заслонит другого, и нужно будет ухитриться быстро засунуть коробок между тюками... Конечно, — прибавил он, — если к этому времени не подоспеет часовой! Рисковать не надо. Ни в коем случае не надо! — повысил он голос. — В случае опасности бросайте коробок. Вот и все. Понятно?

— Понятно! — сказал Коля.

Витя, насупившись, молчал. Геннадий Андреевич тревожно взглянул на него.

— Ты чего, Витя? Боишься?

— Я не согласен, — сказал мальчик.

— Не согласен? — Все посмотрели на него.

— Я могу только корову гнать, — проговорил он, не поднимая головы, — а коробок вы Коле отдайте. У меня всегда все из рук валится.

Геннадий Андреевич облегченно вздохнул.

— Ну, конечно, Витя, коробок понесет Коля.

— Я понесу, — сказал Коля.

— Вот и все, — поднялся Геннадий Андреевич. — Сейчас я вам расскажу ваши биографии и назову ваши имена. Ты, Коля, теперь Семен Бушуев, повтори.

— Семен Бушуев, — повторил Коля.

— А ты, Витя, Василий Ломакин.

— Василий Ломакин, — повторил Витя.

— Сема и Васька, — сказал Геннадий Андреевич. — Вот вам документы. Не забудьте получить расписку по накладной... Теперь я вам расскажу все о ваших родных, старосте и деревне, откуда вы идете...

Вскоре оба мальчика уже наизусть знали свои новые биографии. Партизаны притащили хворостины, брошенные на дороге пастухами. Но когда ребята взяли их в руки, вдруг сразу стало заметно, что одеты они не по-деревенски.

Опытный глаз Колесника сразу это подметил.

— Придется переодеться, — сказал он.

Все согласились. Ребятам пришлось подрожать на холоде, пока партизаны меняли одежду у задержанных парнишек, но зато через несколько минут Коля и Витя неузнаваемо преобразились.

Силаев отдал Коле коробок, и тот спрятал его в карман штанов.

— Ну, ребята, желаю удачи, — сказал Геннадий Андреевич и поцеловал обоих в щеки. — Главное, будьте спокойнее.

— А если все же что-нибудь случится, — вновь подошел поближе Силаев, — мы вынуждены будем отсюда уйти, добирайтесь до лагеря сами.

— Не забудьте, — напомнил Колесник, — через час коробок взорвется. Так что, если его не удастся засунуть в сено, в кармане не держите...

— Мы пошли, — сказал Коля, повернулся и заскользил по склону вниз, к дороге. За ним с меньшей ловкостью устремился Витя. Колесник подмигнул Куликову, и тот побежал вслед за ребятами.

Все молча следили за тем, как они спустились вниз, вышли на дорогу и остановились как бы в растерянности. Куликов отвязал корову от дерева и толкнул ее в бок. Мотая головой, она вышла на дорогу и также остановилась в ожидании. Коля хлопнул ее по загривку хворостиной и махнул рукой. Корова повернулась и покорно поплелась по дороге к станции.

Стоящие на холме притихли. Сложные чувства владели ими. Они чувствовали и страшную свою ответственность и большую отцовскую жалость к этим ребятам, которые сейчас, удаляясь, бредут по дороге. Что их ждет? Маленькая ошибка — и ребята погибнут. Имеют ли они право рисковать их жизнями?

Силаев взглянул на побледневшее, сразу осунувшееся лицо Геннадия Андреевича.

— А если бы это были твои дети, Геннадий Андреевич, ты бы их послал? — спросил он.

Этот жестокий вопрос словно по лицу хлестнул Геннадия Андреевича. Губы его скривились.

— Может, вернем? — прошептал он.

Силаев сжал ему руку.

— У меня погибло двое сыновей, — сказал он тихо. — Два чудесных парня... Но если бы они были живы, я бы их послал!..

А в это время Коля и Витя медленно шли по дороге, соразмеряя свои шаги с неторопливой по-

ступью коровы. Очевидно, она догадывалась о своей участи и потому шла медленно и понуро. Впрочем, это могло быть еще и потому, что она далеко уже перешагнула тот возраст, когда коровы высоко несут свои рога. Это была старая, унылая корова, грязно-белого цвета, с провалившимися боками, на которых темнели коричневые плешины.

Некоторое время мальчики шли в полном молчании, предаваясь своим мыслям. Жутковато им было идти по этой дороге в чужой одежде, с чужими документами, гоня перед собой чужую корову. Но главное, что ждет их впереди? Хотя колхозные ребята и сказали, что на станции их никто не знает, а вдруг староста взял и приехал, чтобы выслужиться перед начальством!

— Ну, Витя, — вдруг сказал Коля, — а самого-то главного мы и не узнали!

— Чего? — даже приостановился Витя.

— А как зовут корову?

Но шутить Витя был не склонен.

— Иди ты! — сказал он. — Лучше помни, как тебя зовут. Тебя зовут Семка... Один раз ошибешься — и погибнешь ни за что!..

— Ничего, Вася! Живы будем — не помрем!..

— А я не хочу помирать! — сказал Витя. — Я еще инженером хочу быть...

— Тише ты! — одернул его Коля. — Раз идешь на задание, только об этом и думай!.. Говори о коровах...

— А чего мне о коровах говорить? — обиделся Витя. — Что ты из себя умника строишь? Думаешь, я хуже тебя?

— Хуже не хуже, а от коробка отказался.

Витя тяжело вздохнул и ничего не ответил. Коля тоже приумолк. Корова вела их к перекрытому шлагбаумом переезду, и теперь уже были видны часовые, внимательно смотревшие на дорогу.

— Ну, Вася, — серьезно сказал Коля: он уже вошел в свою роль, — сейчас я опять выйду вперед, а когда дойдем до часового, ты останься стоять позади коровы... Когда он нас пропустит, я пойду с левой стороны коровы, а ты ее хлестни в правый бок.

— Так корова ведь должна побежать налево?

— Да, налево.

— А как же она побежит, если ты будешь ей мешать?..

Коля думал, что ему лучше оказаться с левой стороны, так, чтобы корова заслонила его от часового у переезда. Но Витя прав: если он будет слева, корова рванется вперед и может прошмыгнуть мимо вагонов. Тогда все пропало.

— Хорошо,— сказал, подумав, Коля,— тогда я пойду рядом с тобой, а когда ты хлестнешь корову, я подбегу к ней, только когда она будет около платформы.

Когда до шлагбаума осталось метров двести и часовой в сером мундире вышел вперед, поправляя на груди черный автомат, Коля занял свое место впереди коровы. Он все время чувствовал коробок, который при каждом шаге ударялся о его ногу. Казалось, он весил пять пудов, этот несчастный маленький спичечный коробок.

«Только быть спокойным, — говорил себе Коля.— Я подхожу, вынимаю документы, предъявляю их часовому, а потом Витя бьет корову в правый бок...»

Чем ближе шлагбаум, тем виднее было, как просто осуществить это дело. Действительно, последняя платформа с сеном почти нависает над помостом переезда.

— Тише ты! На задание идешь!..

Коля даже облегченно вздохнул. Разыграть все это ему представлялось совсем несложным. Он оглянулся и весело подмигнул Вите:

— Подходим!

Витя уныло взмахнул хворостиной, и это получилось у него как-то устало и безразлично, словно он теперь целиком положился на судьбу: будь что будет!

Немецкий солдат весело взглянул на них из-под своей железной каски и окликнул их почти миролюбиво:

— Хальт!..

Потом он подошел поближе, погладил корову по шее, почему-то заглянул ей в нос и сокрушенно покачал головой. Очевидно, ему не понравилась ее худоба. Потом он опять неторопливо обошел вокруг нее, заметил плешины на левом боку, что-то проговорил, на этот раз с укоризной. И, очевидно, решив растолковать ребятам свою мысль, нагнулся, сорвал с обочины дороги пучок травы и протянул его корове. Она взяла траву мокрыми губами и стала неторопливо жевать.

Всякий раз, когда солдат проходил мимо Коли, ему казалось, что тот внимательно смотрит на Колин карман. Молодое, с черными усиками лицо солдата казалось ему непроницаемым и весь он, затянутый в ремни, с вороненым автоматом на груди, — таинственным и непонятным.

Наконец солдату надоела вся эта игра, он взял из рук Коли документы, просмотрел их и, очевидно, ничего не понимая в русском языке, признал их совершенно удовлетворительными. Главным пропуском для него была корова. О том, что ее должны пригнать, он, видимо, уже знал.

Он вручил Коле документы и отошел, чтобы поднять шлагбаум. Наступил решающий момент. Коля видел, как посерело лицо Вити, да и сам он ощутил кисловатый вкус во рту. Все перед его глазами поплыло. Была только корова, желтая громада прессованного сена и отчаянно тяжелый груз спичечного коробка в кармане.

Шлагбаум заскрипел и стал медленно подниматься. Коля встал рядом с Витей, а тот поднял хворостину, чтобы хлестнуть корову. Оттуда, где они стояли, до платформы было не больше десяти шагов...

И вдруг в одно мгновение весь их детально разработанный план разлетелся вдребезги! С противоположной стороны на середину переезда вышел другой солдат, огромного роста, с кинжалом на боку, что-то крикнул часовому, тот со смехом ответил. Тогда пришедший подошел к корове, схватил ее за рог и, громко хохоча, потащил за собой.

Ребята поплелись следом. Все было потеряно. Оставалось только покориться судьбе. Самое большее, что они смогут сделать, — это принести назад расписку на накладной. Столько пережить, для того чтобы все кончилось таким провалом!..

Они миновали переезд, и солдат свернул к станции. Подойдя к дому, он стал что-то кричать; тотчас же из окон высунулось много голов. Солдат крикнул, очевидно, что-то смешное, потому что ему ответили дружным смехом.

Дело, несомненно, касалось коровы. Ее сразу же окружили несколько солдат; они рассматривали ее и потешались.

Вдруг на верхних ступеньках лестницы показался высокий, худощавый офицер. Не взглянув на ребят, которые, всеми забытые, стояли в сторонке, он подошел к корове и брезгливо осмотрел ее.

Обойдя несколько раз вокруг коровы, офицер движением пальца подозвал ребят к себе.

— Сволошь! — сказал он.— Скажить старшине, што я буду бить палка! Понял?

— Понял, господин офицер, — сказал Коля.

Офицер опять повернулся к корове.

— Какой шулик! Прислать дохлый коров!.. — Он постоял немного, сокрушенно покачивая головой; вдруг у него возникло какое-то сомнение — он круто повернулся к Коле и сказал:

— Покашить документ!..

Коля протянул ему пропуск и накладную, смятые в его потных руках. Офицер долго читал, с трудом разбирая русские слова. Он тщательно сличил номер на пломбе, висевший на шее у коровы, с номером, значившимся в накладной. Нет! Все правильно! Подмены не было. И это еще больше взбесило офицера.

— Какой шулик!.. Ему надо петля!.. Возьми, мальшик! — И он протянул Коле документы.

Но Коля вернул ему накладную обратно..

— Господин офицер, — сказал он, — здесь надо расписаться...

— Что-о?..

— Здесь вот надо расписаться! Поставить вашу подпись... А то нам попадет... Будут бить!..

Офицер кашлянул, вынул перо и быстро расписался, плотно и зло сжав тонкие губы.

— Ваш старшина надо повесить!.. — повторил он и бросил накладную на землю.

Коля поднял накладную, тщательно расправил и спрятал за пазуху.

— Мы пойдем, — сказал он.

Офицер молча кивнул головой. Мальчики отошли на несколько шагов, и вдруг Коля повернул назад.

— Господин офицер! — жалобно начал он. — Мы целый день ничего не ели. Дайте хоть кусочек хлебца!

Офицер удивленно и внимательно взглянул на мальчика, и на его лице появилось более мягкое выражение. Пусть русские не думают, что немецкому офицеру жаль куска хлеба для голодного ребенка. В конце концов дети не виноваты, что староста у них мерзавец!

Он что-то сказал солдату, который стоял к нему поближе, и тот скрылся за дверью здания станции. Через минуту он вернулся с толстым ломтем белого хлеба.

У Коли даже дрогнули руки: давно он не ел такой булки!

Взяв хлеб, он низко поклонился офицеру и почему-то даже заплакал. Витя смотрел на него и ничего не понимал. Зачем им нужен хлеб, и с чего это Коля стал вдруг унижаться перед немцами?

Жадно набивая рот хлебом, Коля быстро пошел вперед, и Витя старался от него не отстать. Так они дошли до вагонов.

— Рви у меня хлеб, рви!.. Отними и беги! — вдруг тихо сказал Коля. — Ну, хватай!.. И беги!..

Рассуждать было некогда. Витя подскочил и вырвал из рук Коли хлеб. Тут же Коля так стукнул ему под глаз, что у него все вокруг закачалось.

— Ты чего? — прохрипел Витя, не понимая, что происходит.

— Беги, тебе говорят! — зло прошипел Коля.

И Витя бросился бежать.

— Ах так! — закричал ему вдогонку Коля и, схватив камень, кинул его, намереваясь угодить в спину.

Поняв, что Коля не шутит, Витя рванул вперед со всей мочи, а камни все летели и летели.

Вдруг на его пути возник часовой. Растопырив руки, он схватил Витю.

— Хальт!.. Киндер!

«Взорвется или нет?»

Тотчас же подбежал Коля и стал вырывать из рук Вити хлеб.

— Отдай!.. Отдай!..

— Да ты что, сумасшедший? Возьми свой хлеб назад! — И Витя бросил хлеб на землю.

Их окружили солдаты. Часовой рассказал им, в чем дело, и они недобро поглядывали на ребят. Коля поднял хлеб, очистил его от земли и засунул в карман, всем своим видом показывая, что хлеб принадлежит ему и что он не намерен ни с кем делиться.

Часовой надавал им обоим крепких подзатыльников, перевел через переезд и строго приказал, чтобы они скорее убирались.

— Ты что, с ума сошел?! — сказал Витя, когда они отошли метров на двести и никто не мог их услышать. — Ты меня чуть не пришиб!

— Ничего, — усмехнулся Коля, — у тебя до свадьбы заживет! А знаешь, где коробок?

— Где?

— Я его закинул на сено!

Витя ошалело посмотрел на него, ухнул и сразу забыл все обиды.

Усталые, но счастливые, добрались они наконец до холма, и Коля подробно рассказывал обо всем, что с ними произошло. Витя слушал и удивлялся, как все это ловко у них получилось. Даже синяк под его левым глазом, который все внимательно рассматривали, представлялся теперь ему чем-то вроде боевого ордена.

Геннадий Андреевич сжал их в объятиях.

— Спасибо, ребята,— сказал Силаев,— вы настоящие разведчики!

— Зачисляю вас к себе в отряд! — сказал Колесник. — Вернемся в лагерь, отдам приказ.

Опять началась процедура переодевания. Пока Куликов таскал взад-вперед одежду, на поляне напряженно ждали. «Попал коробок в сено или не попал? А если попал, взорвется он или нет?»

— Знаете что, товарищи, — нарушил томительное ожидание Силаев.— Даже если сгорит лишь одна платформа, и тогда сделано большое дело!

— Согласен, — проговорил Колесник. — Но я не верю, что это простое сено! Какая-то собака в нем зарыта.

— Что же там может быть? — спросил Геннадий Андреевич.

— Подождем — увидим, — неопределенно ответил Колесник. — Уж слишком ровные и одинаковые кубы!.. Это очень подозрительно!..

Силаев взглянул на часы.

— Осталось пять минут!..

Последние минуты тащились, как волы. Солнце уже клонилось к горизонту, и станция все больше сливалась с густой синей тенью дальнего леса.

Силаев стал заметно нервничать.

— Черт подери! — проговорил он. — Уже время!..

Вдруг вдалеке вспыхнул огонек.

— Горит! вскрикнул Геннадий Андреевич.

Но огонек сразу потух. Может быть, кто-то из солдат мигнул фонариком или прикурил от зажигалки?

Прошло, безусловно, больше, чем пять минут. Сверх установленного срока Силаев накинул еще десять. В конце концов точно рассчитать химический взрыватель нельзя. Должен быть какой-то допуск.

— Ты, Коля, уверен, что коробок попал на сено?—

тихо спросил Геннадий Андреевич, когда ребята, вновь переодевшись, встали рядом с ним.

— Уверен, — так же тихо ответил Коля и отодвинулся: его задело это недоверие.

Колесник курил одну цигарку за другой. Его челюсти были все время в движении. Казалось, он жует мундштук. Силаев уже знал эту его привычку в минуты душевного напряжения не столько курить, сколько искать выход накопившемуся нетерпению.

— Может быть, пойдем? — сказал вдруг сердито Колесник. — Зря мы тут время теряем!

Он поймал Колин встревоженный взгляд и отвернулся.

— Подождем еще немного, — сказал Силаев. — Больше ждали...

— Не ночью же возвращаться, — проворчал Колесник. Он потерял всякую надежду на успех дела.

И вдруг яркая вспышка вдалеке сразу привлекла всеобщее внимание.

— Горит! — воскликнули Коля и Витя.

Да, вспышка была так сильна, что можно было уже не сомневаться: коробок взорвался!

Пламя быстро поползло по сену, и через несколько мгновений вся платформа превратилась в огромный пылающий костер.

У всех вырвался крик радости. Силаев приложил к глазам бинокль.

— Бегут с баграми! — отрывисто бросал он. — Растаскивают сено!.. Загорелась и вторая платформа!.. Так-так!.. Что это? Может, я ошибаюсь? Взгляните, товарищ Колесник, что там под сеном!..

Колесник быстро взял из его рук бинокль, взглянул и удовлетворенно улыбнулся.

— Ну, что я говорил! Ничего себе фураж!.. Тридцать тонн каждый!

Теперь Геннадий Андреевич все увидел и невооруженным глазом.

— Танки?!

— Танки, — подтвердил Силаев. — Вот мы и открыли их тайну! На этих тридцати платформах — тридцать тяжелых танков!.. Надо как можно скорее радировать в штаб фронта: пусть высылают бомбардировщики!.. Ну что ж, а теперь надо написать письмо старосте. Не будем подводить ребят...

Когда пастухов вывели на поляну, Коли и Вити на ней уже не было. В целях конспирации Силаев отослал их в сторону. Не нужно, чтобы пастухи их видели.

— Вот тебе, Сема, письмо, — сказал Силаев, протягивая листок бумаги. — Здесь все написано. — Он хитро прищурил левый глаз. — Только об одном я не написал: что вы с Васькой заменили корову. Я ведь точно знаю, что старшина вам другую корову дал!

Ребята испуганно отпрянули от него.

— Это не мы меняли!

— А кто?..

Сема потоптался, посмотрел себе под ноги и наконец признался:

— Мой дед заменил!.. У нас колхозные коровы припрятаны. Кормить их нечем. Ну, он и сказал: «Возьмем хорошую корову, а плохую пусть немцы едят!..»

— Скажи деду, — строго помахал пальцем Силаев, — чтобы он таких глупостей больше не делал! Хорошо, что сейчас вина на нас падет, а то староста задал бы ему!..

Пастушки, тщательно спрятав письмо к старосте, ушли, а отряд повернул к партизанскому лагерю.

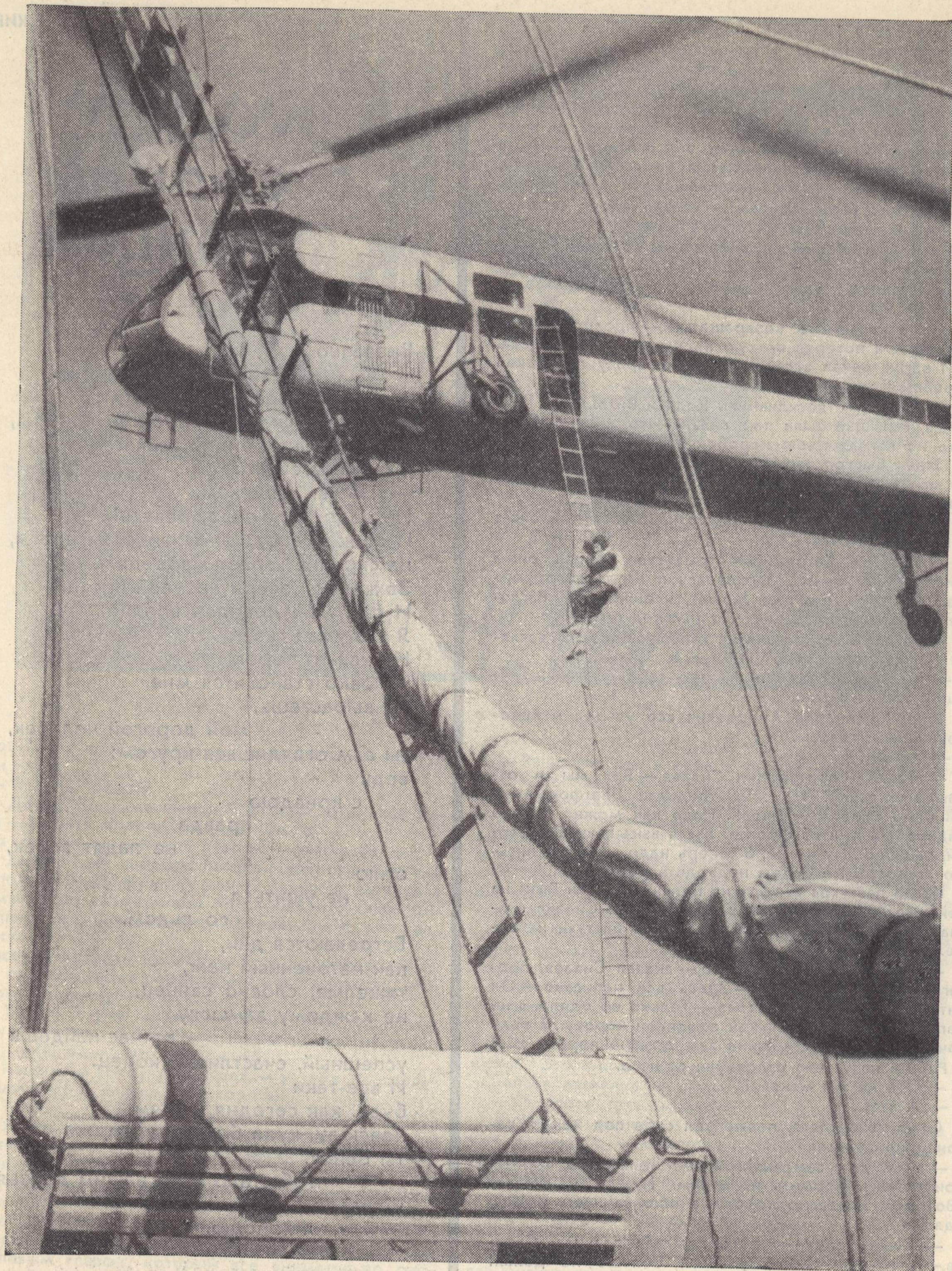
(Продолжение в следующем номере)

Анатолий **ЛЕВУШКИН**

Сказка с хорошим концом

Внезапно
печален сынишка лицом,
и слезы в ресницах блестят:
он требует сказку с хорошим концом,
чтоб волк не обидел зайчат.
Скорей утешаю:
— Не выслушал ты.
Не надо, дружище, реветь!..
И волк преподносит зайчатам цветы,
на скрипке играет медведь.
Захвачены звери веселой игрой.
И сын мой доволен вполне...
Я выдумал сказку.
Но как-то порой
неловко становится мне.
Ты вырастешь,
мой дорогой человек,
ты сам оглядишься кругом:
ведь
с кривдою
правда
не ладят вовек,
огню
не ужиться
со льдом.
Встречаются дни,
как наточенный нож,
тяжелые, словно свинец,
не каждому замыслу
тотчас найдешь
успешный, счастливый конец.
И все-таки
будь, как сегодня, упрям,
повсюду, куда б ни пришел,
ты бейся,
чтоб стало всем нашим друзьям
и весело
и хорошо.

РАБОТЯГА-ВЕРТОЛЕТ

А. НЕКРАСОВ
Рисунки А. Шаброва.
Фото А. Александрова
и О. Кнорринга.

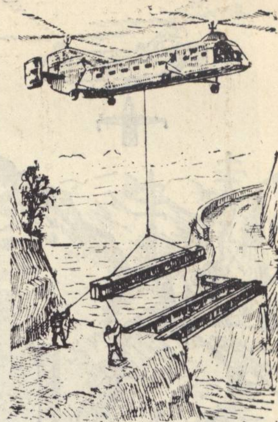
Как стрекоза над рекой, застыл вертолет над палубой маленького кораблика. Он так и не сдвинется с места, пока человек не спустится по длинному прочному штормтрапу. Но как только он ступит на палубу, вертолет метнется в сторону и понесется назад, к родному аэродрому.

Пятнадцать лет назад советские вертолеты делали первые, несмелые шаги. Сегодня по всей стране на любом нашем аэродроме, всегда готовые к полету, стоят маленькие, похожие на стрекоз, и огромные, как железнодорожные вагоны, вертолеты, а их экипажи никогда не знают, какое новое, непривычное дело придется делать им завтра.

Конечно, чаще всего приходится со срочным заданием лететь туда, где не может сесть обыкновенный самолет. Такие места есть и в горах, и в тайге, и в тундре, и в море... Вот тут на первой фотографии снято, как вертолет привез врача в море, на судно, где неожиданно тяжело заболел человек.

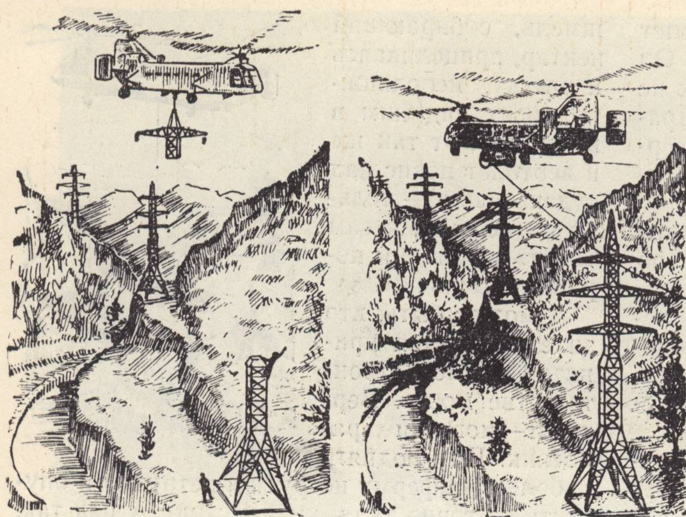
Врач остался на судне, а вертолету ждать некогда: его ждут новые, непривычные дела.

Может быть, снова придется лететь в море — снабжать рыбаков... Вы видели, как шмель, собирающий нектар, прицеливаясь к цветку, неподвижно висит над ним в воздухе? Вот так же и вертолет повис над суденышком — только он не пьет, а сам «поит» рыбацкий кораблик горючим.

А может быть, кто знает, придется принять участие в строительстве моста. Вертолет — могучий работник. Ему поднять небольшую ферму нетрудно, нетрудно и опустить ее точно туда, куда нужно. А раз так, зачем же возводить временные сооружения для наводки моста, если можно прямо с неба, как игрушку, положить его на береговые опоры?

Нелегкое дело — прокладывать линию электропередачи в труднодоступных местах. Завезти туда громоздкие стальные опоры, тяжелые мотки проводов... Совсем недавно это

щихся в помощи и перевезет на сухую землю...

А на аэродроме уже ждет новый наряд — забросить на горное плато автоколонну экспедиции. Дорог туда нет, а путь изыскателям предстоит немалый. И вот бережно, как дорогую безделушку, ставит вертолет-работяга груженую автомашину. Рядом поставит другую, третью, и отряд в полном сборе тронется вперед по нехоженой горной целине...

А там опять придется браться за фермы, только на этот раз не мостовые, а строительные. В новом городе выстроили дом. Пора класть крышу. Кранов тут нет пока, вот и вызвали вертолет вместо крана...

Тут бы и отдохнуть после стройки, но снова срочное задание: горит тайга. Нужно немедленно забросить туда отряд лесников-пожарных, определить размеры очага огня, подкинуть противопожарные материалы и снаряжение.

И, замахав винтами, в новый путь отправляется работяга-вертолет, застывает в воздухе над морем огня, фотографирует очаг пожара, завозит в лес патрули...

Рассказать обо всех делах, которые приходится делать вертолетчикам, здесь невозможно. Много разной работы поручают вертолетам. Но это только малая доля тех дел, которые будут они выполнять завтра.

казалось немыслимо трудным делом и приходилось порой в обход вести линию. А сейчас вертолеты, спустившись где нужно, как пешки на доске, расставляют мачты, тянут провода, и в самых недоступных местах линия передачи ложится с невиданной прежде быстротой...

Сегодня — электромонтажники, а завтра, может быть, придется стать осводовцами, как вот эти вертолетчики, прилетевшие спасать людей, врасплох застигнутых наводнением... Лодок нет, на самолете здесь не сядешь. Вертолет, не спеша, подберет всех нуждаю-

Пройдут недолгие годы, и вертолет, который сейчас — стоит ему приземлиться — собирает вокруг себя толпу любопытных, станет таким же обычным, как грузовик, трактор или легковая машина.

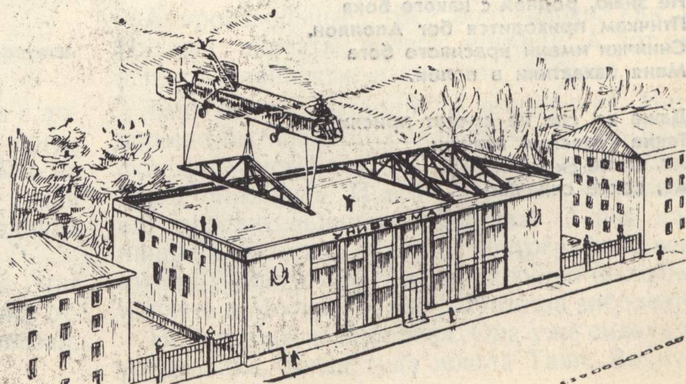
Будут, конечно, и вертолеты-такси, и вертолеты-паромы, и вертолеты — летающие магазины...

И каждый новый день нашей жизни будет открывать перед вертолетами новые воздушные дороги.

Строят у нас вертолеты большие, как железнодорожные вагоны, и совсем маленькие, чуть побольше «Москвича».

Но сколько бы ни строили наши заводы вертолетов, любому из них найдется у нас непочатый край работы. Потому что бережно храним мы наши богатства, потому что пытливо изучаем каждую пядь нашей земли, потому что один за другим строим новые города, мосты, электростанции, потому что дороже всего для нас человек, где бы он ни был: в далеком море, в тундре, в затопленном водой поселке.

И где бы ни случилась нужда, на стройку, на разведку, на помощь терпящему бедствие по первому зову готовы идти бесстрашные советские люди. И куда бы ни послала их страна, какую бы трудную работу ни поручила, в любую точку земли доставит, а если нужно, и в работе поможет безотказный, всегда готовый к полету, быстроходный, могучий и послушный работяга-вертолет.

Стихи И. ЛАВРОВА

ДРУЗЬЯ ЛЕСА

Летают птички по лесу
Себе и нам на пользу.
Хоть ходи в троих очках,
Хоть в бинокль разглядывай,
Не увидишь червячка,
Не найдешь проклятого.
Мухоловки знают дело:
Ловко ловят, без сачка,
Прыгать птичкам по сучкам
Позволяет легкость тела.
Как-то я глядел, как ловко
Действовала мухоловка:
Взлетая над черемухой,
Ловила мух без промаха.
Сколько за день всяких мушек,
Червячков и твари прочей
Птички скушают, к тому же
Аппетит у птичек волчий.

АПОЛЛОНОВКИ

Синички аполлоновки заполонили ели.
Ели словно ожили и помолодели:
Посвист мелодичный птичек длиннохвостых
Бодростью и радостью будоражит воздух.

С ели на ель без остановки,
Начинают ели звенеть и цвести;
Стойкие стайки аполлоновок ловких
За собой часами могут вести.

В любую погоду, даже в дождь,
Увидишь компанийку птичек милых,
Разинешь рот и за ними идешь
И глаз отвести не в силах.

Не знаю, родней с какого бока
Птичкам приходится бог Аполлон.
Синички имени красивого бога
Меня захватили в полон.

Даже во сне не смогут присниться
Такие чудесные птички:
Ах, какие синицы!
Ах, какие синички!

ПРИТВОРЯШКА

Он сначала удирает,
А когда не посчастливится,
Притворяшка умирает —
Притворяется, паршивец.

Так, бывает, под бока
Надают, когда догонят,
Ну, а мертвого жука
Даже воробей не тронет.

Умирая понарошке,
Подожмет жучишка ножки
Да и ляжет на дорожке,
Точно знает хитрый плут,
Что лежачего не бьют.

«Потревоженный притворяшка поджимает усики и ноги — «умирает», быстрота, с какой жуки «умирают», настолько бросается в глаза, что именно этих жучков и прозвали притворяшками, хотя притворяются мертвыми многие жуки».

«Притворяшки распространены по всему свету и весьма многочисленны».

«В домах нередко встречается притворяшка-вор».

БРЕМ

УКРАДЕННАЯ СЛАВА

Е. БРУСКОВА　　Рисунки Н. Шеберстова.

Шел четвертый урок. Таня списывала с доски, подчеркивала слова, придумывала предложения, а сама то и дело посматривала на часы, висевшие в классе. Когда до конца урока осталось пять минут, она подняла руку.

— Нина Александровна, разрешите мне уйти с литературы. У меня завтра очень ответственное соревнование, и тренер сказал, чтобы я как следует отдохнула.

— Хорошо, девочка.— Учительница подошла к ее парте.— Какое же у тебя соревнование?

Таня взглянула на Милку Горшкову, ходившую с важным видом после того, как ее показали по телевизору. Нечего задаваться! В конце концов на пианино умеет играть половина шестого класса. А фигурным катанием занимается только она, Таня Степанова. Нарочито безразличным тоном она сказала:

— Очень ответственное, отборочное. Решается вопрос, кто поедет в Москву.

Дома Таня быстро укладывала чемоданчик. На дно легли черные ботинки с коньками — тренировочные — и белые—для соревнований и выступлений. Она всегда брала с собой две пары ботинок. Мало ли что может случиться! У Тани в портфеле всегда лежала лишняя резинка, запасная ручка, чистая тетрадь.

Она отложила в сторону обычную тренировочную юбку из вельвета и шерстяной джемпер и накинула на себя голубую шелковую юбочку, покрытую блестками. Покружилась перед зеркалом, думая о завтрашнем дне.

Но радостное ожидание пропало, как только она вспомнила о Наташе, своей главной сопернице. Она представила себе, как Наташа легко, грациозно делает на льду самые сложные пируэты, как будто у нее под ногами и не лед вовсе...

В обязательной программе Таня, пожалуй, шла впереди Наташи. Она могла без конца повторять неудавшуюся фигуру и не уходила со льда до тех пор, пока тренер не говорил:

— Хватит. Ты уже устала, иди домой.

А произвольные... Все получалось, как у Наташи: пируэты, волчок, прыжки. А вот ее непринужденности, изящества не было.

Таня быстро захлопнула чемоданчик. Нет, хорошо бы поехать! Говорят, что ленинградские фигуристы сильнее. Москвичек нетрудно будет опередить. И вот она, Таня Степанова, победительница первенства. О ней напишут в газетах, поместят фотографии, вся школа узнает о ней. Ах, как хорошо было бы попасть в Москву! А вдруг Наташа заболеет!

Но Наташа не заболела. Она уже сидела в раздевалке, когда туда вошла Таня. Вокруг

нее толпились девочки. Они были чем-то взволнованы. На Таню никто не обратил внимания. Она никогда ни с кем не ссорилась, но и в особой дружбе ни с кем не была.

Таня не любила их привычки меняться перчатками (еще растянут!), делиться апельсинами (если бы она приносила с собой несколько штук, но мама дает ей один апельсин, а тренер говорит, что во время занятий надо что-нибудь съесть!), волноваться за подруг во время соревнований (она не верила этим переживаниям: ведь каждой хочется выиграть самой!).

Таня, немного подумав, достала белые ботинки и принялась их зашнуровывать. Сегодня надо быть в полной форме. А черные остались лежать на дне чемоданчика.

— У меня одна заклепка на ботинке отскочила. У тебя нет с собой запасной пары? Ты ведь всегда носишь,— спросила ее Наташа.

Таня продолжала зашнуровывать ботинок. Так вот что случилось! Таня хорошо знала, что такое сломанная заклепка. Конек держится на ботинке, но не так прочно. И у тебя появляется чувство неуверенности, робости. Движения становятся скованными, некрасивыми.

Отдать те, черные? Но тогда прощай, Москва! Нет, нельзя упустить такой случай! Она подняла голову:

— Понимаешь, как раз сегодня не взяла. Я очень спешила.

Девочки промолчали. Наташа отвернулась. А может, кто-нибудь заметил, что у нее есть еще одни коньки?

Когда Наташа вышла на лед, Тане захотелось уйти. Ей казалось, что музыка отодвинулась куда-то далеко, и весь стадион слышит, как бьется ее сердце, и все знают о коньках в ее чемоданчике.

«В конце концов я могла действительно забыть коньки,— уговаривала себя Таня.— Почему никто из них, растреп, не берет запасные? И как можно перед соревнованием не проверить клепку? Сама виновата!»

Результаты соревнований были объявлены в полной тишине.

— Поздравляю тебя, Таня,— сказал тренер, в то время как девочки преувеличенно внимательно укладывали свои вещи.

Впереди была Москва!

В Москве Таня выступала неважно. Даже хуже, чем могла бы. У москвичек было полгорода друзей, и они обрушивали на стадион

«А может, кто-нибудь заметил, что у нее есть еще одни коньки?»

такой шквал рукоплесканий, что, казалось, судьи не могли решать объективно. А впрочем, Таня и сама видела, что москвички хорошо подготовлены.

Они утешали Таню:

— Ничего, не грусти. В Ленинграде ты, конечно, выступила бы лучше. Наш тренер говорит: «Дома и стены помогают». Всегда легче, когда за тебя болеют.

Таня вспомнила молчание девочек на отборочных соревнованиях и свое одинокое возвращение домой в тот день. Нет, за нее никто не болел...

— Вот у нас есть одна очень способная девочка. Если бы она приехала на соревнование, первое место было бы за нами,— сказала Таня.

Москвички немного обиделись:

— Так чего же она не приехала?

Таня почувствовала, что краснеет.

— Она заболела...

Все четыре первых места заняли москвички. А Таня только пятое. Но ее новые знакомые подняли вокруг нее такой шум, словно она выступила лучше всех. Ей подарили альбом с видами Москвы, а на обложке написали: «Лучшей фигуристке Ленинграда». Из какой-то школы просили кого-нибудь из «чемпионов» прийти на спортивный праздник. Москвички уговорили пойти Таню.

На вечере Таня рассказывала, как она занимается спортом, а весь зал смотрел на нее, ну, совсем так же, как у них в школе разглядывали знаменитого киноартиста.

Какой-то фотокорреспондент пришел снимать лучших фигуристок. Девочки поставили Таню в первый ряд.

Таня занималась на стадионе пять лет, но никогда у нее не было столько друзей и подарков. Вот и пришла слава, о которой она так мечтала.

Но ей опять вспоминалось, как выбежали девочки со стадиона вместе с Наташей и пошли домой, словно и не замечая ее, Таню. А она, победительница, шла одна, и не было рядом никого, кто порадовался бы ее удаче.

Так, наверное, будет и тогда, когда она вернется из Москвы.

Было все, о чем она мечтала дома: фотография в газете, передача по радио, выступление в школе. Но радости это не доставляло. Тане хотелось разорвать газету и выбросить альбом с надписью.

Она и не думала, что украденная слава бывает куда тяжелее, чем честно проигранный бой...

Пустоцвет

Владимир ЛИФШИЦ

Рисунки Е. Ведерникова.

Может он
вполне свободно
рассуждать о чем угодно:
о фильмах, о нравах,
о бивнях слоновых,
о наших задачах,
о шахматных матчах,
о средствах от моли,
о штанге,
о гире,
о школе,
футболе,
о «ТУ-104»...
Расскажет он вам,
что за мастер Ботвинник,
а сам на доске
даже пешкой не двинет!

Он будет болтать вам
о «Волге» и «Чайке»,
а сам подвернуть
не сумеет и гайки!

Загнет о футболе
красивую фразу,
а сам по мячу
не ударил ни разу!
И нам не найти,
к сожалению, дела,
которое сам бы
он делал умело...

Мой вывод вам ясен,
питаю надежду:
всезнайка —
он очень похож
на невежду!

ГЛИНЯНЫЙ

БАРАНЧИК

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки Ф. Лемкуля.

У меня на столе стоит глиняный баранчик. И шерсть у него из глины, и рога из глины, и ножки глиняные. Глаза у баранчика веселые, выпуклые, как два бугорка. А на голове горлышко и пробка.

Летом я открываю пробку и наливаю в баранчика холодную воду. Когда захочется пить, я кладу ему руку на загривок, наклоняю баранчика вперед, и тогда из глиняного носика в стакан течет тонкая струя воды. Даже в самые жаркие дни вода в баранчике не нагревается. Она такая же холодная и свежая, как в реке Рыбнице.

Вы слыхали о такой речке?

Рыбница — река небольшая, но очень бурная и неугомонная. Течет она с Карпатских гор. И кажется, так разбежалась на склоне, что никак не может остановиться. Споткнется о камень, упадет и дальше бежит. В этой горной холодной реке водится много рыбы. Поэтому ее и назвали Рыбницей.

А при чем здесь баранчик?

Если бы он был не глиняным, а самым настоящим, живым барашком, то он щипал бы травку на зеленых склонах Карпат и пил бы студеную воду из реки Рыбницы. Потому, что родом он из этих мест. Но баранчик мой не настоящий. И шерсть у него из глины, и ножки из глины, и рога глиняные. Родился он не в овчарне, а вышел из горячей гончарной печи. И было это очень давно.

Если поднять баранчика над головой, то на его желтом глиняном брюшке можно разобрать надпись: «Цвиличка».

«Цвиличка»! Это слово напоминает щебет весенних птиц. Или журчание ручейка, бегущего по камням. Но это слово означает не щебет и не журчание. Цвиличка — это имя. И принадлежало оно маленькой девочке, дочери бедняка-гончара.

Цвиличка жила с отцом в гуцульском селе, что стоит на отвесном берегу реки Рыбницы. Она была маленькая и худенькая. Бегала она босиком, в выцветшем ситцевом платье, поверх которого был надет киптарь. Киптарь, расписной гуцульский жилет, был старым и длинным, он доставал девочке до колен. Потому, что шился он не на Цвиличку, а на отца. Когда киптарь сносился, отец отдал его дочке. Киптарь побывал и под дождем и под снегом, веселые, цветные лоскуты, которыми он расшит, поблекли, потеряли свой былой цвет.

Отец Цвилички был гуцульский гончар. Он делал из глины самые разные посудины: куманцы — плоские глиняные фляги; калачи-баклаги, круглые, как баранка с дыркой посередине; дзюбочки — кувшинчики, похожие на сову, с клювом и глазами,— и много разных других чашек, тарелок, мисок. Вылепит он их из глины, испечет в печке, как пироги, и отправится на базар.

Но отцу не везло. Уедет на базар с полным возом и с полным возом вернется домой. Не хотят покупать его куманцы, калачи, дзюбочки.

— Невезучий я,— говорил он дочке.— У соседей берут, а у меня нет.

С отчаяния отец махнул рукой на работу. Погасла гончарная печь. В доме стало холодно, голодно. Даже веселый гончарный круг, который вечно крутился, как волчок, помогая отцу работать, остановился. На нем сиротливо лежал комок глины.

И вот однажды к рабочему месту отца подошла маленькая Цвиличка. В раздумье она стала мять своей теплой ладошкой холодный, влажный комок глины, как это делал отец. И чем дольше она это делала, тем теплее и податливее становилась глина. Казалось, что девочка поделилась с ней своим теплом, и глина подобрела.

Потом девочка, как отец, кинула согретую глину на гончарный круг, так что комок, шлепаясь, издал веселый цокающий звук, словно причмокнул языком, и стала тихонько босой ногой вращать круг. Круг вертелся, и глиняный ком вертелся вместе с ним, как будто катался на каруселях. Маленькие ру-

ки Цвилички трогали его то сверху, то снизу. Она старалась делать все так, как это делал отец. Наконец из бесформенного комка получился аккуратный бочонок. Тогда девочка остановила круг и задумалась. Что же делать дальше?

Она думала и прикладывала к бочонку комочки глины. Раз, два... Вот уже прилеплено четыре комочка. Ножки. А теперь надо сделать рожки. А теперь носик. Получился баранчик. Совсем как настоящий, только глиняный и слепой. Не хватало глаз. Цвиличка так старалась, чтобы глаза были заметней, что сделала их выпуклыми.

И вот перед девочкой на старом гончарном кругу возник самый что ни на есть настоящий глиняный баранчик. Он смотрел на нее своими выпуклыми, смешными глазками и как будто спрашивал: «Как я тебе нравлюсь?»

И девочка кивала ему головой: мол, очень нравишься.

Потом Цвиличка осторожно взяла его в руки и пошла к соседям, чтобы обжечь свою поделку в гончарной печи: дома печь не топилась. Она поставила баранчика на досточку и отправила в печь, как пирог на противне. Пекись как следует, баранчик!

В печку баранчик вошел холодный, сырой, мягкий. Зато вышел оттуда сухим, теплым, крепким, как кирпич. Щелкнешь его в бок, и он весело зазвенит. Теперь баранчик чувствовал себя куда увереннее.

Тогда Цвиличка посадила его к себе на колени, взяла рожок с краской и стала раскрашивать. Расписала на его желтых боках коричневые и зеленые узоры. Нарисовала прядки шерсти. Выкрасила ножки, рожки и глаза. А на желтом брюшке по буковке вывела свое имя — «Цвиличка». И снова отправила баранчика в печь.

Наконец баранчик был готов.

Что за баранчик! Он аппетитно сверкал свежими красками и был такой веселый, такой живой, что казалось, сейчас он пропоет свое протяжное «ме-ме» и побежит на берег Рыбницы щипать травку.

В воскресенье отец снова собрался на базар.

— Если и на сей раз ничего не удастся продать,— сказал он дочке,— перебью все миски и подамся батрачить!

Он снова стал нагружать телегу мисками, куманцами, баклагами-калачами и прочей и прочей глиняной посудой. А когда собрался было съезжать со двора, к нему подошла Цвиличка и сказала:

— Возьми меня на базар.

— А что ты там будешь делать?

— Торговать.

— Чем?

И тут Цвиличка протянула отцу своего маленького глиняного баранчика.

— Вот чем.

— Баранчик? — удивился отец.— Где ты такого раздобыла?

— Сама сделала.

— О! — сказал отец и принялся рассматривать поделку.

Он крутил баранчика во все стороны,

подбрасывал его на ладони, дул в него и щелкал по боку. Ай да баранчик!

Оценив как знаток своего дела работу дочки, отец сказал:

— Ладно. Заберу я с собой твоего баранчика, может быть, он принесет мне счастье. А ты жди меня дома.

Отец подошел к возу и бережно поставил Цвиличкиного баранчика рядом со своими изделиями. И уехал.

А Цвиличка осталась дома: она была маленькой девочкой, и ей действительно не к чему было совершать большое путешествие на базар.

Она осталась дома, но целый день то и дело выбегала за ворота посмотреть, не едет ли отец. Но отца все не было. «Как ты поживаешь, мой баранчик?» — думала девочка. И перед ее глазами возникал он, маленький, с острой мордочкой и выпуклыми глазами.

Наконец под вечер вдалеке раздался грохот старой телеги. Колеса прыгали по круглоголовым камням, и в такт им на возу раздавалось: «Бом, бом, бом!..» Цвиличка побежала навстречу. Уже издали она увидала, что отец возвращается с полным возом. Значит, отцу снова не повезло. Не принес ему счастья веселый глиняный баранчик.

Цвиличка остановилась и посмотрела на отца. Почему же отец улыбается?

— Продал, дочка,— сказал он, потрепав хрупкую девочку по плечу.— Твоего баранчика продал. Десять крейцеров получил.

И он хлопнул себя по карману.

Цвиличка удивленно посмотрела на отца. А он говорит:

— И знаешь, дочка, на твоего баранчика много охотников было. Говорят: следующий раз привози побольше таких! Мы теперь с тобой баранчиков вместе делать будем. Вот как я думаю.

С той поры маленькая Цвиличка стала помощницей отца. Отец мял глину, бросал ее на вертящийся гончарный круг. А дочка приделывала баранчикам ножки, рожки, смешные выпуклые глаза.

Глиняный баранчик стоит у меня на столе и поглядывает веселыми глазками. Шерсть у него из глины, и рога из глины, и ножки глиняные. А на желтом брюшке ломким почерком написано имя известной всей советской Гуцульщине мастерицы. Имя, похожее на щебет птицы и на журчание ручейка,— Цвиличка.

ВОРОБЬИНАЯ РЕСПУБЛИКА

Смотрите, смотрите, что за белая птица парит под самыми облаками?

Лапы вытянуты, клюв устремлен вперед, крылья легли на ветер. Чем ниже опускается птица, тем все больше и больше становится она. Медленно, лениво машет она широкими белыми крыльями. Наверное, нелегко ей опускать и поднимать, опускать и поднимать такие большие крылья.

Узнали, что это за птица?

Это аист!

Я бегу за ним, чтобы посмотреть, где он опустится, где его гнездо. Вот аист, как самолет над аэродромом, сделал два плавных круга и пошел на посадку. Там, видимо, и находится аистиный дом.

На окраине деревни стоит большой тополь с отломанной макушкой. То ли молния ударила в дерево, то ли ветром сломало. Вот тут-то и облюбовал аист место для своего гнезда. Как большая серая ватрушка, лежит на дереве круглое гнездо. Края у «ватрушки» высокие. А там, где полагается быть творогу да изюму, сидят аистята.

Аистиное гнездо без крыши. И когда идет сильный дождь, папа-аист складывает широкие крылья домиком, и дождинки стекают по перьям вниз. В гнезде всегда сухо.

Аист опустился к гнезду. Повис над ним в воздухе, как вертолет, выбирает место, куда бы лучше поставить ноги. Вот он в гнезде. Стоит, приплясывает, машет крыльями,

хочет получше устроиться. Наконец он встал на одну ногу, а другую поджал. И застыл: отдыхает. Только глаза поглядывают по сторонам.

Когда я подошел к тополю, то услышал щебет, чириканье, свист. Казалось, что на каждой ветке дерева сидит по доброму десятку пернатых певцов. Я стал внимательно всматриваться в тополиную зелень, но не заметил ни одной птицы, кроме двух воробьев. Да и те молчали.

Откуда же доносится многоголосое птичье пение?

Оно долетало ко мне из гнезда. Уж не аисты ли научились чирикать по-воробьиному? Быть этого не может! Аисты обычно стучат одной половинкой клюва по другой, словно линейкой по парте, а других звуков издавать не умеют.

Тут я заметил между прутьев «ватрушки» маленькую серенькую головку воробышка. А вот еще одна головка! А вот к гнезду подлетел воробей и скрылся в щелке.

Вот в чем дело!

Оказывается, между ветками большого аистиного гнезда поселились десятки предприимчивых воробышков. Каждый из них нашел себе щелочку, закуток. Так жить куда легче, чем под открытым небом.

Я стоял с задранной головой, не отрывая взгляда от этого поющего гнезда. Прямо не гнездо, а настоящая воробьиная республика!

Тут аист, казавшийся спящим, вытянул шею да как защелкает клювом. Услышав этот пронзительный треск, все маленькие пернатые жильцы перестали петь. Так умолкают шумные ребятишки, когда сердитый сосед постучит в стенку кулаком.

Гнездо затихло.

Вероятно, каждый воробей прекрасно понимал, что здесь он не домовладелец, а жилец, что хозяин гнезда — аист и раз он гневается, то лучше замолчать, а не то, чего доброго, из гнезда выгонит.

Стало тихо. И аист перестал щелкать клювом. Казалось, воробьи провалились сквозь землю, стали невидимками.

Прошло некоторое время, и снова гнездо запело, зачирикало, засвиристело. Словно все обитатели многоквартирного воробьиного дома спешили сообщить, что они на месте, что они никуда не делись. Но аист больше не прикрикивал на своих маленьких жильцов. Он махал на них крылом: что с ними поделаешь!

Через год я снова попал в эти места. Все здесь изменилось. Шумели машины. Зевали во весь рот экскаваторы. Подъемные краны одной рукой выжимали тяжелые грузы. Ни тополя, ни воробьиной республики и в помине не было. На этом месте стоял подъемный кран. И был он чем-то похож на огромного железного аиста, стоящего на одной железной ноге, поджав вторую ногу. В железном клюве «аист» держал длинный, похожий на червяка стальной трос с крюком. «Аист» поворачивал свой клюв то влево, то вправо, будто посматривал по сторонам.

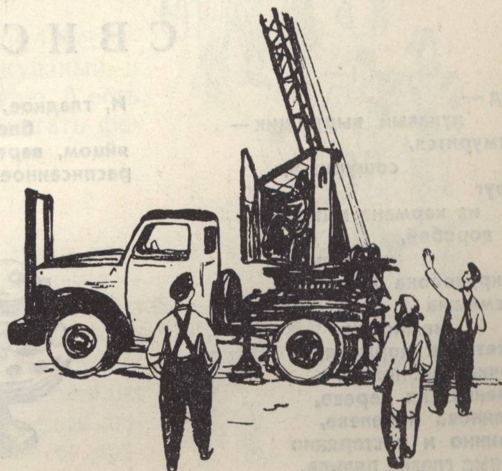
Мне стало грустно. Ведь вместе со старым тополем погибла и звонкая, веселая воробьиная республика.

В это время неподалеку от меня остановился самосвал. Водитель соскочил на землю, поднял капот машины и стал делать что-то такое, от чего машина недовольно зарычала и выпустила едкое облако дыма. Наконец машина успокоилась. И шофер тоже остался доволен ею. Он стоял рядом со своим самосвалом и вытирал руки тряпкой.

— Вы давно здесь на стройке? — заговорил я с водителем.

Он посмотрел на меня исподлобья, словно раздумывая, отвечать на мой вопрос или нет. И нехотя сказал:

— Давно. С первых дней. А что?

— Вы не помните, вот здесь (я указал на то место, где сейчас возвышался кран) стоял тополь с аистиным гнездом?

— Как же, помню,— сказал шофер, и его лицо сразу потеплело.— Мы тополь срубили.

— А гнездо? Гнездо разорили? — вырвалось у меня.

Шофер улыбнулся еще теплее.

— Зачем же разорять! — сказал он, медленно вытирая руки.— Строители целые дома передвигают, а уж гнездо передвинуть нам ничего не стоит.

И он рассказал мне, как строители перенесли на другое место большое аистиное гнездо, где жила воробьиная республика.

Один из верхолазов забрался на дерево и отпилил его макушку с гнездом. На машину гнездо грузили подъемным краном. Потом бережно перевезли в соседнюю деревню и тоже подъемным краном водрузили на самый густой тополь.

— Я сам его перевозил,— сказал в заключение шофер.

— А как же аисты? Ведь их не трудно вспугнуть.

— Аистов тогда уже не было. Они улетели на зиму за море. А воробьи — народ отчаянный. Их ничем не спугнешь. Они так и летели за своим домом всю дорогу.

На другой день я отправился смотреть аистиное гнездо на новом месте. Тополь, который строители выбрали под фундамент гнезда, стоял на краю деревни. Серебристый, прямой, с гладкой зеленовато-серой корой, он был моложе и выше старого тополя, на месте которого теперь стоял кран.

Уже издали я услышал знакомый щебечущий звук. И чем ближе я подходил к тополю, тем громче и веселее звенели голоса пернатых жильцов.

Казалось, они, стараясь перекричать друг друга, на все лады славили жизнь, славили свой дом, своего гостеприимного хозяина — аиста.

А сам аист на одной ноге стоял над этой певучей, веселой стайкой своих маленьких друзей и только изредка стучал одной половинкой клюва о другую, когда жильцы поднимали уж очень большой шум.

Лев МОЧАЛОВ

ВЕСНА

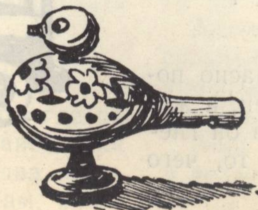
Пусть еще много снега,
Пусть еще солнца мало —
Весна начинается
с неба,
С синих его
прогалов.
Весна начинается с
лужи,
Лужи у дома
светлой...
Весна начинается —
слушай
Шум отдаленный! —
с ветра!..

СВИСТУЛЬКА

Дед —
лукавый выдумщик —
нахмурится,
сощурится,
вдруг
из кармана вытащит —
ни воробей,
ни курица!
И кривобока малость
и смешна
немножко.
Лететь не порывалась
птичка-одноножка.
Точенная из дерева,
малинова и палева,
невинно и растерянно
слепые глазки пялила.

И, гладкое,
блестело
яйцом, вареным вкрутку,
расписанное тело,

выпячивая грудку.
Блестело и свистело —
лишь только
в хвостик дунуть!
(Нехитрая система,
не надо много думать!)
Но, посвистами хвастая,
несла она
веселье.
Звала она,
цветастая,
в зеленое, весеннее.
Точенная из дерева...
Смородины краснее...
Но детство ей
поверило
и согласилось с нею.

Здравствуй, новый фестиваль!

И. ЕФРЕМОВА

„Мы Юнге гарде. Мы помогаем фестивалю"

Эти слова можно было услышать задолго до фестиваля на улицах Вены. Малыши и ребята постарше останавливали прохожих, продавали им открытки с эмблемой фестиваля. «Мы Юная гвардия — пионеры. Мы помогаем фестивалю,— объясняли ребята.— Деньги пойдут в фонд фестиваля».

Некоторые удивлялись: «Разве фестиваль состоится?» Другие радовались: «Очень хорошо, что состоится! Кто приедет? Не знаете?» «Знаем».

И маленькие помощники Международного подготовительного комитета фестиваля объясняли очень подробно и толково: больше чем в ста десяти странах готовятся к Венскому фестивалю. Около тысячи двухсот молодежных организаций присылают на него своих представителей.

Не удивляйтесь, что ваши сверстники в Вене знали о фестивале больше некоторых взрослых. Вена — город буржуазный, и в венских газетах мало писали о подготовке к фестивалю. А есть там и такие люди, которым бы очень хотелось оклеветать фестиваль и сорвать этот праздник мира и дружбы.

Враги фестиваля

Они тоже заранее начали свою работу, эти враги мира, враги фестиваля. Ведь каждый всемирный фестиваль молодежи — это борьба против «холодной войны». На фестивале люди из разных стран знакомятся друг с другом, рассказывают подробно о своей жизни, и тогда сразу становится очевидным: то, что говорят враги социалистических стран,— клевета. На фестивалях все понимают, что какими бы разными ни были убеждения людей, как бы ни отличался один государственный строй от другого, честные люди на земле хотят мира и могут жить в мире.

Этого единства боятся реакционные силы, поэтому твердят: «Бойтесь фестиваля». Стараются настроить против него молодежь. А однажды было так. Ксендзы и монахини привезли группу молодежи из разных провинций Австрии в Вену. Привезли под разными предлогами. Некоторым, например, было сказано, что они пойдут все вместе смотреть Олега Попова, в то время гастролировавшего в Вене. На самом деле цель была, конечно, совсем другой. Молодежь провели по венским улицам и объявили это шествие антифестивальным «маршем молчания».

— Мы и не знали об их затее! — возмущались многие юноши и девушки.— Они просто обманули нас. Значит, все, что они говорят о фестивале, тоже ложь...

Да, ложь, реакционная ложь. И, к счастью, все больше людей начинают понимать это.

«Желаем успеха фестивалю!»

Этой фразой заканчиваются обычно все письма в адрес Подготовительного комитета. Пишут из разных концов Австрии, пишут венцы, молодые и старые, пишут люди из других стран. Они предлагают свою помощь, дают советы, спрашивают о программе фестиваля, просят и их считать участниками венской встречи молодых.

«Надеюсь принять участие в фестивале и буду счастлив, чем смогу, помочь его проведению»,— читаем мы в письме Поля Робсона.

Многие видные деятели разных стран объявили о поддержке фестиваля. Восторженно приветствует его молодежь всего мира.

Трудный путь

Трудный и далекий путь до Вены предстоит многим делегатам. Не так просто добраться до Австрии простым рабочим и крестьянам с другого конца земли. Прежде всего в этой встрече заинтересована трудовая молодежь. Но откуда взять деньги?

«Каждая крона на километр приближает нас к Вене» — под таким лозунгом проводит сбор средств молодежь Швеции.

В Японии подсчитали: для того, чтобы оплатить поездку в Вену одного делегата, нужна сумма, равная шестилетней заработной плате молодого рабочего. Как раздобыть такую сумму?

Дружба помогает и здесь. Молодежь всей Японии собирает средства для своих делегатов. Молодые рабочие Чехословакии открыли «счета экономии» в фонд фестиваля.

Молодые французы помогают алжирцам, англичане — посланцам Кении, немцы взяли шефство над суданцами, бельгийцы — над делегатами Конго.

Молодежь готовится к встрече

Хочется, чтобы венская встреча прошла как можно лучше, как можно веселее. И вот во всех странах молодежь разучивает новые песни, новые танцы, многие взялись за изучение немецкого языка, чтобы говорить с хозяевами на их родном языке.

Надо хорошо знать страну, в которую едешь. И в ГДР заранее начали работать специальные семинары по изучению истории и культуры Австрии.

А в Мексике открылась выставка, посвященная венской встрече и предыдущему, Московскому фестивалю.

Юноши и девушки Румынии трудовыми успехами привет-

Ратуша
Стадион
Соб. св. Стефана
Опера
Бельведер
Шёнбрун
VIENN

Это план Вены, где 26 июля откроется VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Н. Сергеева

ствуют фестиваль. В честь встречи в Вене они объявили несколько новых строек ударными молодежными.

А вот как началась подготовка в странах Африки. В Бомако, одном из больших городов Судана, встретилась молодежь на первом африканском фестивале.

Ардали Дауда, член Подготовительного комитета VII фестиваля, рассказывает, какое это было веселое торжество. Открылся праздник парадом делегаций и торжественным митингом. А потом зазвучала музыка. На поле были вынесены барабаны, сделанные из тыкв, украшенных ракушками. Начались танцы. «Черные тела точно стлались над стадионом, точно летели над ним. В этих танцах Африки так видна удаль ее сыновей».

Среди африканской молодежи есть всемирно известные спортсмены. Они тоже участвовали в фестивале. Дик Ламин, например, прыгнул в длину на семь метров три сантиметра.

Были на фестивале и веселые экскурсии и диспуты на важнейшие темы: о народном образовании в Африке, о человеческом достоинстве, о правах женщин.

Участники фестиваля в Бомако приняли решение об участии молодых африканцев в венской встрече.

Вчера хозяева — сегодня гости

В делегации СССР— восемьсот юношей и девушек; это представители всех республик нашей страны, рабочие и колхозники, учащиеся и молодые интеллигенты. Но не только они в нашей стране готовятся к фестивалю. Это праздник всей молодежи.

Слово «фестиваль» мелькает на афишах, зовущих на лекции и вечера, заполняет страницы газет и журналов, звучит по радио и телевидению. Это слово появилось на радиаторе новых микроавтобусов, выпускаемых Рижским автомобильным заводом, на новых радиоприемниках. Этим словом молодые работницы Трехгорки назвали новую веселую и нарядную ткань. В клубах Москвы созданы кружки «По странам мира», работают лектории «Навстречу фестивалю». В честь фестиваля проводят конкурсы на лучшую фотовитрину, стенд, газету. С особенным интересом, готовясь к фестивалю, изучают юноши и девушки иностранные языки, знакомятся с историей Австрии, ее культурой и искусством. Многим коллективам самодеятельности хотелось бы поехать на фестиваль. Чтобы отобрать самых лучших, самых талантливых, был проведен конкурс. Победители — а они живут в разных концах нашей огромной страны — теперь уже съехались в столицу и готовятся к отъезду на фестиваль.

Вена ждет

Вена — город-труженик, город музыкантов и художников. Вена, известная своим гостеприимством, ждет гостей и готовится к встрече. На улицах — фестивальные лозунги и плакаты.

Первой премией на конкурсе австрийских художников отмечен фестивальный плакат, совсем простой и, может быть, поэтому особенно выразительный: сплетенные в крепком пожатии молодые сильные руки — белые, черные, желтые.

Художники украшают город, им помогают молодые рабочие: они красят и ремонтируют помещения, где будут проходить встречи и концерты участников фестиваля. Дел у австрийской молодежи сейчас немало. Каждого гостя хочется встретить подарками, а гостей будет не одна тысяча.

Молодые австрийцы организовали сбор средств в фонд фестиваля. Они устраивали аукционы, где продавали безделушки. («Один шиллинг. Кто больше? Два шиллинга. Кто больше? Три шиллинга... Три шиллинга... Продано!») Организовывали костюмированные балы (платные, конечно) и там торговали значками, платочками... Прошли с подписным листом по учреждениям. Внесли в фонд фестиваля часть своей зарплаты.

Так и накопились для фестиваля десятки тысяч шиллингов. Не забудьте, что немало средств собрали и пионеры, с которых начался этот рассказ. У них тоже сейчас немало дел. По вечерам ребята мастерят подарки для делегатов, разучивают народные танцы и песни, стараются получше узнать свой родной город, изучить самые важные, обиходные слова на нескольких языках, чтобы стать проводниками для делегатов.

Разнообразна программа фестиваля

26 июля по огромному Венскому стадиону (вы найдете его в парке Пратер на этой карте Вены) пойдут колонны делегатов, взлетит на мачту белоснежное знамя всемирных встреч. Зазвучит музыка вальса, и закружатся на поле танцоры разных стран, приветствуя Вену — королеву вальсов.

Так откроется фестиваль.

А в следующие дни будут торжественные манифестации за мир и дружбу между народами. Зажжется «Костер дружбы» — костер солидарности молодежи мира с юношами и девушками колониальных стран и государств, недавно добившихся независимости. В небольшом городке Кремсе на шумной крестьянской ярмарке, словно перенесенной в наши дни из далекой старины, соберется сельская молодежь.

Рабочие одинаковых специальностей поспорят и поделятся опытом на своих встречах по профессиям. Любители путешествий отправятся на слет туристов, встретятся на фестивале и коллекционеры марок, и рыболовы, и авиамоделисты, и фотолюбители. Очень интересными будут спортивные состязания. Более двух тысяч спортсменов из шестидесяти стран примут участие в различных дружеских состязаниях. Венские газеты называют их даже репетицией олимпиады.

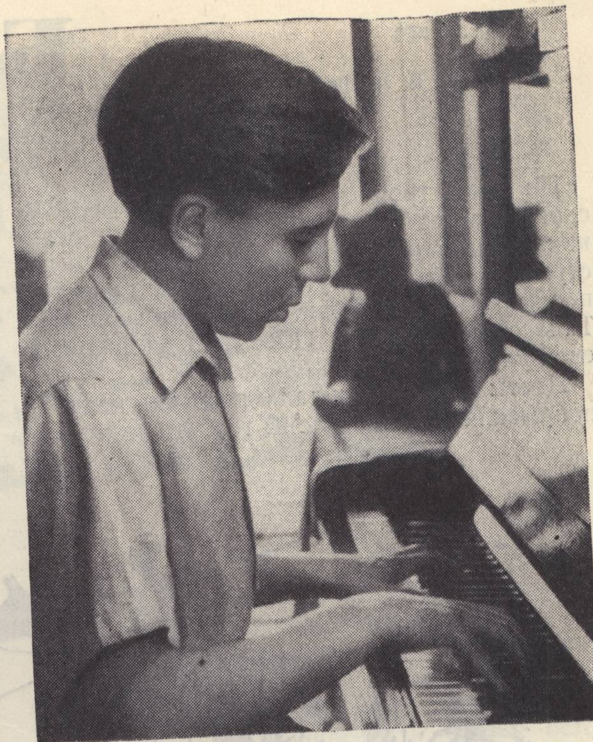
И кто знает, может быть, именно в Вене начнется творческая биография будущих знаменитых певцов, музыкантов, артистов, художников. Ничего необычного! Всемирные фестивали молодежи открыли уже не один талант. А Вена — родина Моцарта и Шуберта — по достоинству оценит их мастерство.

О жизни ребят, о работе детских организаций расскажут на встрече вожатые. А в одном из залов города откроется Международная выставка детских работ; из многих стран присланы на нее самые лучшие рисунки, вышивки, модели.

В каждом фестивале есть что-то свое, неповторимое, каждый несет что-нибудь новое, то, чего не было на предыдущих. Ведь у разных городов, в которых проходят фестивали, разные традиции, обычаи, культура, и фестивали получаются тоже разными. Новое добавляет не только страна фестиваля, но и время. В этом году делегатов очень интересуют новые, созданные руками человека спутники Земли и Солнца, и этому тоже будет посвящена одна из встреч в Вене.

Наука, искусство, спорт, труд — много общего у молодежи мира. Но главная общая цель их — это мир. Мир и дружба — вот девиз фестиваля.

Они будут на фестивале

Марина Степанова, учительница и пионервожатая железнодорожной школы Балашихинского района; Алеша Наседкин, ученик средней школы, один из талантливейших наших пианистов; танцевальный ансамбль трудовых резервов из Свердловска. Мы сфотографировали здесь тех, кто в числе многих других делегатов СССР поедет на фестиваль в Вену.

М. ЗВЕРЕВ

Рисунки В. Трофимова.

БАРСИК

По узкой тропе в горах Аксу-Джабаглинского заповедника, не торопясь, ехал всадник. Привычная к горам лошадь, звонко постукивая копытами, уверенно, шаг за шагом поднималась все выше к горным вершинам Таласского Ала-Тау. Объездчик осматривал свой участок.

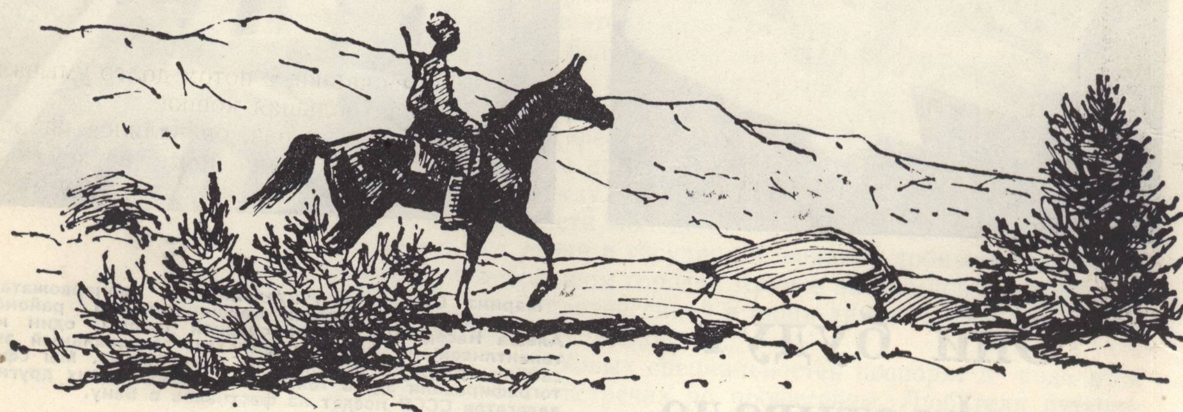
Цветы дикого миндаля розовым налетом покрывали южные склоны гор. Железное дерево прилепилось на голых скалах, запустив корни глубоко в трещины. Голоса синих птиц и райских мухоловок едва доносились со дна ущелья. Гималайских синиц, которые ютятся в высокой древовидной арче, сменили расписные синицы, живущие в кустарниковых арчевниках. Скалистые поползни громко кричали на отвесных обрывах.

Достигнув перевала, объездчик поехал вдоль границ своего участка. Он спугнул с дневной лежки трех архаров-рогачей. Архары со всех ног бросились бежать, а потом стали медленно подниматься по склону, прыгая с камня на камень, останавливаясь и оглядываясь. Вскоре они скрылись за поворотом горы, но еще долго был слышен стук камешков, падающих из-под их копыт.

Тропа нырнула в густые заросли арчевника и долго петляла по ним, поднимаясь все выше. Постепенно заросли арчи поредели, поляны стали шире. Еще выше арча росла небольшими куртинками.

Вдруг лошадь захрапела, подняла голову и навострила уши. «Медведь!» — подумал объездчик.

Но он ошибся. Из-под куста выскочил снежный барс. Неслышными прыжками пересек он поляну и скрылся в зарослях. Следом за ним, как тень, промелькнул маленький барсенок. Все это произошло мгновенно. Лошадь испуганно взвилась на дыбы, когда

барса уже не было. Всадник сдержал ее, и она, дрожа, заплясала на месте.

Под кустом, откуда выскочил барс, лежала полусъеденная туша архара. За ним что-то серело. Что это? Объездчик привстал на стременах, вглядываясь, потом поспешно спрыгнул с коня и бросился к архару: за ним притаился еще один барсенок. Маленький хищник метнулся в заросли, но объездчик поймал его за хвост. Барсенок перевернулся на спину, зашипел, оскалился и угрожающе замахнулся толстой передней лапой.

Объездчик наступил барсенку на хвост, чтобы он не убежал, снял с себя брезентовый плащ и завернул в него шипящего звереныша.

Обратно на кордон объездчик пришел пешком: испуганная лошадь ускакала домой. На обратном пути он пережил немало тревожных минут: каждый шорох в кустах заставлял его прислушиваться и быть наготове. Но опасения оказались напрас-

ными. Мать барсенка не решилась напасть на человека.

В тот же день в Алма-Атинский зоопарк пришла телеграмма из заповедника, в которой сообщалось о поимке барсенка.

* * *

Ящик с сетчатой стенкой прибыл на станцию юных натуралистов в Алма-Атинский зоопарк. В темном углу его сверкали два зеленых огонька. Вокруг ящика столпились ребята. Всем хотелось взглянуть на барсенка.

Гвозди на крышке ящика долго не поддавались усилиям ребят. Наконец был вытащен последний гвоздь. Сняли крышку. Барсенок сидел в углу ящика и ворчал басом, шевеля длинными белыми усами. Ящик осторожно положили набок, а потом перевернули вверх дном и подняли. Испуганный барсенок, сжавшись в комок, лежал на полу. Он был так ошеломлен, что позволил взять себя на руки. Ребята с восторгом передавали его друг другу, как большого плюшевого медвежонка.

— Барсенок, барсенок!

— Назовем его Барсиком?

Это имя понравилось всем.

Барсенка поместили в большой клетке, стоявшей на главной аллее зоопарка, рядом с клетками взрослых барсов. Впрочем, в клетке Барсик только ночевал. С утра до вечера он был с юннатами; они водили его на веревочке по всему зоопарку. И вскоре он стал совершенно ручным и безобидным. Не было случая, чтобы Барсик огрызнулся. Он добродушно переходил с одних рук на другие, лакал молоко из чашки, а потом долго умывался, совсем как большая кошка.

Зевнув несколько раз, он валился на бок посередине комнаты или прямо на землю и засыпал. Спал барсенок «мертво»: через него можно было перешагивать и даже осторожно передвигать его с места на место, а он только шевелил усами, не открывая глаз и подергивая во сне толстыми лапами.

Однажды ребята гуляли с Барсиком в жаркий полдень по аллеям зоопарка и соблазнились мороженым. Барсенок с интересом стал принюхиваться. Ему дали на листике яблони немного мороженого. Барсенок с жадностью съел его вместе с листиком. Тогда каждый из юннатов угостил его остатками из своего стаканчика, а потом сообща ребята купили своему любимцу целую порцию мороженого. Барсенок съел мороженое и вдруг неожиданно растянулся на раскаленном солнцем песке аллеи.

— Ребята! Да ведь Барсик греет живот! — догадался кто-то.

* * *

Вечером ребята уходили домой и закрывали барсенка в клетку. Он долго смотрел им вслед, а затем начинал тревожно бегать из угла в угол. Сторожа говорили, что они ни разу не видели Барсика спящим ночью. Утром, когда приходили юннаты, радости его не было конца.

Чтобы Барсик не скучал, вместе с ним стали запирать на ночь щенка немецкой овчарки. Они сразу подружились, играли и возились в клетке до темноты, а потом всю ночь крепко спали, прижавшись друг к другу. Теперь можно было гулять с Барсиком, не привязывая его на веревочку: ребята вели на поводке щенка, а барсенок торопливо прыгал позади, боясь отстать.

Но при такой нежной дружбе кормить друзей приходилось порознь. Барсик ел не торопясь. Он садился около чашки, подбирал под себя передние лапы, обвивал туловище сбоку хвостом и медленно начинал есть. Щенок, наоборот, кидался к своей чашке и с жадностью поедал все, что ему давали. Вылизав языком свою опустевшую чашку, щенок бросался к миске барсенка и, грозно ворча, бесцеремонно отталкивал его. Барсик безропотно отходил в сторону и жалобно смотрел, как быстро исчезает его обед. Если Барсик успевал схватить кость или кусок мяса, щенок вырывал у него еду изо рта.

* * *

Быстро проходило лето. Барсик рос не по дням, а по часам. Юннаты уже с трудом таскали его на руках, но по-прежнему барсенок, всем на удивление, оставался ручным и миролюбивым.

Однажды в солнечное воскресенье аллеи зоопарка наполнились отдыхающей нарядной толпой. Юннаты, как обычно, открыли дверцу клетки, и Барсик радостно выскочил из нее вместе со своим другом. Щенок погнался за низко летевшим воробьем и убежал на другую аллею, где особенно много посетителей толпилось около клеток с обезьянами. На собаку никто не обратил внимания. Но когда вслед за ней показался молодой барс, началась паника. А Барсик, не подозревая об этом, спокойно шел по аллее. Догнав щенка, он сел на землю как ни в чем не бывало и стал умываться. Прибежали запыхавшиеся юннаты, подхватили на руки своего любимца и унесли.

...С этого дня директор зоопарка запретил выпускать Барсика из клетки.

* * *

Перед началом школьных занятий в городском Театре юного зрителя собрались юннаты Алма-Аты; они рассказывали о том, как провели лето, что сделали. Юннаты зоопарка доложили о своих наблюдениях над дикими животными и о том, кого из них удалось приручить.

Вдруг зал замер.

На сцену, с трудом неся на руках крупного снежного барса, вышла юннатка. Яркий свет прожекторов и аплодисменты не произвели ни малейшего впечатления на Барсика. Дикий зверь людей не боялся и полностью доверял своим юным воспитателям.

На слете присутствовала делегация пионеров из Чехословакии. Они прибежали за кулисы, чтобы полюбоваться ручным барсом. И тогда кто-то из юннатов предложил:

— Давайте подарим чехословацким пионерам нашего Барсика!..

Через несколько дней на аэродроме происходило трогательное прощание ребят с Барсиком.

Они трясли и жали его правую лапу, гладили, угощали мороженым. Маленькая девочка обняла Барсика и вдруг громко заплакала. Барсик слизывал с ее щеки слезы.

Чехословацкие пионеры тоже расстроились: жаль было разлучать Барсика с его воспитателями. И они уже готовы были отказаться от подарка. Но тут объявили посадку. Все документы на Барсика были оформлены. Его клетка стояла уже в самолете.

Барсик вслед за ребятами поднялся в самолет по приставной лестнице и позволил закрыть себя в клетке. Там его радостно приветствовал друг детства — подросший щенок. Чтобы Барсик вел себя спокойно в клетке, пришлось отправлять за границу их обоих.

Заревели моторы. Самолет разбежался по бетонной дорожке и взмыл в воздух.

Юннаты смотрели вслед самолету, пока серебристая точка не исчезла в небе.

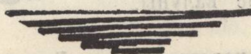
На снимке одна из воспитательниц Барсика, юннатка Люда Галкина. →

ОБЛАКО НА ПОВОДУ

Владимир КОРКИН

В синеве на нитке тонкой
Выше крыш
И тополей
Мчит за голубем вдогонку
Из бумаги белой змей.

Вот он в облако нырнул,
Он в тумане утонул.
И веселые ребята
У прохожих на виду
Тянут облако куда-то
За собой на поводу.

КАЧКАНАР НАЧИНАЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ

Борис ВОЛОДИН

Фото В. Мартынова.

ТАК ОН ВЫГЛЯДИТ СЕГОДНЯ

Вышел я из поезда, а станции нет! Поезд остановился прямо на строительной площадке.

На соседнем пути — платформы. Краны снимают с них бетонные плиты, железные балки, ящики с механизмами. А чуть подальше видно почти готовое здание — будущий бетонный завод.

За стройкой вверх по склону двухэтажные белые домики — поселок. А кругом тайга и горы.

Идешь по Качканару, не мешкай! Все кругом кипит. Деловитые грузовики вереницей идут с поклажей и дудят, сердятся: «Не путайся под ногами!».

Мне захотелось сверху, с горы, посмотреть на стройку. За крайним домом поселка дыбились выдранные из земли огромные пни и серые валуны. Дальше уже был лес.

Парень в брезентовом плаще бежал мне навстречу, топая резиновыми сапогами. Схватил за плечо:

— Куда? Ну, куда идете?!

Толкнул за угол дома, уставился на секундомер, зажатый в горсти. Он чего-то ждал, нетерпеливо, нервно. Пробормотал: «Время-то вышло». Но тут наконец грохнуло: взлетели комья грунта, коряги, камни. Оказывается, готовили строительную площадку, отвоевывали ее у тайги.

Все, что здесь есть сегодня, создано за два года: и бетонный завод, и дороги, и Дом культуры, и школа, и больница, и магазины.

Но история Качканара только еще начинается. Здесь будет огромный горный комбинат: железные рудники и обогатительная фабрика.

Эту замечательную стройку возводят комсомольцы.

«НЕ МОГУ БЕЗ КАЧКАНАРА!»

Гранта Асцатуряна я отыскал в общежитии.

Вот мы стоим с ним в комнате. Пол блестит, как корабельная палуба. Койки заправлены по-военному.

У подушек лежат полотенца, сложенные аккуратными треугольничками. Здесь живут комсомольцы, приехавшие на стройку из армии.

Я пришел не вовремя. Грант собрался на работу. В ватнике он выглядит неуклюжим, квадратным: низкого роста, а плечи широкие, и ватник тесен. И ушанка не к лицу: южные карие глаза, крупный нос, смоляные жесткие волосы. Ему бы папаху из белого барашка!

Я спрашиваю:

— Грант, вы с Кавказа? Как вы сюда попали?

Он сначала смотрит удивленно. Потом вдруг расплывается в улыбке:

— Сам не знаю, как получилось! Я на Урале солдатом служил. Мы сюда приезжали. Видели, какое дело здесь начиналось...

Откуда я? Из Нагорного Карабаха. Там мама, там братья, там я еще до армии шофером работал. Ждали меня, пока служил... Потом демобилизовался. Домой с Урала поехал, конечно, домой. Встретили меня. Такую встречу устроили, как на Кавказе полагается. И я рад. Домой вернулся. Всех увидел...

Дома я. День прошел. Еще прошел. Вдруг не могу: начинаю тосковать. Качканар перед глазами.

Думаю, там у людей большое дело. Какая красота — такое дело! А я буду в своем селе сидеть? Не могу!.. На четвертый день мама подходит: «Грант, милый, может, у тебя там девушка осталась, на Урале, судьба твоя?»

Говорю: «Мама, нет у меня девушки. Но не могу: тоскую. Там, видно, судьба моя!» Через четыре дня обратно поехал. Не мог ни секунды больше ждать. Хожу здесь, дышу и радуюсь: качканарские дела, качканарский воздух. Мама все думает, что у меня здесь девушка. А у меня нет! Понимаете?

Но сначала мне не повезло. Посадили меня на продуктовую машину. Сказали: «Временно». Два месяца хлеб, крупу возил. Знаю, что нужно. Самому ведь тоже есть нужно, но скучно хлеб возить, лучше бетон.

Гена Лыженков в гараже комсомольскую автоколонну организовал. Всем в колонне нужно замечательно работать, сто тысяч километров без ремонта, бензин экономить, шины экономить, в школе учиться. В Качканаре скоро техникум будет, институт вечерний будет. Гена, знаете, какой! О! Он на целине работал. Медаль получил. Сюда приехал. Не пускали, а он добился. «Здесь дело начинать надо, обязательно,— говорит,— хочу новую стройку начинать!»

Прихожу к Лыженкову, говорю: «Гена, запиши меня в комсомольскую автоколонну. Хочу бетон возить». А Гена: «Погоди, Асцатурян. Ты новенький, ты здесь всего два месяца, а нам только десять машин дали, мы в первую очередь старых качканарцев возьмем».

«Гена,— говорю,— ничего не понимаешь! Я из Нагорного Карабаха ехал Качканар строить. Нельзя меня не взять, такая несправедливость будет! Я кричать на весь Качканар стану, что такая несправедливость! Понимаешь, Гена?»

И, конечно, меня взяли бетон возить. Что вы думаете, я не смогу сто тысяч километров без ремонта? Смогу! Вы не думайте, что это так просто. Здесь не в городе. У нас асфальта нет. У нас тайга и горы. За

Гена Лыженков отправляет в рейс Гранта Асцатуряна.

машиной, как за любимой, нужно ухаживать, чтобы так получилось.

Знаете, какая у меня машина? Новая, самосвал. Ходит резво, плавно, как скакун карабахский. Какое счастье — такая работа!..

Вдруг Грант замолкает, он смотрит на часы:

— Простите меня, пожалуйста. Через десять минут мне в гараже быть нужно. Смену принимать.

Ладонь у Гранта большая, теплая. Кожа на ней потемнела от въевшегося автола. Он осторожно пожимает мне руку, он боится сделать больно, потому что рука у него очень сильная. Грант — штангист. Он всех своих товарищей уговаривает заниматься тяжелой атлетикой.

«СПРЯТАВШИЙСЯ»

Тайга здесь такая, что прямо дух захватывает: березняк, ели, кедры. Деревья, правда, не очень высокие, но растут густо, да еще тут бурелом да кустарник — не продерешься!

Место гористое. С холма смотреть — вдалеке хвойные верхушки сливаются, словно зеленые волны катятся вниз и вверх, и белые березовые стволы проглядывают, как пена, и вдруг из волн вырывается ввысь каменистая лобастая сопка. Будто скала на море...

Когда сюда пришли геологи, им временами мешали работать медведи. Они выходили из таежной чащи и задумчиво присматривались к гостям, к их инструментам. Медведи никак не могли, например, понять, что это за штука — буровая вышка.

Не всякий может спокойно встретить хозяина качканарской тайги. Медведей отпугивали выстрелами или запускали мотор электрического движка. А бывало и так, что при встрече один на один геолог улепетывал, бросив инструменты и собранные образцы породы.

И сама-то гора Качканар похожа на спину зверя. Деревья торчат, как клочья свалявшейся шерсти. Рядом две «спины» поменьше — Гусевы горы.

Окружен Качканар торфяными болотами, спрятался в тайге, чтобы не увидели, не пробрались к его сокровищам.

«Качканар» — по-татарски «спрятавшийся»...

Сними, человек, шкуру с Качканара и Гусевых гор: под тонким слоем земли на сотни метров вглубь — железная руда!

...О том, что близ горы Качканар залегают «сильные магниты», написал еще в 1770 году академик Петр Симон Паллас. Во многих местах здесь обнаруживали пласты «шлира» — окиси железа, которую сразу можно плавить в домне. В старину «хозяева» Урала капиталисты Демидовы строили здесь шахтенки. Рабочие кайлами добывали руду. Ее на санках отвозили к заводам. Но пласты «шлира» быстро вырабатывались. Шахтенки забрасывали.

Качканар хитро прятал свои богатства. Блуждали магнитные стрелки, твердили: «Руда! Руда!» А люди десятки лет не могли отпереть горные кладовые.

Оказалось, что руда рассеяна в каменной породе мелкими крапинками. В шести кубометрах камня всего один кубометр магнетита. Чтобы заполучить в руки железо, нужно перетереть в порошок Качканар и Гусевы горы и отсеять ценный магнетит от каменной пыли...

Сорок лет назад такую мысль назвали бы фантазией, маниловщиной. Но так будет. Ведь, даже по неполным подсчетам, здешние запасы огромны: больше семи миллиардов тонн. Восемьдесят процентов железорудных богатств Урала!

Машины-гиганты разотрут горную породу в тон-

чайший порошок, и электромагниты извлекут из него руду. Ключ к Качканару — замечательная техника социализма.

РОЖДЕНИЕ

27 мая — день рождения качканарского строительства.

27 мая 1957 года на рассвете из поселка Валериановский двинулась через тайгу группа первых качканарцев — семьдесят человек.

Сразу за околицей Валериановского — болото.

Местные жители даже побоялись дать лошадей: утонут! А люди пошли, с пилами, топорами, лопатами. Прорубались сквозь бурелом, валежником заваливали торфяную топь.

Шли. Видели деревья с корой, ободранной на высоте человеческого роста: медведи озорничали. Время от времени на полянах скидывали одежду, стряхивали с нее клещей, осматривали друг друга: не впился ли в тело крохотный враг? Ведь клещи — переносчики тяжелой болезни — таежного энцефалита...

Теперь медведи ушли отсюда, испугались взрывов, загрохотавших в болотах, когда, прокладывая дороги, аммоналом разворачивали торф и выкорчевывали огромные пни. Исчезли клещи, грозившие энцефалитом. Целый месяц в небе над Качканаром стрекотал невиданный лесными обитателями огромный жук-вертолет. Он распыливал тончайший порошок «ДДТ». Триста двадцать тонн порошка — и в окрестностях были уничтожены не только клещи, но и другой бич тайги — комары, гнус.

Сейчас прямо к стройке — железнодорожная ветка и автодорога. От Валериановского к поселку строителей можно проехать за двадцать минут. А 27 мая 1957 года много часов ушло на опасный путь и на тяжелый труд, прежде чем в лесу, на склоне горы, разведчики, сверившись с картой, сказали: «Здесь!»

Здесь по плану должны были встать дома и улицы. Здесь начальник будущего горного комбината Виктор Петрович Дерягин наткнулся в траве на гнездо рябчика. Серая курочка сидела на яйцах. Волновалась. Ерошила перышки. Жмурилась от ужаса, а не улетала, не оставляла без защиты будущих своих птенцов.

Гнездо не тронули. Только сфотографировали.

Рядом с ним поставили первый шалаш. Шалаш сменила палатка. Палатку — дом. Первый дом поселка строителей. Теперь у него есть номер: дом № 26 по Качканарской улице.

БОЛЬШОЙ АЛЕША

Рост у Алеши метра два и бас такой, что в комнатах он говорит только вполголоса. Попробуйте подберите человеку дело по плечу!

Алеша Шалин — арматурщик. Из длинных стальных стержней арматурщики вяжут каркасы для железобетонных стен.

Железобетон — самый крепкий и упругий материал. Поставят на железобетонный постамент гигантский станок-дробилку, и дробилка начнет камни перемалывать, или на электростанции с бешеной скоростью закрутится ротор турбины, от этого все

Это то самое гнездо рябчиков, рядом с которым встал первый шалаш, а потом первый дом поселка. Снимок был сделан начальником комбината В. Дерягиным, когда первые качканарцы пришли сюда.

— Вира,— говорит Алеша Шалин,— поднимай!

кругом дрожит мелкой дрожью. Или воздвигнут здание в сто метров вышиной — невероятная тяжесть будет давить на стены. От такой тряски, от такого давления кирпич постепенно раскрошился бы. А железобетон выдержит. Вечный материал — железобетон!

Это великолепно — знать, что твоя работа дает зданию путевку на вечную службу людям! Вот Алеша Шалин и вяжет арматуру. Но это только так говорится: «вязать». Стальной стержень не нитка из клубка.

Алеша точно по чертежу режет и гнет на станке стержни, составляет переплетения каркаса.

Сварщик накрепко сварит стальные переплетения, и Алеша с другими арматурщиками начинает монтировать остов стены.

Стоит Алеша рядом с подъемным краном, большой человечище в рабочей робе. Махнет рукой, пробасит уже во весь свой голос: «Вира!», то есть «Поднимай!»,— и кажется, что кран тут совсем ни при чем, что это вот он, рабочий-богатырь, своими руками сделал и поднял на высоту стальную махину...

Вы сумеете прочесть чертеж архитектора? Не очень хорошо, наверное. Может быть, только разберете, где стена, где комната, где дверь. А когда архитектор составлял чертеж, он представлял себе, как солнце заливает классы школы или как будет расставлена мебель в квартире жилого дома...

Если вы посмотрите на переплетения арматуры, наверное, тоже ничего не поймете. А Большой Алеша вяжет арматуру и видит, каким красавцем станет цех, который он строит.

Самое замечательное дело на земле — строить!

Забот у Алеши много. Большой, громоздкий, он очень аккуратен в движениях, спокоен, нетороплив и от других требует аккуратности, порядка. В клубе подойдет к расшумевшемуся парню и вполбаса попросит:

— Успокойся.

Парень сразу потише:

— Я что? Я ничего...

Попробуй поспорь, когда с тобой говорят таким тихим басом!

На Качканаре строгие правила. Но милиционеров я там так и не видел. Мне сказали, что два милиционера все-таки есть. Они паспорта выдают, пропиской ведают.

А за порядком следят сами комсомольцы, и Алеша Шалин по этой части главный. Он бригадир комсомольского патруля.

РИММА

Из Свердловска они ехали на грузовой машине целый день, и дождь шел тоже весь день. Грузчик отдал Римме свой огромный плащ из брезента, такого жесткого, что, казалось, плащ может стоять в кузове самостоятельно. Сам грузчик сидел на ящике рядом.

Ехала Римма и удивлялась, как это она совсем недавно могла с такой настойчивостью требовать,

чтобы ее послали куда-то на работу, упрямо сидеть в приемной секретаря обкома комсомола. Она даже стукнула ладошкой по столу и тоненько крикнула: «И ничего, что я маленькая! И неправда, что я слабая! Пока меня не пошлете, никуда не уйду! Жить у вас в кабинете стану, пока не пошлете!»

Правда, после этого заплакала и рассказала про свои горести: всегда считалась очень способной, думала, что всего добиться просто, экзамены сдала хорошо... И вдруг не увидела своей фамилии в списках зачисленных в университет.

— Поймите, я не могу прийти домой и сказать, что я человек без дела!..

Она твердо решила ехать работать. На самую дальнюю стройку. Пусть пошлют в Иркутск, туда из Свердловска уехали знакомые девочки.

Секретарь сказал, что на качканарской стройке открыли школу и там еще нет пионервожатой. Римма согласна на такую работу?

Пионерская работа? Пусть пионерская! Ребят Римма любила. Недаром мечтала стать учительницей. Мама два дня плакала и говорила, что на стройке работают всякие люди, дочку там могут обидеть. А отец сказал:

намокли под осенним ливнем. И, наверное, была похожа на матрешку, прикрывающую своим балахоном горячий чайник.

Грузчик что-то напевал, а потом тронул Римму за плечо:

— Сейчас дерево будет особенное, вон там за поворотом сосна, а из дупла у нее осинка растет.

Римма высунула голову из-под капюшона.

Она увидела осеннюю золотую тайгу; могучая густо-зеленая хвоя оттеняла желтизну и багрянец лиственных крон, увидела сосну, из дупла которой, как стрелка, вытянулось молодое деревце с жесткими красными листочками.

Потом по дороге в кузов подсел пассажир, шофер с Качканара, и тут же стал говорить про тайгу, какая она красивая.

И Римме стало радостно, что люди, с которыми ей придется работать, так умеют видеть красоту и так любят ее.

А попутчики спрашивали, как это она решилась променять на Качканар жизнь в большом и хорошем городе Свердловске, и рассказывали, какие замечательные массовки устраивают качканарцы по воскресеньям в тайге.

Выйдешь из школы, добежишь до конца улицы — и ты в тайге.

— Что ж, решила так решила. Не хлебнула горя — поезжай, попробуй...

Дорога была дальняя. Дождь все лил и лил. Римма не просунула рук в рукава плаща и все старалась удержать при тряске под плащом связанные веревками стопки любимых своих книг, чтобы книги не

На первом увиденном доме Качканарстроя висел плакат:

Комсомолец, стой!
Рацпредложение за тобой!

На соседнем доме другой плакат тоже обращался к комсомольцам. Поселок был изрыт траншеями.

Это Римма Голикова, вожатая юных качканарцев.

В жижу на дно траншей укладывали водопроводные трубы...

Римме показали стену дома, стену первого этажа, сложенную из серых ноздреватых шлаковых кирпичей.

— Это будет школа. Большая. Трехэтажная. Замечательная.

А пока школа помещалась в доме, построенном для общежития. Она была маленькой: и ребят немного, и места маловато... Вся жизнь только начиналась.

И Римма начала свою новую жизнь.

Она еще мало что умела. И осложнения, которые то и дело возникали в вопросах самых крохотных, удивляли ее, казались неожиданными.

В Качканар люди переезжали без лишнего багажа. Здесь ни у кого не было тех привычных и на первый взгляд даже лишних предметов, которые иногда оказываются очень и очень нужными. Чтобы достать журнальные картинки для стенда к сорокалетию комсомола, приходилось буквально обходить весь поселок, каждый дом, каждую комнату. Трудно было найти лоскутки и пластилин для кукольного театра. Пришлось написать подруге. Пластилин ей прислали из Свердловска.

И четвертый класс поставил свой первый спектакль — сказку.

Римме хотелось, чтобы в ребячьей жизни было больше значительных, торжественных минут. Первоклассников принимали в октябрятскую группу. Пионеры сами сделали для них звездочки. Старшие девочки заранее пришили пуговицы на белые рубашки и кофточки принаряженных малышей, а у звезд были сделаны петельки. И пионеры торжественно пристегивали эти звездочки октябрятам...

Самое главное в здешней жизни было то, что все люди старались помочь друг другу чем только можно. Старожилы радушно встречали вновь приехавших, помогали поскорее обжиться на новом месте. Опытные рабочие обучали вчерашних десятиклассников строительным профессиям.

В первые дни в школу часто приходил секретарь обкома комсомола, он как раз приехал тогда на Качканар. Секретарь терпеливо объяснял Римме, как, с чего начинать пионервожатой свое дело. Помогали учителя. Монтер со строительства, демобилизованный офицер Юрий Антонович, придумал военную игру. Рабочие подарили школьникам столярные инструменты (обрезков досок со стройки хоть отбавляй!). Столяры учили ребят действовать пилой и рубанком...

А какими были походы! В городе трудно представить, что можно после уроков вдруг собраться, побежать в тайгу (тайга-то в конце улицы!) и искать следы рыси, которые ранним утром увидел на первом снежку страстный охотник монтер Юрий Антонович...

Римма временно преподавала физкультуру. Своих лыж у нее тогда не было. Она объясняла ребятам, как правильно дышать, как работать руками и ногами при попеременной ходьбе, как подниматься «елочкой». Объясняла, смотрела, поправляла.

Патрушев из пятого класса спросил ехидненько:

— Римма Николаевна! Вы сами-то кататься умеете?

— Да. Только лыж нет.

— А вы на моих...

Римма стала на лыжи. Они были коротковаты. Мелькнуло: «Вдруг оскандалюсь? За всю зиму ни разу не ходила на лыжах!» Оттолкнулась. Покатила по склону горы. Руки и ноги вдруг все вспомнили. Лихо развернулась и пошла вверх «елочкой».

К Римме подбежал маленький, совершенно зазябший первоклассник Сережа Мальцев:

— Ой, хорошо! А я все стоял и думал: «Хоть бы не упала, хоть бы не упала!..»

Добрые дети вырастают среди хороших, добрых людей. И только очень хорошие, добрые люди идут на большое и трудное дело, такое, как Качканар.

Римме верится, что маленькие качканарцы вырастут такими же, как те замечательные люди, что пришли в этот край и разбудили его.

Говорит седьмой этаж

Анатолий АЛЕКСИН

(Продолжение)

Рисунки Б. Винокурова.

«МАДАМ ЖЕРИ-ВНУЧКА»

До революции дом принадлежал акционерному обществу «Мадам Жери и дочь». Сама мадам давно удрала за границу. А дочь ее долго еще жила на третьем этаже, в квартире номер девять. И занимала в этой квартире всего-навсего одну небольшую комнату, выходившую окнами во двор.

После нее в квартиру въехала Калерия Гавриловна Клепальская. Поскольку ее поселили в комнату, которую много лет занимала мадам Жери-дочь, Ленька прозвал новую соседку «мадам Жери-внучка».

На двери девятой квартиры, возле круглого серебристого звонка, висела табличка, на которой аккуратно черной тушью было выведено: «Уткиным — 1 звонок, Кругляшкиным — 2 звонка, Митрохиной — 3 звонка». А где-то в стороне зловеще поблескивала маленькая черная кнопочка, и рядом под целлофановым ограждением категорический наказ: «Только Клепальской!».

На всех жильцов девятой квартиры приходился один облезлый металлический ящик с дырочками: «Для писем и газет». Мадам Жери-внучка отдельного ящика не заводила — по той простой причине, что газет она не выписывала и писем ни от кого не получала.

Несколько месяцев в своей жизни Калерия Гавриловна была на «воспитательной работе»: она собрала небольшую группку дошкольников и гуляла с ними по бульвару, обучая дошколят французскому языку и хорошим манерам. Когда все ребята уже вполне овладели хорошими манерами, они забросали свою воспитательницу снежками, и группа была распущена. Калерия Гавриловна перешла на работу «в искусство»: она стала продавать театральные билеты. Всех знаменитых артистов она называла теперь просто по имени и отчеству, как своих старых знакомых.

По вечерам она вела долгие разговоры со своими подругами из других театральных касс:

— А что, если я попрошу у вас «Спящую красавицу» взамен «Пиковой дамы»? Я обещала одной своей приятельнице «Лебединое озеро», а достала только «Бахчисарайский фонтан»!..

Однажды Калерия Гавриловна принесла Леньке билет на премьеру в Театр юного зрителя. И если с той поры он когда-нибудь отказывался выполнять ее просьбы (сбегать в магазин, снести мусорное ведро во двор), мадам Жери-внучка восклицала:

— И это благодарность за те культурные удовольствия, которые я тебе доставила?!

Шофер Вася Кругляшкин доказывал, что Калерию Гавриловну не случайно поселили в комнату бывшей домовладелицы:

— У нее самой полно родимых пятен!

Ленька повнимательней пригляделся к новой соседке, но никаких родимых пятен у нее не обнаружил. Зато он нашел целых две бородавки: одну в центре лба, как раз в том самом месте, где у индийских артисток в кино бывает черное пятнышко, а другую на подбородке.

Тогда шофер Вася объяснил Леньке, что он, оказывается, имел в виду «родимые пятна прошлого», то есть разные пережитки в характере Калерии Гавриловны.

С этим уж трудно было спорить; пережитки действительно были: Калерия Гавриловна любила поворчать, посплетничать и поскандалить на кухне.

В наследство от бывшей домовладелицы ей достались не только «родимые пятна и бородавки прошлого», но еще две толстые книги в кожаных переплетах, пахнущие сыростью и стариной. Ленька знал, что в одной книге был точный список всех бывших жильцов дома, которым мадам Жери-старшая сдавала комнаты и квартиры внаем. А во второй книге был дневник старшей мадам, в котором было подробно рассказано обо всех деловых операциях.

В последнее время две толстые кожаные книжки подпирали кухонный столик мадам Жери-внучки, который во время своего недавнего передвижения из дальнего угла к окну потерял одну из четырех ножек. Калерия Гавриловна в результате длительных переговоров, конфликтов и прямых агрессивных действий захватила в конце концов самое светлое и удобное место на кухне.

— Я въехала в квартиру позже всех, я ваша гостья! — заявила она.— И вы должны идти мне навстречу!

Ленька влетел на кухню, когда там уже никого не было: покончив с воскресными обедами, все жильцы отдыхали или пошли подышать свежим воздухом.

Ленька подбежал к столику Калерии Гавриловны, присел на корточки и стал вытаскивать толстые старинные книги. Посуда, прикрытая серым кухонным полотенцем, с тихим, зловещим звоном поползла вниз. Ленька еле-еле успел удержать ее. Тогда он, недолго думая, поставил круглые горки тарелок и блюдец прямо на пол и легко вытащил книги из-под стола.

Список жильцов, снимавших комнаты у мадам Жери-старшей, был длиннющий. Каждая страница была пересечена сверху донизу узкими и ровными дорожками граф. И каждая графа имела свое особое назначение: «Фамилия, имя и отчество», «Когда прибыл, когда убыл». Две последние графы очень удивили Леньку: «Благонадежность» и «Особые приметы».

Против фамилии каждого жильца ровным и круглым, как у девчонок-отличниц, почерком домовладелицы было выведено: «благонадежен» или «неблагонадежен», «надо приглядеться» или «надо сообщить в полицию»...

В графе «Особые приметы» отмечалось: «Состоятелен. Платит вовремя» — или: «Несостоятелен. Платит не вовремя». Даты прибытия и убытия отстояли друг от друга на очень небольшом расстоянии: мадам Жери, как видно, любила аккуратность и долгов не прощала.

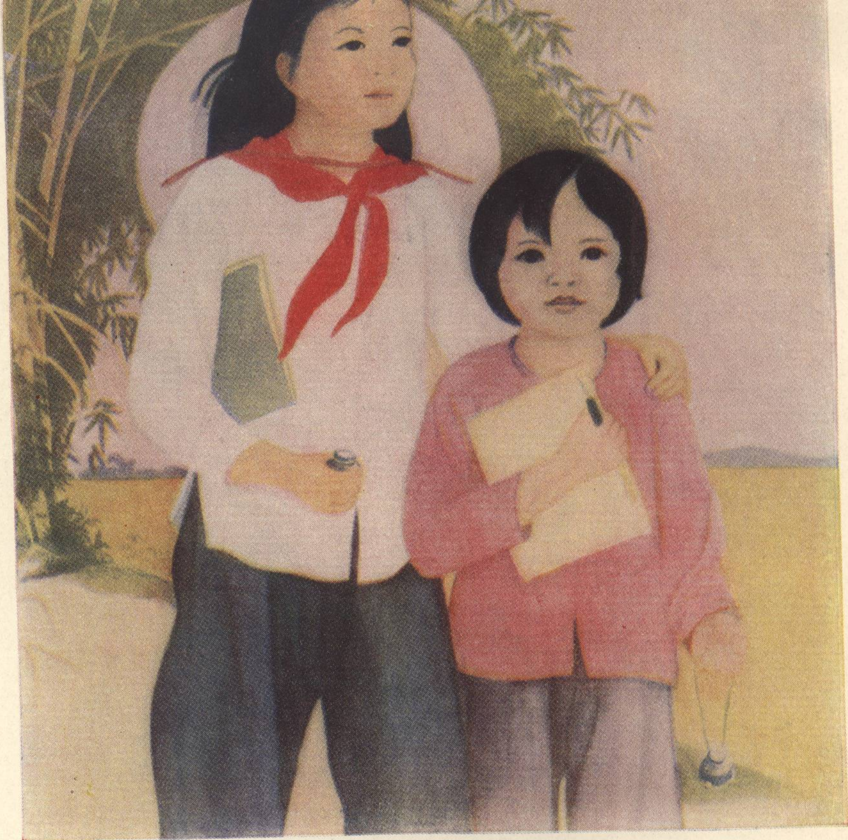
Сидя на полу в окружении тарелок и блюдец, Ленька задумался... Ему трудно было представить себе, что весь этот огромный дом, сложенный из мрачного серого гранитного камня, дом, в котором сейчас живут его, Ленькины, приятели, их мамы и папы, бабушки и дедушки — рабочие, инженеры, врачи, учителя,— что весь этот дом принадлежал когда-то всего-навсего двум женщинам-домовладелицам. И они могли выгнать на улицу любого, кто приходился им не по вкусу или у кого не было денег, чтобы уплатить вовремя.

Ленька встал и прошелся по кухне, по широкому старинному коридору. Одна их квартира — и то вон как велика! А сколько в доме таких квартир! И все это было в руках двух человек, всего двух! Конечно, Ленька и раньше читал в книгах о капиталистах, и фабрикантах, и домовладельцах, но сейчас он как-то особенно ясно представил себе, до чего же несправедливо было все устроено в том старом мире, который сейчас вдруг предстал перед ним в виде этих двух толстых книг, пахнущих плесенью.

Ленька вернулся на кухню, снова сел на пол и раскрыл вторую книгу. «Дневник мадам Жери-старшей» — было написано на первой странице. А ниже, в скобках, добавлено: «Жериковой». Вот, оказывается, как просто звучала настоящая, не сокращенная на иностранный манер фамилия бывших домовладелиц!

В дневнике мадам Жери-старшая писала только о делах: с кого надо получить, кому еще «накинуть» квартплату и каким способом из одной обыкновенной комнаты сделать две, а то и три...

Удивляясь жадности бывшей домовладелицы, Ленька листал страницу за страницей... И вдруг остановился. На странице

В ШКОЛУ

Чан Тхи Тхун Фи
(Вьетнам)

КАЖДОМУ ТЕПЕРЬ МОЖНО УЧИТЬСЯ

Нгуен Си Тот (Вьетнам)

НА ПТИЦЕВОДЧЕСКОЙ ФЕРМЕ

Ди Дар Сын

(Корея)

семьдесят седьмой было написано: «И как же это я такой дурой оказалась: чердак-то у меня стоит пустешенек! Надо бы и там комнат понаделать! Завтра к полудню рабочих вызову...»

Эта запись была сделана в мае 1917 года. «Понаделать комнат» на чердаке домовладелица так и не смогла. Даже одной комнаты она не успела закончить: осталась пустая кирпичная коробка. Так вот, значит, откуда она! Сейчас Ленька помчится во двор и всем докажет, что он вовсе не хвалился, как думает Тихая Таня, что он и в самом деле узнал историю этой таинственной комнаты на чердаке!

— Что это такое? Блюдца на полу! Сервиз на полу! Среди микробов! Среди грязи! — раздался вдруг сзади крик.

Ленька обернулся и увидел Калерию Гавриловну.

— Ты что здесь делаешь? Что?!

— Я?.. Я... читаю...

— Он читает! Библиотека на полу! Да как ты посмел... как ты посмел тронуть мою посуду?!

— Я... мы... Мы хотели починить ваш стол! Ваш столик! Вот я его и осматриваю! — выпалил вдруг Ленька.

— Кто это «мы»?

— Ну, мы... БОДОПИШ организует во дворе мастерскую... Под таким, знаете, замечательным названием... Ну, под таким названием... «Что сломалось—все починим!» Вот! У вас столик поломался? Да? Вот мы его и починим. И поставим на ноги!

— А книги зачем взял? — с недоверием поинтересовалась Калерия Гавриловна.

— Книги? Они же мешали мне столик осматривать, вот я и взял. Ну, и почитал заодно! И такое вычитал! Вот послушайте, Калерия Гавриловна: «...чердак-то у меня стоит пустешенек! Надо и там комнат понаделать!» На чердак хотела людей загнать! И одну комнату построила даже. То есть почти построила... Только закончить не успела: революция ей помешала!

— Да уж, они умели хозяйство свое вести! — вздохнула Калерия Гавриловна. — А сейчас эта комната, небось, пустая стоит? А?

Глаза Калерии Гавриловны вспыхнули вдруг от какой-то внезапной идеи. Но Ленька заставил их потухнуть:

— А вот и не пустая! Там будет радиостудия. И мы будем каждый день передачи устраивать. Как вот сейчас утром! Слыша-

— Что это такое? Сервиз на полу! Среди микробов!

ли? Настоящие передачи, а не просто пластинки крутить...

— Как сегодня утром? Каждый день так будет?!— От этой вести Калерия Гавриловна даже слегка покачнулась.— Ну уж, простите! Я вас слушать не буду. Сразу буду выключать!

Ленька хитро улыбнулся.

— Выключать? Для этого вам придется залезать во-он на тот столбик! Видите? Вы умеете по деревьям лазить?

Калерия Гавриловна выглянула во двор и смерила глазами старый, покосившийся столб с репродуктором, похожим на серебристый колокол, повернутый своим круглым «жерлом» к окну.

Глаза мадам Жери-внучки сузились, предвещая грозу, и потому Ленька поспешил вернуться к столику.

— Мы его починим! Вот увидите! И не какие-нибудь протезы, а самые настоящие новые ножки поставим! В нашей мастерской... Ну, в этой самой: «Что сломалось — все починим!».

«ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ!..»

Ленька чувствовал себя настоящим следопытом. Захлебываясь от восторга, он рассказывал друзьям историю, в каждое слово которой сам искренне верил:

— Положение было очень трудное: на кухне все время соседи. Да и вполне понятно: воскресенье! Долго я ждал подходящего момента, и вот наконец все ушли... Но надолго ли? Неизвестно. В моем распоряжении было всего несколько минут. Но я рискнул! Подошел к столу мадам Жери-внучки и вытащил из-под него две толстенные кожаные книги. И прямо чуть не надорвался: стол тяжеленный, полон всяких продуктов, мясорубок, кастрюль. Только я, значит, вытащил книжки, стол наклонился, и вся посуда зазвенела, поехала вниз. Я, прямо как фокусник какой-нибудь, одной рукой придерживаю посуду, а другой листаю книгу. Чует мое сердце, что где-то здесь должно быть написано про чердак! А почерк ужасный, ни одного слова не разберешь. И вполне понятно: домовладелица! Нарочно так писала, чтобы простые люди разобрать не могли... Наконец нахожу нужную запись. И тут... на кухне появляется Клепальская! Как она закричит! Как в обморок кувырнется!.. Я одной рукой посуду придерживаю, другой ее обмахиваю: в чувство привожу,— а глазами продолжаю по строчкам шнырять и все до конца дочитываю! А Жери-внучка скандалит...

— Так она же в обморок упала,— подала вдруг голос Тихая Таня.

— Сперва упала, а потом... поднялась! Пришла в себя! И как закричит: «Что ты с моим столом делаешь? Сейчас я милицию позову!» И тут меня осенило. При чем, говорю, здесь милиция? Я же помочь вам хочу. Столик ваш осматриваю. Мы его починить собираемся. Мастерскую во дворе открываем. И прямо с ходу такое смешное название этой мастерской придумал: «Что сломалось — все починим!» Представляете себе: поверила!

— Почему же смешное название? — опять перебила Тихая Таня.— Ничего нет смешного. Может, и правда такую мастерскую открыть?

— Так я ведь и хотел! — тут же, не задумываясь, подхватил Ленька.— Я давно хотел! Конечно, надо открыть такую мастерскую. Я же не случайно об этом Жеривнучке сказал. Я уже все обдумал! Давным-давно!..— Ленька забегал по чердаку.— Значит, так!.. Мастерская называется «Что сломалось — все починим!». Ее можно прямо во дворе, в сарае, устроить. И все жильцы будут приносить нам старые, поломанные керосинки, примусы...

— У нас в доме газ...— тихо сообщила Таня.

— Ну, тогда чайники, электроприборы всякие... Они ведь, слава богу, часто ломаются. И работа у нас будет всегда. В самой первой радиопередаче объявим об этом. На весь двор!

— В какой радиопередаче? — спросил Олег, который, взобравшись на деревянный стол-верстак, приколачивал белые ролики для электропроводки к толстой и круглой чердачной балке.

Шофер Вася Кругляшкин еще до прихода Леньки предложил «раз и навсегда покончить с мрачной обстановкой на чердаке» и превратить «черный ход» в «светлый ход». Сам Вася отправился домой за электропроводкой. А Фима Трошин обещал достать дома лампочки: отец его работал электромонтером.

— Сегодня он мне все даст: и лампочки и даже целый абажур достанет...— сказал Фима.

— Ну да, потому что провинился. Напился опять! Я сам видел,— затараторил Владик.

Худенький Фима вплотную подошел к нему.

— Не твое дело, понял?

— Я ведь просто так... Мне ведь тебя жалко,— пролепетал Владик, которому худенький Фима показался вдруг широкоплечим силачом.

— Я в твоей жалости не нуждаюсь!..— ясно выговаривая каждое слово, произнес Фима. И пошел вниз за лампочками.

Все это произошло минут пятнадцать назад. И сейчас на чердаке остались четверо: Ленька, Олег, Владик и Тихая Таня.

— Ты ничего про передачи не слышал? У-у, мы такое дело придумали! — таинственно произнес Ленька, отвечая Олегу.— Держись за балку, а то со стола свалишься. Свою радиостудию откроем! Здесь, на чердаке!

Олег спрыгнул со стола.

— Кажется, стоящее дело... Каждый день радиопередачи?

— Каждый день! — Ленька вновь забегал по чердаку.— И все по-настоящему! Как на взрослом радио: у них «Последние известия» — и у нас «Последние известия»; у них лекции — и у нас лекции; они отвечают на вопросы радиослушателей — и мы будем отвечать!

— Так уж обезьянничать необязательно,— возразил Олег.

— А мы будем кое-что менять, по-своему делать. Ну вот, к примеру, у них «Последние известия», а у нас будут «Самые последние известия». У них бывают передачи «В последний час», а у нас будет «В последнюю секунду». Или вот еще... По радио или там по телевидению, точно уж не помню, бывают такие передачи: «Для вас, студенты!», «Для вас, молодежь!», «Для вас, пионеры!»... А у нас в доме много пенсионеров живет...

— Моя бабушка — пенсионерка,— подтвердил Олег.

— Вот мы и устроим свою передачу. У них, значит, «Для вас, пионеры!», а у нас будет «Для вас, пенсионеры!». Старички и старушки с удовольствием послушают: все равно ведь делать нечего — целый день дома сидят.

— Ну, это ты зря! Они общественной работой занимаются...— возразил Олег.

— Вот и хорошо! Вот мы и про это расскажем. Прославим их. Наградим, так сказать, за долгую трудовую жизнь.

— А можно еще проверку времени устраивать,— предложил Владик.— По радио каждый час проверяют, а мы будем каждые полчаса.

— Ты ска-ажешь! — отмахнулся Ленька.— Каждые полчаса на чердак лазить — через месяц порок сердца заработаешь!

— Ну, тогда давайте настройку инструментов устраивать,— не унимался Владик.— Как по настоящему радио!

— Слушать тебя противно! — накинулся на него Ленька.— Ну кому нужна эта настройка? Олег, что ли, будет по нашим передачам свою бандуру настраивать? А, между прочим, где она у тебя?..

— Лежит... Отдыхает в одном месте.

— Ну, не хочешь говорить — не надо. Давайте дальше про передачи.

— Мне кажется, хорошо бы устроить «Беседы с родителями»,— предложила вдруг Таня.— А то они с нами каждый день беседуют, а мы с ними... В общем, это хорошо было бы!

— Есть! Утверждено! — руководящим тоном произнес Ленька.— Еще какие предложения?

— А я вот что думаю...— не спеша, как бы советуясь сам с собой, произнес Олег.— Мы ведь и высмеивать всякие недостатки тоже можем. Будут у нас, к примеру, в каждой квартире свои корреспонденты и пусть обо всем сообщают. Что хорошо — хвалить будем, а что плохо...

— ...высмеивать! — подхватил Ленька.— Выжигать... как это пишут в газетах, «огнем сатиры»! Разные отсталые элементы перевоспитывать будем. У которых есть эти самые «родимые пятна прошлого». Нашу мадам Жери-внучку, например. Или Фимкиного отца...

— Ти-ише! Тише ты!..— Владик прижал палец к губам и огляделся по сторонам.— Тут без тебя такое было! Фимка этого не любит... Понял? Защищает отца...

— Я хочу поддержать Олега насчет корреспондентов,— сказала Тихая Таня.— Пусть в каждой квартире будут.

— Ну конечно! — подхватил Ленька.— Я уже давно об этом думал. Радиопосты, так сказать. Вот я, например, буду в девятой квартире, Владик — в тридцать шестой, ты, Таня,— в тринадцатой...

— А Олег? — спросила Таня.

— Олег?.. Что-то ты о нем все время беспокоишься? И Олег тоже будет. В своей, в семнадцатой, квартире. И остальных ребят распределим. Ох, и бояться же нас будут! Чуть что — пожалуйте в эфирчик!

Ленька потер руки от удовольствия.

— Что ж мы, чучела какие-нибудь, чтобы нас боялись? — Олег наклонил свою круглую белесую голову.— Пусть к нам за помощью приходят — это другое дело. А то «бояться»!

— Да я не в том смысле! — спохватился Ленька.— Нас плохие люди будут бояться. Для хороших людей мы будем первые помощники, а для плохих — гроза!

Олег снова опустил голову: он не любил громких слов.

Когда шофер Вася и Фима Трошин, нагруженные электропроводами и лампами, вернулись на чердак, все вопросы о ближайших радиопередачах были уже решены. Оставалось только распределить обязанности.

Но это оказалось не так легко: Ленька хотел захватить все должности и посты. Сперва ему очень захотелось быть диктором. Он ясно представлял себе, как весь двор и весь дом слушают его голос и все думают: «А кто бы это мог быть?» Даже родная мама не сразу узнает его... И вдруг в конце передачи он торжественно объявляет: «Вел передачу Леонид Уткин!»

Ленька уже было выхлопотал себе звание главного диктора, но тут, как всегда неожиданно, в разговор вмешалась Тихая Таня. И преспокойно заявила:

— Ты не можешь быть диктором: у тебя голос ломается. Ты очень часто пускаешь петуха.

— Что-о? Мой голос? Какого петуха?! — вскипел Ленька.

— Пожалуйста, не ори. У всех мальчишек в твоем возрасте ломается голос. И никто из вас не может быть диктором.

— А у девчонок не ломается?

— Нет.

— Значит, главным диктором будешь ты?

— Главным мне не нужно... А простым диктором могу быть. И еще пусть Сеня Блошкин из первой квартиры.

— А Сенька почему? У него что, голос уже поломался?

— У него голос поставлен! Понял?

— Куда поставлен? Как это голос может быть поставлен?

— Ну, это значит, что он владеть им умеет. Потому что в хоре поет, в Доме пионеров. Понял?

Владик поспешил Леньке на помощь:

— Все равно Сеня не может быть диктором: у него фамилия некрасивая — Блошкин. Все смеяться будут.

— Не фамилия украшает человека,— наставительно произнесла Таня.— Вот у тебя, например, фамилия — первый сорт: Вербицкий! А посмотреть на тебя, так...

— Ты мою фамилию не трогай! — взвизгнул Владик.— Не обо мне разговор! А Сеня себе пусть другую фамилию придумает! Пусть подберет себе... Этот самый... Ну, как его?..

— ...псевдоним,— с улыбкой подсказал Олег.

— Вот-вот! Чтобы люди не смеялись.

— Люди смеяться не будут! — зло отчеканила Таня.— А если ты посмеешься, так это для Сени даже приятно будет.

— Ладно! Хватит вам! — навел порядок Ленька.— Пусть будет Блошкин со своим «поставленным» голосом!.. Пусть! А кем же тогда буду я? — Ленька задумчиво походил по чердаку.— Ладно! Хорошо! Я буду главным по беседам с родителями! — заявил он. «Мировая должность! Все, что не смогу сказать маме и папе в глаза, буду говорить по радио. В замаскированном виде!..— думал про себя Ленька.— Они ни перебить меня не смогут, ни возразить. Тут уж им хочешь не хочешь, а придется слушать!».

— С родителями пусть Олег беседует,— возразила Тихая Таня.— Или вот Лева Груздев из двадцать девятой квартиры. Они более рассудительные.

Олег сразу замотал головой:

— Да нет! Я буду следить, чтобы что-нибудь не испортилось. За усилителем, за динамиком... И вообще за техникой. А то какие же получатся передачи, если техника вдруг откажет?

Вася Кругляшкин поддержал Олега. И «беседовать с родителями» было поручено Леве Груздеву, очень солидному мальчику, лучшему шахматисту в доме.

— Тогда я буду отвечать за «Нокаут в эфире»,— заявил Ленька.

— Это что же, спортивный раздел? Боксерский, что ли? — поинтересовался Вася Кругляшкин.

— Да нет,— пояснил Ленька.— Нокаут в переносном смысле. Мы такой критический отдел заведем. А то всякие эти «Смех сквозь слезы», «За ушко да на солнышко» и прочие «Вилы в бок» уже надоели. А у нас будет свое название. Оригинальное! Критический отдел — «Нокаут в эфире»!

«Кого захочу, того и продерну,— про себя думал Ленька.— Все будут бояться меня, прямо трепетать! Замечательно! Красота!..»

Но Таня и тут подала свой тихий голос:

— Что? Измазался, что ли?

— Туда нужно Фиму назначить: он самый справедливый и никого зря нокаутировать не станет.

— А я что же? — возмутился Ленька.— Я хочу быть главным ответственным за «Нокаут»!

Слова «главный» и «ответственый» были любимыми Ленькиными словами.

Не спеша складывая инструменты в свой музыкальный футляр, Олег вдруг обратился к Леньке:

— А хочешь, мы тебя просто «главным» назначим? Ну, «самым главным» и «самым ответственным»! Над всеми! — Олег незаметно подмигнул Тане, которая уже хотела ринуться вперед со своими возражениями.

И тут произошло чудо: Тихая Таня послушалась этого немого знака и промолчала.

— Самым главным? Самым?..— немного растерялся Ленька.— Я не знаю... Как другие, как товарищи...

— А мы что? Мы согласны! Согласны! — затараторил Владик, преданно глядя Леньке в глаза. И потом тихо добавил: — А я кем же буду?

— Ты? Кем будешь? — важно переспросил Ленька, мгновенно вошедший в роль «самого ответственного».— Ты будешь главным наблюдателем, поскольку у тебя глаза особенные: все видят! А отдел твой так и назовем: «Своими собственными глазами!» Неплохо, а?

Все согласились, что это неплохо.

...На чердаке все пробыли до самого вечера. А вниз спускались, уже не спотыкаясь, не наступая в темноте на кошек: всюду ввинтили новые лампочки.

Олег шел последним, бережно прижимая к груди свой громоздкий черный футляр.

— Дома, небось, скажешь, что целую симфонию разучил? — усмехнулся шофер Вася.— Ведь с утра до вечера пропадал.

— Да уж придется! — вздохнул Олег.

— А врать-то не надоело?

— Ох, как надоело! Да выхода никак не найду. Бабушку жалко.

— Поискать надо!..

Тихая Таня замедлила шаги, дождалась Олега и все-таки поинтересовалась:

— А зачем же мы Леньку самым главным выбрали?

— Так просто... Раз уж он любит командовать, пусть попробует! Может, ему на пользу пойдет?

Выйдя во двор, ребята разошлись по своим подъездам.

Ленька и Вася Кругляшкин медленно поднимались к девятой квартире, на третий этаж.

— Нехорошо все-таки получилось...— сказал Ленька.— Помогал ты ему репродуктор устанавливать, и динамик, и усилитель монтировать, и вообще... А мне — ни слова! Сосед называется!

Шофер Вася стал пристально вглядываться в Ленькино лицо, так, словно видел его впервые.

— Что? Измазался, что ли? — Ленька потер щеку.

— Да нет, родимые пятна у тебя обнаружил. Верней сказать, не пятна, не такие, конечно, как у Калерии Гавриловны, но все-таки весьма заметные пятнышки. Есть, определенно есть!..

— Что это значит?

— А вот что. БОДОПИШ вы свой организовали? Отличная затея! Да ничего толком не делали. Только бегали, за сарай прятались, таинственные физиономии корчили. И кричали: «Мы хозяева двора! Хозяева двора!» А этот вот белоголовый паренек без всякого шума хорошее дело придумал. Я и решил помочь ему, чтобы вам, крикунам, доказать: добрые дела суеты и треска не требуют. Понял, если уж на то пошло?..

Они стояли возле своей квартиры. Ленька не знал, что отвечать.

— Ох! — вскрикнул он вдруг.— А название-то для своей радиостанции мы так и не придумали! — Он почесал затылок.— По-моему, хорошо так: «Говорит чердак!». Ведь с чердака все началось!

Вася Кругляшкин задумчиво развел руками, потеребил свою кепку с коротким козырьком. И наконец сказал:

— Чердак... Слово уж больно некрасивое. Давай лучше так: «Говорит седьмой этаж!». Ведь это вроде как седьмой этаж получается, раз над шестым расположен...

— Правильно! — обрадовался Ленька.— Я так и думал! Так и хотел: «Говорит седьмой этаж!».

«В ПОСЛЕДНЮЮ СЕКУНДУ!»

Внимание! Внимание!

В последнюю секунду!..

Ровно секунду назад произошло огромное событие в истории дома номер девять дробь три: начала работать радиостанция «Говорит седьмой этаж!»...

Дорогие товарищи жильцы! Теперь каждый день, ровно в двадцать часов ноль-ноль минут по местному времени, вы будете слушать наши радиопередачи.

Слушать их вам придется обязательно, потому что в каждой передаче может быть что-нибудь сказано о вас, о ваших детях или других ближайших родственниках, а также о квартире, в которой вы живете. И представьте себе: если вы не услышите передачу сами, вам придется потом бегать по всему дому и узнавать: что сказали и как сказали?! А другие жильцы могут что-нибудь перепутать, и тогда вы будете очень долго волноваться.

Так что уж лучше не пропускайте наших радиопередач! Вот и все. Передача «В последнюю секунду!» окончена. Вел передачу Сеня Блошкин.

А теперь слушайте...

«САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ!»

...Если у вас перегорел электрический утюг, не огорчайтесь! Если вы потеряли ключи от квартиры, не беспокойтесь! Если у вашего кухонного столика отлетела ножка, не горюйте! Скоро ваш утюг снова заработает, квартиру вы будете запирать и отпирать новенькими ключами, а ваш кухонный столик твердо встанет на все четыре ноги!

Все это, конечно, не произойдет само собой, нет, это сделает мастерская, которую решил открыть во дворе наш «Боевой домовой пионерский штаб».

Мы надеемся, что у каждого из вас в скором времени что-нибудь поломается, и тогда наша мастерская придет вам на помощь!

Название у мастерской уже есть: «Что сломалось — все починим!»,—а помещения у нее пока еще нет. Но это ничего! Мы решили открыть нашу мастерскую в старом дровяном сарае. Про этот самый сарай наш местный поэт сочинил такие стихи:

Идет по городу молва:
Стоит сарай, а в нем — дрова!
Не только малые детишки —
Все люди смотрят с удивлением:
Кому, зачем нужны дровишки
В домах с центральным отоплением?!

Наш специальный корреспондент из квартиры номер девять сообщает, что дровишки эти, оказывается, принадлежат лично Калерии Гавриловне Клепальской. Она привезла их с собой из старого дома, где не было центрального отопления, и теперь ей грустно с ними расставаться.

Но почему? В старом доме дрова согревали Калерию Гавриловну, а здесь, в нашем доме, они, как говорится, не светят и не греют. Больше того! Один наш специальный корреспондент проник в сарай со стороны крыши и точно выяснил, что дрова эти почти все уже сгнили.

Мы уверены, что Калерия Гавриловна пустит нас в сарай не со стороны крыши, а со стороны двери и освободит помещение для мастерской. Тем более, что, как сообщает специальный корреспондент из той же самой девятой квартиры, кухонный столик Калерии Гавриловны нуждается в срочном ремонте.

...Внимание! Внимание!

Сегодня мы начинаем собирать инструменты для новой мастерской. Пункт сбо-

ра — квартира номер семнадцать. Сдавайте их прямо в окно после трех часов дня Олегу Брянцеву. В дверь не звоните и не стучите, чтобы не тревожить соседей. Если в окно случайно высунется бабушка, не убегайте: она только с виду сердитая.

Несите напильники, стамески, рубанки, тиски, электропаяльники и вообще все, что может пригодиться. И даже то, что, по вашему мнению, не может пригодиться, тоже несите: на месте посмотрим! Если инструменты испорчены — не беда: мы их починим! Но если они новые — это все-таки лучше.

Спешите! Спешите! Фамилии жильцов, которые сдадут инструменты в первые три дня, будут объявлены по радио... Представляете себе, как приятно будет послушать вам самим и всем вашим родственникам!

...Сегодня наш специальный корреспондент не беседовал с домоуправом Порфирием Васильевичем, потому что пришел в домоуправление точно в часы приема, то есть именно тогда, когда в домоуправлении никого не бывает и двери крепко-накрепко заперты. Но раз он не сумел побеседовать с Порфирием Васильевичем лично, мы решили побеседовать с ним публично, то есть по радио.

Уважаемый Порфирий Васильевич! Знаете ли вы, как вас все за глаза называют? Обещалкиным! Даже фамилию вашу настоящую забыли, а так прямо и зовут: Обещалкин да Обещалкин!.. И неужели вам хочется, чтобы так было всегда? Ах, не хочется? Тогда вы не говорите больше: «Починю, отремонтирую, включу!..» — а просто возьмите да и почините, отремонтируйте, включите и все такое прочее.

Что вы говорите? Вам трудно приходится? Ну что ж, «Боевой домовой пионерский штаб» решил прийти вам на помощь. Вы, Порфирий Васильевич, небось, ни разу за всю свою жизнь не были на нашем «черном ходу». Ну, ясное дело: боитесь в темноте упасть и ноги себе переломать. А теперь вы не бойтесь: смело гуляйте по «черному ходу», потому мы там ввинтили лампочки, и он, можно сказать, стал «светлым ходом»! Да и на чердак заодно протянули электропроводку. Теперь домохозяйкам будет удобнее белье развешивать: светло, тепло и уютно!

И еще мы узнали, что в нашем доме живут три маляра, пять штукатуров, шесть каменщиков и много других рабочих, которые на стройке работают. И еще мы вам сообщаем, что почти все ученики нашей школы, которая за углом находится, проходят практику на стройке нового дома.

Так вот, Порфирий Васильевич, мы и решили бросить клич: «Приведем наш дом в порядок своими собственными силами!» Мы, дети и взрослые жильцы дома, сделаем все своими собственными руками! Организуем субботники — и сделаем! Только с одним условием: на сэкономленные за наш, так сказать, счет деньги вы купите, пожалуйста, телевизор для красного уголка. И еще футбольный мяч.

Что? Стекла?.. Мы не будем бить стекла, мы будем играть на пустыре, где старые домишки снесли. Честное пионерское слово!

Так что же, договорились, Порфирий Васильевич? Вы достаете строительные материалы, а жильцы выходят на субботник или там на воскресник. И еще вы покупаете все то, что только что нам пообещали. И тогда мы обещаем, что вас перестанут называть Обещалкиным! Вот и все. Спасибо за беседу, которую вы любезно согласились провести с нами в присутствии всех жильцов!

(Продолжение следует.)

Тем, кто не боится дальних дорог

Вы любите путешествовать? Вы не боитесь дальних дорог? Тогда эта книга именно для вас и написана. Она так и называется: «Кто не боится дальних дорог». Эта книга для вас, юные путешественники! Если вы уже ходили походами — ближними и дальними,— вам интересно будет прочитать в ней о путешествиях, приключениях, находках и открытиях экспедиционных отрядов Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников. Здесь собраны самые интересные донесения и записи из дневников лучших отрядов. А кто впервые вступает на туристскую тропу, найдет здесь много полезных советов.

ПИОНЕРИЯ В ПОХОДЕ

ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ЧТО ВЫ НАЙДЕТЕ?

Экспедиционный отряд средней школы № 29 города Уфы подробно обследовал склоны горы у села Мулдашево. После долгих поисков турист Толя Чернышев нашел нефрит. Получив донесение пионеров, Геологическое управление Башкирии решило подробно изучить это месторождение.

«Это левый приток реки Кортань. Ну и приток! Идешь по его руслу — и ни капли воды, сплошь одни камни. Зато мы нашли здесь известняк, глину, доломитовую муку, сланец, гранит, кварц... Взяли пробы для нашей коллекции минералов».

Фотография и запись из дневника экспедиционного отряда школы № 66 г. Меленки, Владимирской области.

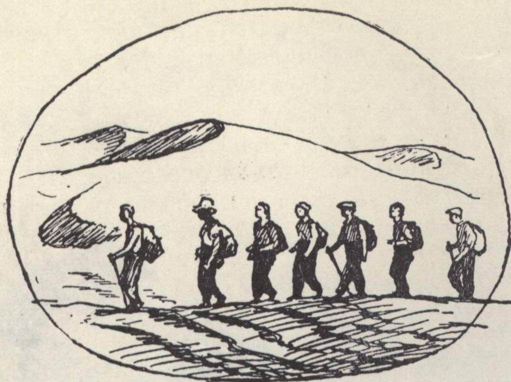
ЧЕМУ НАУЧИТЕСЬ?

Ураганный ветер, снег, град не остановили высокогорную экспедицию средней школы № 12 города Орджоникидзе. Туристы изучали древние ледники Казбека по программе Международного геофизического года. Все ребята научились пользоваться приборами, а шесть человек получили квалификацию помощников операторов по геофизическим способам разведки полезных ископаемых.

ЧЕМ ВЫ ПОМОЖЕТЕ СТРАНЕ?

Река Шонга пересохла. Это приносило большой урон колхозникам села Шонгуты, Апастовского района, Татарской АССР. Юные гидрологи экспедиционного отряда № 31569 обследовали реку и обнаружили, что в ее верховье засорились и заросли родники. По предложению ребят в один из воскресных дней все село вышло очищать родники. На огороды села Шонгуты вновь пошла вода.

Песок поет...

И. СТРЕЛКОВА

Впереди шел «Москвич» с разведчиками. Он был похож на большого пыльного жука, с трудом пробиравшегося по песку. Вот «Москвич» тревожно зажужжал, забился на одном месте и замер. Колеса его по самые оси ушли в песок. Школьная полуторка тоже стала. От нее, увязая по щиколотку в горячем песке, бежали к «Москвичу» ребята. Дальше ехать было невозможно. А до Поющей горы оставалось еще около двадцати километров. Их придется пройти пешком.

Уже не первый день в пути маленький отряд, продвигающийся по берегу Или на «Москвиче» и полуторке. Река, нарисованная на карте голубой краской, оказалась грязно-желтой. Она словно приняла защитную окраску под цвет обступивших ее солончаков, растрескавшихся глиняных такыров и песчаных барханов. Течение ее стремительно. По ночам, когда лагерь засыпал, было слышно, как громко и тревожно хлюпала вода. Это обваливались в реку подмытые быстрым потоком берега.

Вот какой оказалась Или, река пустыни! До сих пор ребятам были знакомы только веселые горные речки с прозрачной ледяной водой, где, по слухам, у камней водятся форели. Привыкшие к ледяной воде, ребята часами бродили по речушкам, изредка отогревая окоченевшие ноги на горячих валунах. Только форель почему-то не попадалась. Трудно ее поймать: форель — очень осторожная рыба.

Город наш лежит в оазисе у самых гор. Его охраняют снеговые вершины. Жарким летом можно за один день добраться до ближнего ледника, покататься там на лыжах и вернуться домой. Ниже ледников лежит широкой полосой горная тайга — голубая тяньшаньская ель покрывает склоны. Много в горах чудесных, живописных мест. Есть здесь чистые озера, заросли малины, леса дикого урюка и яблонь, где водятся ленивые барсуки и вьет гнезда сказочная синяя птица.

Словом, не край, а находка для туриста. И едут сюда полюбоваться красотой гор туристы со всех концов страны. Для них в горах построены базы — на озере Иссык и в Горельнике. Принадлежат базы туристско-экскурсионному управлению, а у этого управления есть подшефная школа № 25.

Весной ребята пришли к своим шефам с просьбой: не найдется ли у них три «лишних» палатки?

— Зачем вам палатки? — ответили шефы.— Дадим разрешение переночевать в доме на любой базе.

Но оказалось, что подшефные не хотят ночевать в домах и что их вообще не привлекают живописные места, где расположены базы. Совсем наоборот. Юные путешественники нацелились двинуться в противоположную сторону, туда, где кончается зеленый алма-атинский оазис, где лежит сухая, каменистая степь, а за ней — река Или, пески Муюн-Кум, выветрившиеся рыжие и лиловые камни хребта Малай-Сары, крутой перевал через Алтын-Эмель, долина Сюгаты и — конечный пункт путешествия — загадочный бархан, расположенный между Большим и Малым Калканами, тот самый бархан, который известен под именем Поющей горы.

Начинается подъем по сыпучим пескам... Фото Э. Софроновой.

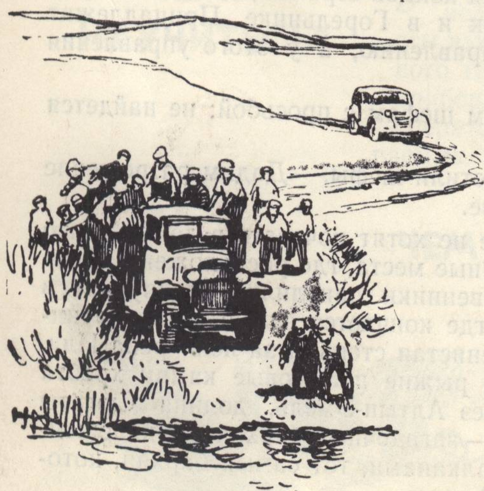

И зачем, спрашивается, людям, у которых под боком все красоты гор, понадобилась скучная пустыня?

Саша Кирпичников, Валя Попов и Витя Азанов заползают в свою палатку (дали все-таки шефы!). У ребят коричневые от загара лица, губы потрескались. Кожа болит от горячего, колючего ветра. А тут еще надо натягивать на головы самодельные марлевые мешки: под вечер всегда налетают тучи злющей мошкары.

Сегодня был трудный переход. Сначала долина Сюгаты обрадовала ребят. Из-под самых колес машины метнулся песчаный заяц. Потом в зарослях увидели фазанов. На машинах погнались за джейранами. В этом состязании победили четвероногие. Спидометр показывал скорость шестьдесят километров, когда джейраны легко вырвались вперед, пересекли дорогу машине и умчались в сторону.

А потом солнце начало печь нещадно, в радиаторах автомобилей закипела вода. Как быть? Валя первый вывинтил пробку своей двухлитровой фляги. Водой из фляг наполнили радиатор «Москвича», и разведчики отправились на поиски источника. Судя по карте, он был не очень далеко — возле заброшенного древнего рудника.

Заброшенный рудник, древний могильник... Кто же мог жить в те далекие времена на бесплодной пустынной земле? Что за богатырский народ перегородил одну из долин охотничьими засадами, сложенными из многотонных камней?

Ответ на это ищут археологи. В один из первых дней путешествия ребята побывали на раскопках... Нет, не всегда были пустынными эти земли! Когда-то здесь стояли поселения и вода текла по каналам. Но капризная Или внезапно переменила русло, и вся оросительная система погибла.

О прошлом рассказывают могильники. А будущее — о нем можно помечтать, стоя у каменных стен Капчагайского ущелья. Есть такой проект: построить в

ущелье плотину, создать море, вода которого оросит пустыню, построить мощную электростанцию.

Разведчики привезли воду — и снова отряд в пути.

— Ребята! — Витя Азанов вскакивает в кузове полуторки.— Я вижу озеро!

— Ура! — раздалось в ответ.

Теперь озеро видели все. Можно было даже разглядеть темный камыш на его берегах и волны, бегущие по воде.

Леонид Филиппович, учитель истории, с улыбкой поглядывал на ликующих ребят.

— Сворачиваем к озеру! — шумели они.— Надо скорей добираться к воде!

И вдруг все замерли, ошеломленные догадкой:

— Неужели это мираж?!

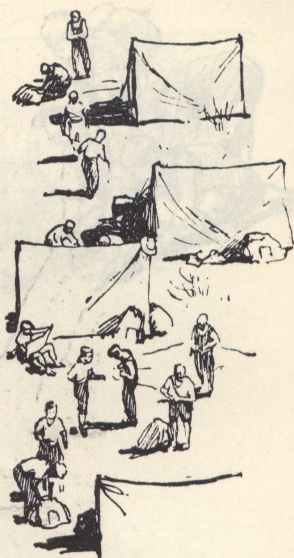
Даже обидно стало. Сколько читали в книгах про миражи, а сами попались на удочку, как маленькие!

— Интересно, можно сфотографировать мираж? — задумчиво спросил Саша.

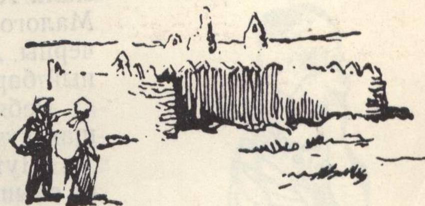
— Конечно, нельзя! — буркнул фотограф отряда Витя.— Это же игра воображения. Мираж, одним словом...

— Игра воображения... Нас восемнадцать человек, и все видят озеро. Не может же всем мерещиться одно и то же! А глаз — это все равно что фотоаппарат. Щелкни, Витя! Попробуй.

Но Витя, к сожалению, не щелкнул. То ли глазам своим не доверял, то ли фотоаппарату [1].

Мираж показывался еще раз, но уже никого не обманул. Ясно было видно шоссе у самого горизонта и даже идущая по нему машина. Но на эту удочку никто не клюнул. Шоссе впереди не предвиделось. Накатанная, еле приметная дорога вела в пески...

Утром лагерь поднялся быстро. Ребята живо собрали рюкзаки, фляги, подвесили к поясам топорики. Саша Керин сунул в карман тетрадку и карандаш. Саша — отрядный художник. Но у него сатирический уклон. Десятки карикатур нарисовал Саша в пути. Но перед пейзажем пустыни он признал себя бессильным. Кажется, чего проще: взял лист бумаги и провел поперек него прямую линию, наверху будет ровное серо-голубое небо, а внизу — ровная желто-бурая земля. Очень просто и совершенно невыполнимо. Очевидно, художники потому и предпочитают рисовать горы и леса, что там глазу есть за что зацепиться.

Отряд шагает прямо на север, к реке. Вот она видна с крутого бережка, рыжая и быстрая. Леонид Филиппович ничего не сказал. Он просто размахнулся и бросил в воду кусок плавника. Бревно быстро поплыло, потом закружилось на месте, встало торчком и ушло под воду... Омут. В Или они очень часты.

Отряд идет по берегу. На воде подпрыгивают бакены. Кое-где видны столбы с речными знаками. Поблизости должен быть домик бакенщика, у которого наверняка найдется лодка для переправы. На берегу желтеет большая песчаная отмель. Кто-то из ребят спрыгивает на нее. Раздается испуганный возглас. Ноги любознательного путешественника завязли выше колен. С каждым движением он погружается еще глубже... Зыбучие пески. Они, конечно, не страшны, если рядом друзья. Путешественника выволакивают наверх. Потом пробуют завязнуть все по очереди. Очень любопытная штука, эти зыбучие пески!

[1] Витя был не прав. Фотографы много раз снимали миражи, а режиссер В. А. Шнейдеров снял мираж даже для кино.

Вот и дом бакенщика! Хозяин сам едет с ребятами через реку, чтобы потом пригнать лодку обратно.

— А вы слыхали про Поющую гору? — спрашивают ребята.

— Еще бы! — отвечает он.— Как начнет гудеть!.

— А вчера не гудела?.. И сегодня не гудит?

— Не гудит что-то. Дожди были, а у нее, говорят, от сырости голос пропадает.

Ребята раздосадованы. Но не отступать же назад! Простившись с бакенщиком, отряд шагает дальше. Отсюда до Поющей горы, должно быть, километров десять, не больше. Солнце уже высоко. Давно попрятались в тень ящерицы и пауки. Ноги жжет даже сквозь подошву. Песок набивается в ботинки, и то и дело приходится останавливаться, чтобы вытряхнуть его. Вот в такой час ребята оставили на припеке надутую автомобильную камеру. Она лопнула с оглушительным треском: резину разорвал нагревшийся воздух.

Впереди показывается саксауловый лес. Как непохож он на обычные леса! Словно не деревья здесь растут, а скелеты деревьев. Путешественники, побывавшие в пустынях, пишут, что такой лес не дает тени. Это не совсем точно. Под корявыми ветвями саксаула все же прохладней, чем на открытом месте. По крайней мере так кажется ребятам.

Идти по саксауловому лесу не так-то просто. Здесь обосновалась колония песчанок, такая многочисленная, что ее можно назвать настоящим государством. Песчанки мирно спят в прохладных норах, но их норы очень опасны для путешественника. Стоит чуть зазеваться — и провалишься в нору, сломаешь или вывихнешь ногу.

Идя по царству песчанок, путешественники так долго не поднимали голов, что всем показалось, будто темные скалы Большого и Малого Калканов выросли впереди внезапно. Оба Калкана почти черны. А между ними ослепительно-белая гора. Это огромный песчаный бархан. Так вот она какова, легендарная Поющая гора!

Ребята немного разочарованы. Ничего особенного: просто большая куча песку.

Путешественники скинули рюкзаки и сели. Тишина. Ни звука не слышно вокруг.

— Чего молчишь?! — крикнул Валя горе.

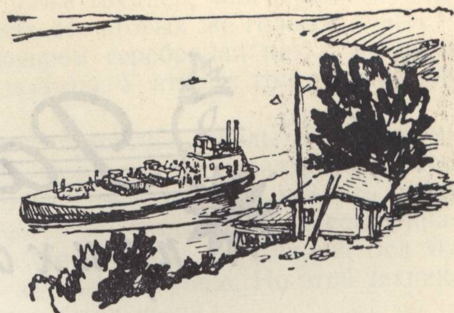
Гора не ответила. Даже эха пустякового не донеслось.

— Мы тебя разговорим! — пригрозили путешественники и полезли на вершину.

Подъем был небольшой — всего метров сто пятьдесят, не больше. Но идти пришлось долго. Ноги вязли в сыпучем песке. Через каждые десять метров ребята отдыхали. С горы открывался все более широкий вид. Как на ладони вся равнина. Вот сверкает на солнце река, по ней ползет пароход. Сейчас пустынная Или становится все более оживленной водной дорогой. По ней идут пароходы к нашим китайским друзьям. Быть может, и этот буксир держит путь в Китай? Ветер доносит с реки протяжный гудок.

— Вот кто здесь поет,— заметил Витя,— а вовсе не гора!

По верху бархана тянулся длинный острый гребень. Перед забравшимися сюда ребятами открылся крутой южный склон. На нем не было ни кустика. Только песок, легкий, светлый. Его наносил сюда ветер с северного склона.

— А ну-ка, разбудим гору! — сказал Леонид Филиппович.

Он первый столкнул вниз горсть песка. Ребята последовали его примеру. По южному склону побежали тонкие песчаные струйки. И вдруг послышался далекий приглушенный рокот, будто где-то завели мотор. Ребята оживились. Они сгребали песок и сталкивали его вниз.

Рокот перешел в рев, грозный и могучий. Ребятам показалось, что гора задрожала под ними, затряслась. Она ревела, гудела, грохотала. Наверняка там, за десять километров, у дома бакенщика, было слышно сейчас пение горы.

Значит, гора подает голос, когда струйки песка скатываются по южному склону, когда сильный ветер подымает песчинки и перебрасывает их через гребень.

Но отчего же поет гора?

Ребята разрывают песок. На глубине в десять сантиметров показывается влажный слой. Существует предположение, что в этом мокром слое резонирует, усиливается шорох движущихся песчинок, превращаясь в могучий рев.

Есть и другие предположения. Возможно, что звук происходит от вибрации наэлектризованных песчинок, а может быть, и от трения песчинок, покрытых налетом из соединений магния и кальция.

Аля Шуйская насыпает песок в припасенный мешочек и подносит его к уху.

— Поет! — убежденно заявляет она.

Саша тянет к себе мешочек и, как врач больного, внимательно выслушивает его.

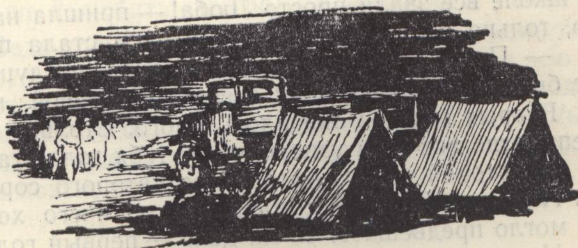
— Молчит! — разуверяет он Алю.

И в самом деле, в мешочке или в бутылке песок уже не поет.

Ночь застала отряд в пути. Не так-то просто было бы найти лагерь, если бы дежурные не догадались включить фары машин! Путешественников ждал ужин: горячий плов. Но на него никто даже не посмотрел. Все заползли в палатки и тут же заснули, чтобы утром, голодными, как волки, вылезти на белый свет и с аппетитом съесть остывший, но удивительно вкусный плов.

Отряд держит курс на запад, домой. В бутылках и мешочках путешественники везут легкий белый песок с Поющей горы. Аля продолжает утверждать, что песок в ее мешочке все-таки поет. С ней никто не спорит. Ведь все понимают: тайна песков не раскрыта, ее надо узнать. Тайну не только Поющей горы, на которой побывали ребята, но и поющих песков Китая и Монголии.

Алма-Ата, экспедиционный отряд школы № 25.

Радость приходит в дом

Ю. НОВИКОВА

Рисунки О. Резо.

Жил-был сказочный царь. Был он, как водится, самовластен. Но имелось у него одно хорошее качество — любознательность. Нравилось ему знать, что творится на белом свете.

Ездить царь не любил — не царское это дело! — а зазывал к себе во дворец странников, бывалых людей. Поведайте, мол, о местах, где бывали, о народах, какие видели... Но, как наше величество нетерпеливо и занято государственными делами, вот вам срок: минуты, за которые пересыпается песок в малых песочных часах. Сумеете за это время поведать о чужедальней стране — да только самое важное,— озолочу, не сумеете,— голову долой.

Шли годы. Летели головы. Никто не мог угодить царю.

Но вот пришел как-то к царю странник. Рассказывать он не стал. Он запел.

Завел странник гортанную, протяжную песню—и встала перед глазами царя золотая страна под ярко-синим небом. И прежде чем пересыпался песок в малых часах, узнал царь все об этой знойной стране, о ее народе... Затянул пришелец песню, похожую на завывание вьюги,— и увидел царь снежные просторы, деревья в инее, реки, покрытые сизым льдом... Грянула песня, полная решимости и гнева,— и послышался царю тяжелый топот миллионов ног, и страшно ему стало за свою корону. Но так как это был вполне порядочный сказочный царь, он все же не казнил певца, а согласился с тем, что короткая песня может иной раз сказать сердцу человека больше, чем толстая ученая книга.

Так говорится о песне в одной старой сказке. Но для нас сейчас это не сказка, а присказка. Присказка к правдивому рассказу о том, чем стала песня в одной подмосковной школе.

* * *

Все началось с обиды. Любовь Иосифовна — давно ли ее здесь в школе все звали просто Люба! — пришла на первое занятие хорового, только что возникшего кружка и стала пробовать голоса.

— Первый голос,— говорила она, прослушав девочку. Тогда в хоре были еще только одни девочки.— Второй голос... Второй голос...

Вторых голосов оказалось много. Столько же было и обиженных: неприятно все-таки узнать, что у тебя голос так себе, «второго сорта»! А что второй голос — это голос «второго сорта»,— в этом ни Люда, ни Инна, ни Лена не сомневались. Ничего хорошего слово «второй» не могло предвещать. То ли дело — первый голос!

Но вскоре недоразумение рассеялось. Люба — ох, простите, Любовь Иосифовна! — разъяснила девочкам, что второй голос тоже очень

хороший. А петь вторыми голосами даже трудней, чем первыми. Ведь первый выводит мелодию, а это проще. Из вторых же голосов слагается тот бархатный фон песни, на котором серебряная нитка мелодии вьется особенно красиво, особенно заметно. У вторых голосов должен быть особенно верный, тонкий слух.

Так пять лет тому назад девочки малаховской школы № 1 впервые узнали, что песни можно петь на два голоса и это гораздо красивее. Постепенно они постигли еще много премудростей: они учились брать дыхание, петь плавно, вовремя «обрывать», постигали искусство правильно, четко и внятно произносить слова — искусство дикции. Вся эта техника необходима, чтобы песня звучала хорошо. Но этой технике грош цена, если не схвачено главное — душа песни.

Вот это-то и было самое важное открытие: в каждой хорошей песне есть своя душа, свое живое зерно. Нащупать его можно и с помощью чувств и с помощью знаний.

Скажем, разве смог бы хор по-настоящему спеть греческую песню «О герое», если бы Любовь Иосифовна не рассказала девочкам о борцах за свободу Греции, о ее мучениках?.. А теперь они поют эту песню так, что в зале воцаряется совершенная тишина и при словах «...Кто не боится смерти, тот бессмертен» даже взрослые люди бледнеют и, кажется, вот-вот запоют вместе с хором... А может быть, это происходит потому, что когда девочки поют эту песню, они думают не только о героях Греции. Перед их глазами встают любимые образы Зои, Олега Кошевого, и от этого греческие герои становятся ближе, понятнее... Право же, участникам хора подчас кажется, что они сами побывали в Греции!

А далекая Бразилия? Послушайте, как поет «Песню бразильского газетчика» Наташа Кочетова, младшая из трех сестер Кочетовых — трех лучших певуний школы.

Лицо Наташи становится печальным и вместе с тем решительным, косички точно куда-то исчезают, и перед нами уже не третьеклассница советской школы, а десятилетний бразильский мальчик, чей обед — «кукурузная лепешка да пустой похлебки ложка», чей дом — «фанерный ящик»... Сколько горечи в низком, недетски сильном Наташином голосе, когда она поет, а вернее, выкликает газетные новости! Ведь сам юный продавец не читал о них, он не может прочитать газету: он не учился и никогда не будет учиться в школе!..

Далеко друг от друга живут нищий бразильский мальчишка и исполнительница песни, несхожи их судьбы, но, честное слово, если бы Наташа встретилась с кем-нибудь из бедных бразильских ребят, они бы поняли друг друга!

Их сроднила песня.

Да, песня — лучший связной между разными народами, ведь она правдивый, искренний голос самого народа, и никто лучше ее не расскажет о самом важном, самом сокровенном. Песня связывает людей всего мира, но и у себя на родине она помогает глубже узнать и еще больше полюбить свое родное, близкое.

Ведь только теперь, научившись хоть немножко разбираться в музыке, участники хора оценили в полной мере всю красоту, все богатства русской народной песни. В ней бескрайнее раздолье степей и сумрак дремучих лесов, удалое веселье и тихая грусть, раздумье и кипучая радость труда. Недаром любили народную песню лучшие наши писатели и поэты, недаром так любил ее Ленин...

* * *

Как-то неприметно песня вышла за пределы хорового кружка и стала неотъемлемой частью школьной жизни, сопровождая все события.

Весь хор в сборе. На спевку пришли все...

С песней ехали работать в колхоз Марусино и с песней выходили там по утрам на поле. С песнями отправлялись к шефам на механический завод, в походы, в другие школы... Песни звенели по дороге на районный фестиваль, на областной смотр, где малаховская школа № 1 завоевала первое место по области...

Мы хотим, чтобы песни звенели повсюду.
Мы хотим, чтобы радость вошла в каждый дом...

Этой любимой своей песней хор провожал недавно выпускников школы.

В последний раз прозвенел звонок, и Саша Бойцов прочитал о нем стихи:

...Звонок мог часто выручать,
А мог и подводить.

Заключил он стихотворение словами, обращенными к выпускникам:

И звон последнего звонка
С собою в сердце унесете...

Но не только звуки последнего звонка унесли в своем сердце выпускники. Вместе с памятью о школе они унесли с собою мотивы любимых школьных песен, звучавших и в школьном зале и в лесу у костра, память о дружбе, о кружке, о Любе — Любови Иосифовне, впервые открывшей им силу песни. И куда бы ни пошли выпускники — в колхоз ли, на завод, в институт,— всюду они понесут с собой песню, а вместе с песней радость. Но почему же радость, спросите вы, ведь бывают же и грустные песни?..

Да, конечно, бывают и грустные песни. Но в песнях и грусть — радость, потому что грусть преображается в песне красотой, а красота — всегда радость.

ПЕРВЫЙ ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Алексей ПРОХВАТИЛОВ,
вожатый отряда, член совета первого пионерского лагеря в Сталинграде

СБОРЫ

Горячий ветер суховей вихрем проносится по улицам, сбивает прохожих с ног, поднимает над городом темно-рыжие тучи пыли. Песок забивает глаза, нос, уши, хрустит на зубах, от жары трудно дышать. Босые ребятишки бегают по горячей пыли — «делают дым»...

Это Царицын 1924 года. Поволжье только что перенесло страшную засуху. В первых пионерских отрядах, которые создавались в это время, было много слабых ребят. Комсомольцы решили вывезти пионеров из пыльного города в лагерь.

В отрядах появились красочные плакаты:

Пионеры!
Отправляясь в лагерь,
вы должны помнить, что он —
ремонтная мастерская
для вашего организма.

Пионеры начали готовиться к лагерю. Шили палатки, вили веревки, обшивали ушки для шнуровки, делали колышки. На стойки для палаток решено было пустить посохи — круглые полутораметровые палки. Посохи в то время были у каждого пионера.

Готовили спортивный инвентарь: делали городки и булавы, стойки для прыжков, вырезали флажки для спортивных игр. Барабанщики настраивали барабаны так, что они играли, как настоящие, оркестровые. Горнисты начищали трубы, звеньевые делали новые сигнальные свистки.

Отряды выезжали за Волгу, учились разбивать палатки, устраивать из хвороста постель. Проводили военные игры, соревнования: кто одной спичкой разожжет костер, кто быстрее и лучше сделает перевязку.

Красноармейцы стрелкового полка, с которыми дружили пионеры, дали большую госпитальную палатку для клуба и несколько палаток под штаб и медпункт. Привезли походные кухни.

Алексей Прохватилов. Снимок сделан в 1924 г.

В последнюю неделю перед отъездом три сводных отряда старших пионеров вышли в Бабаев лес. Они поставили мачту для флага, разбили спортивные площадки, сделали навес для кухни.

Все было готово для лагеря.

ПРОВОДЫ

Лагерное имущество собрано и упаковано. Палатки, увязанные в тюки, уже лежат на носилках, сделанных из посохов. Прилажены на плечах вещевые мешки, пристегнуты к поясам фляги с водой. Скорее бы вечер!..

Когда солнце склонилось к Мамаеву кургану, колонны пионерских дружин потянулись со знаменами и барабанами к Октябрьской площади. Дружины собрались. На площади раздается пронзительный свисток. Это сигнал начальника лагеря Георгия Банцеко-

В Бабаевом лесу вырос полотняный лагерь.

ва. Ему отвечают свистки вожатых. Наступает полная тишина.

— Разбить палатки! — подается команда. Через десять—пятнадцать минут перед зданием городского совета вырастают белые ряды палаток.

Вокруг только что возникшего лагеря собрался народ. На проводы пришли комсомольцы с «Красного Октября», с «Электролеса», родители пионеров. Со всего города сбежалась неорганизованная детвора. Ребята с любопытством рассматривают палатки, блестящие трубы пионерского оркестра, полевую кухню...

Комсомольцы вручили пионерскому лагерю знамя с портретом Владимира Ильича Ленина, чье имя было присвоено пионерской организации всего полгода назад.

Знамя принял Сережа Николаев, пионер первого отряда. Звонкий голос Сережи слышен далеко вокруг. Он торжественно обещает: «Пионеры высоко поднимут и будут крепко держать ленинское знамя в своих молодых руках!»

После парада все собрались у костра. Весело потрескивают сухие дрова; поднимаются языки пламени, выхватывая из темноты возбужденные и радостные лица. Грянула песня. Ее тотчас подхватывают:

Лейся, песнь моя, пионерская,
Буль-буль-буль, баклажечка походная
моя...

В заключение запустили «пионерскую ракету», как это принято было тогда на всех сборах.

Здорово это делал Леша Крылов, вожатый четвертого отряда. Выходит он на середину, подает сигнал: «Внимание!» Пионеры собираются вокруг него тесным кольцом. Нагнувшись, вожатый как бы подносит спичку к фитилю «ракеты». Ребята чуть слышно шипят — «ракета зажжена». Медленно поднимается рука вожатого, шипение переходит в свист, голоса берут самые высокие ноты, и наконец раздается дружный многоголосый «взрыв». В наступившую внезапно тишину вожатый бросает призыв: «К борьбе за рабочее дело — будь готов!» «Всегда готов!» — отвечают пионеры.

Горнист сыграл отбой, и ребята разошлись по палаткам.

Здесь, на площади, пионеры провели свою первую лагерную ночь.

ГОРОД ПОЛОТНЯНЫЙ

Пионерские отряды вышли из города с восходом солнца. Широкая степь встретила ребят звонкой песней жаворонков и пряным запахом полыни. Ласково греет утреннее солнце, легкий ветерок обдувает слегка вспотевшие спины. Прошли десять километров. Последний привал. Впереди, за холмом, лагерь!

Сводный отряд приехал раньше и уже приготовил завтрак. Съели кашу, по хорошему куску хлеба с маслом, запили чайком... Усталости как не бывало.

Каждый отряд получил участок, и закипела работа по оборудованию лагеря. Одни

расчищали и выравнивали площадки и дорожки, другие устанавливали и натягивали палатки, третьи отправились за песком, чтобы посыпать переднюю линейку. Из тонких прутьев, травы и листьев делали постели.

Перед каждой палаткой выложена из разноцветных камней, травы и песка эмблема. У звена «Летчик» — самолет, у звена «Спартак» — фигура гладиатора.

Долго думали, как сделать, чтобы лагерный флаг был виден далеко, и наконец решили прикрепить мачту к высокому дереву, а на нем устроили наблюдательную вышку, куда взбирались по веревочной лестнице.

Девочки устраивали Ленинский уголок. В центре палатки портрет В. И. Ленина, украшенный полевыми цветами. Рядом плакат:

Нас не пугают
Ни вьюги, ни дождь,
С нами наш друг
И учитель — наш вождь.

На стенде, обтянутом красным полотном, фотографии и рисунки; они рассказывают об Ильиче. У витрины толпятся ребята: вышел первый номер «Лагерного листка», нашей ежедневной стенной газеты.

Первым в лагере просыпался дежурный отряд. Затемно начинали готовить завтрак, с утра — обед, а в полдень уже думали, чем кормить лагерь на ужин. Дежурные таскали воду, кололи дрова, чистили картошку, перебирали крупу. Но как они ни старались, всегда не успевали. Особенно опаздывали с обедом. В работе, в походах быстро бежит время, а еще быстрее успеваешь проголодаться. Ух, с каким удовольствием пели мы первую песню пионерских лагерей:

Наши бедные желудки
Были вечно голодны,
И считали мы минутки
До обеденной поры...

Из всех занятий, несомненно, самыми интересными были соревнования и спортивные игры. В лагерь как-то приехали московские врачи и физкультурники. Гости привезли пионерам подарки от наркома здравоохранения Н. А. Семашко. Среди подарков оказался футбольный мяч—давняя мечта ребят. Но представитель Наркомздрава, не выпуская мяча из рук, заявил, что играть детям в футбол вредно и что мяч они получат только в том случае, если дадут слово не касаться его ногой. Пришлось дать такое обещание. Но выполнить его было не так-то легко. «Не слушались» ребят ноги. И вскоре все мальчики сделались отчаянными футболистами.

Наступила пора уборки урожая. Работы оказалось непочатый край. Организовали в селе детскую площадку для малышей. Исправили дорогу, идущую через балку и поле. Пионеры узнали от деревенских ребят, что неподалеку от лагеря стоят неубранными пять десятин пшеницы — общественный посев для красноармейских семей и вдов села Ежовки. Горнисты сыграли большой сбор, и весь лагерь вышел на уборку хлеба. Вожатые и старшие пионеры взялись за косы, кто умел, подрезал пшеницу серпом, малыши помогали им. Работали дружно, весело, с песнями. Весь хлеб до одного колоска был собран за день. Крестьяне Ежовки были очень довольны пионерами и пригласили их в гости.

НАС НЕ ПУГАЮТ НИ ВЬЮГИ, НИ ДОЖДЬ

В один из воскресных дней отряды пришли в село. Играли с деревенскими ребятами, рассказали о детской коммунистической организации, ее целях, о законах и обычаях пионеров. Лагерные спортсмены начали показывать гимнастические упражнения, но тут над селом нависла грозовая туча. Засвистел ветер. Пришлось поспешить в лагерь.

Туча стремительно надвигалась. Прибавили шагу, а когда до лагеря оставалось с километр, вожатый подал команду: «Бегом!»

Разгоряченные ребята не сразу поняли, что ливень может принести беду. Но подбежали к лесу и увидели, что в лагере бушует поток. Вода прибывала с каждой минутой, грозя смыть палатки. Первыми бросились спасать лагерь ребята из 22-го отряда. Еще недавно, зимой, они все были беспризорниками, бегали по базарам, били стекла в детском доме... Но полгода, проведенные в пионерском отряде, сделали их совсем другими. Лагерь, выстроенный собственными руками, был дорог каждому. Стоя по колено в воде, ребята ловили миски, кружки, фляги — все, что плыло и кружилось в водовороте бурлящего потока. 22-й отряд спас Ленинский уголок. Тучи пронеслись, солнце вновь сверкало над лагерем. Ребята наперебой рассказывали друг другу, кто и как спасал имущество. Совет лагеря отметил находчивость 22-го отряда.

...Последний костер! Кончилась лагерная пора.

В гости к пионерам приехали ветераны героической обороны Царицына и молодые красноармейцы. В стране проходила тогда неделя борьбы с опасностью новой войны.

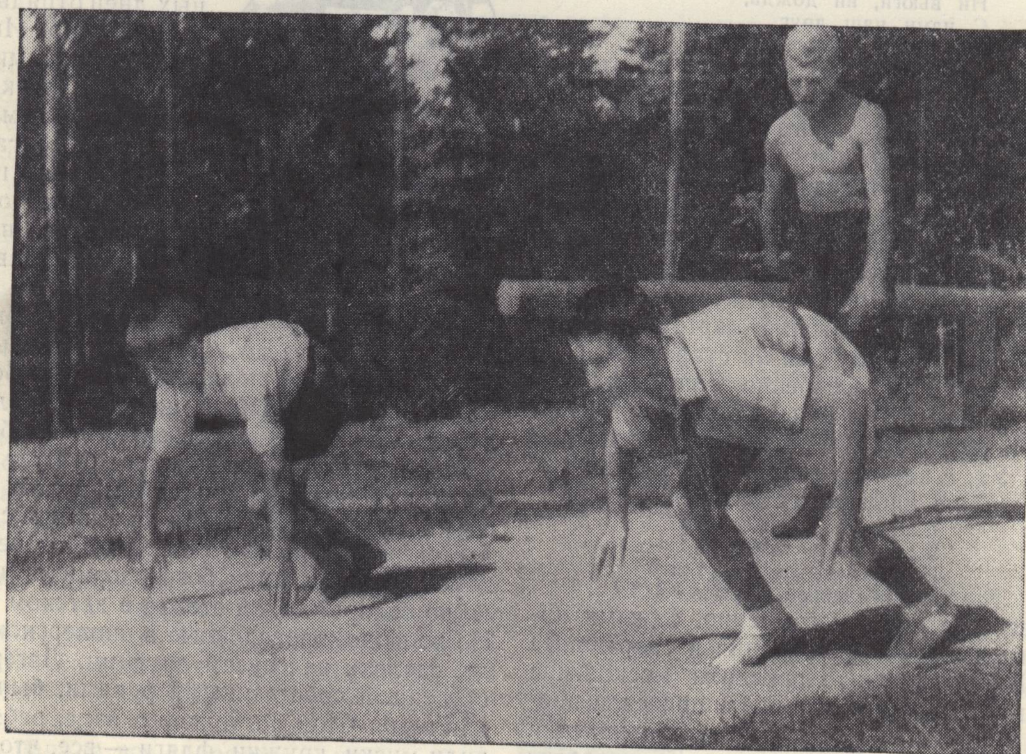
К костру вышел красноармеец Макаров. Он рассказал ребятам о Красной Армии и передал от всех бойцов своей роты спасибо пионерам звена «Красноармеец» 3-го отряда за то, что они помогли оформить ротный Ленинский уголок, и за выступления, которые, как сказал Макаров, «оставили неизгладимый след в сознании красного бойца». А ребята с гордостью рассказывали бойцам о своем лагере, о том, как сдружились и окрепли за лето пионерские отряды...

Надолго, может быть, на всю жизнь, останутся воспоминания об этом чудесном лете.

Вновь загораются по вечерам костры пионерских лагерей. Теперь их тысячи! Другое поколение ребят с красными галстуками собирается у огней на лесных полянах. Мы, первые пионеры, приходим к костру не хозяевами — гостями, рассказываем, как создавалась пионерская организация. Да, наши первые пионерские лагеря были небогатыми, но жизнь наша была наполнена большими интересными делами, и забыть эти годы невозможно.

И кто знает, может быть, нынешние хозяева пионерских лагерей через двадцать—тридцать лет тоже придут к таким же кострам гостями. У них найдется, что рассказать будущим пионерам: они живут в то время, когда страна начинает строить коммунизм.

ГОТОВИТЕСЬ ЛИ ВЫ К СОРЕВНОВАНИЯМ?..

До заочных соревнований пионерских дружин осталось немного времени: они будут проходить с начала учебного года до 15 октября.

ПРОГРАММА СОРЕВНОВАНИЙ

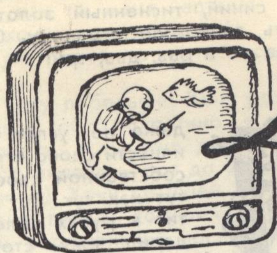
Бег на 60 метров
Прыжки в высоту с разбега
Прыжки в длину с разбега
Метание мяча на дальность (мяч хоккейный или резиновый, не тяжелее 80 граммов).

Во время тренировок не увлекайтесь чем-либо одним: прыжками, или бегом, или метанием мяча,— ведь вы готовитесь к соревнованиям многоборцев. Каждый участник будет состязаться во всех видах программы.

Как будут оцениваться результаты соревнований по легкой атлетике!

По бегу 100 очков получит тот из мальчиков, кто пробежит 60 метров за 8 секунд, по прыжкам — кто прыгнет в длину на 4,80 метра, а в высоту — на 1,30 метра, и по метанию — кто бросит мяч на 65 метров. Для девочек требования немного ниже: чтобы получить 100 очков по бегу, им надо пробежать 60 метров не за 8, а за 8,2 секунды, прыгнуть в длину на 4,50 метра, а в высоту — на 1,20 метра, бросить мяч на 55 метров.

Сравните свои результаты с этими оценками и тренируйтесь так, чтобы набрать побольше очков. Готовьтесь защищать спортивную честь своей дружины!

Два чуда

Рисунки В. Цельмера.

Б. САРНОВ

На столе стоит большой полированный ящик с экраном. Ты поворачиваешь крохотный рычажок, экран вспыхивает, и ты видишь людей, находящихся далеко-далеко от тебя и твоего дома.

А вот другой ящик, совсем такой же, как первый, только без экрана. Легкое прикосновение руки — загорается яркий зеленый глазок, и в твою комнату врываются голоса людей, живущих в чужих, далеких странах. Ты спокойно сидишь у себя дома, а перед тобой на разных языках шумит, поет, говорит, грустит и веселится весь мир.

Мы так привыкли ко всем этим чудесам, что даже не считаем их чудесами. Они давно уже стали для нас самой обыкновенной вещью. Мы живем среди них, мы их не замечаем. Двенадцатилетний мальчишка может сегодня объяснить схему устройства радиоприемника и рассказать, почему на экране телевизора появляется изображение.

Но все это чудеса сложные.

Прежде чем они появились на свет, над ними ломали голову ученые, изобретатели, инженеры. На разных заводах, на сложнейших станках сотни рабочих делали детали для того, чтобы появился на свет телевизор или радиоприемник.

А есть в нашей жизни другое — самое простое, самое обыкновенное и, пожалуй, самое большое чудо. Это чудо — искусство слова.

В самом деле, подумайте.

Сидит человек за столом. В руках у него ручка. Часто даже не самопишущая, а обыкновенная, простая или даже вовсе огрызок карандаша. Перед ним чистые листы бумаги. Человек сидит, думает, потом медленно исписывает бумагу какими-то закорючками. Проходит день, месяц, год. Множество листов бумаги, испещренных такими же закорючками, берет в руки другой человек. Он смотрит на эти закорючки, и в его воображении оживают события, лица, люди — те самые, которые жили в воображении писателя, когда он сидел над чистым листом бумаги. И никаких экранов, радиоволн. Только стопка белой бумаги да огрызок карандаша.

Что? Разве не чудо?

Вот Алексей Максимович Горький вспоминает о том, как он впервые в жизни прочел рассказ великого французского писателя Густава Флобера «Простое сердце»:

«Помню, «Простое сердце» Флобера я читал в троицын день, вечером, сидя на крыше сарая, куда залез, чтобы спрятаться от празднично настроенных людей. Я был совершенно изумлен рассказом, точно оглох, ослеп,— шумный весенний праздник заслонила предо мной фигура обыкновеннейшей бабы, кухарки, которая не совершила никаких подвигов, никаких преступлений. Трудно было понять, почему простые, знакомые мне слова, уложенные человеком в рассказ о «неинтересной» жизни кухарки, так взволновали меня? В этом был скрыт непостижимый фокус, и — я не выдумываю — несколько раз, машинально и как дикарь, я рассматривал страницы на свет, точно пытаясь найти между строк разгадку фокуса...»

Прошли годы. Мальчишка, который в троицын день, взобравшись на крышу сарая, разглядывал на свет страницы книжки, пытаясь найти разгадку «фокуса», сам стал великим писателем. Но до последних дней своей долгой жизни он не переставал повторять:

«Для меня литература — чудо!»

«Книга — самое удивительное и самое великое из всех чудес, созданных человеком».

Что же изумляло Горького в книгах великих художников слова?

А вот что.

«...Совершенно поражен был я,— рассказывает он,— когда в романе Бальзака «Шагреневая кожа» прочитал те страницы, где изображен пир у банкира и где одновременно говорят десятка два людей, создавая хаотический шум, многогласие которого я как будто слышу. Но главное — в том, что я не только слышу, а и вижу, кто как говорит, вижу глаза, улыбки, жесты людей, хотя Бальзак не изобразил ни лиц, ни фигур гостей банкира».

В самом деле, разве это не поразительно? Писатель даже не описал внешность своих героев, а мы их отчетливо себе представляем, видим их так ясно, как будто тысячу раз с ними встречались.

Конечно, это удивительно. Для нас с вами. Но Горький!... Ведь он сам был писателем. Он написал много книг. Уж кто-кто, но он-то знал, как это делается! Он-то разгадал, в чем здесь «фокус», в чем секрет этого чуда! А чудо, секрет которого разгадан, сразу перестает быть чудом. Почему же до конца своих дней Горький говорил об искусстве писания книг, как о чуде? Может быть, умение написать книгу и в самом деле чем-то похоже на волшебство?

Конечно, разглядывая страницы книги на свет, секрета мы не разгадаем и на интересующий нас вопрос не ответим.

Ответить на этот вопрос можно, только узнав, в чем состоит труд писателя и что значит одно короткое, веселое, загадочное слово — «тапант».

Но это легко сказать: узнайте, в чем состоит труд писателя. А как это узнаешь?

Секреты любого труда можно разгадать, наблюдая за тем, кто трудится, перенимая его трудовые навыки, постигая его умение. Совсем другое дело — труд писателя. Писатель работает без свидетелей. Один творит он в тишине своего рабочего кабинета. Работа его не терпит посторонних глаз. Человек, сумевший написать книгу на глазах у зрителя,— это не подлинный писатель, не настоящий. Фокусник, а не волшебник.

Кто же может рассказать, что происходит, когда писатель остается наедине с чистым листом бумаги?

Выходит, никто, кроме самого писателя.

Тогда, может быть, нам так и сделать: пригласить в редакцию какого-нибудь писателя и попросить его, чтобы он открыл нам свою тайну. Пусть честно расскажет обо всем, что нас интересует.

Такую попытку сделали однажды. Обратились к известному писателю и попросили его:

— Расскажите нам, пожалуйста, как вы работаете над своими книгами.

Писатель улыбнулся и ответил:

— Ваша просьба напомнила мне историю про сороконожку. Сороконожку спросили: «Как ты ходишь? Что делает твоя тридцать четвертая нога, когда первая касается земли? И где находится восьмая, когда по земле ступает семнадцатая?» Сороконожка задумалась. Она долго высчитывала что-то, пытаясь ответить на вопрос, и в конце концов так запуталась, что, когда захотела проверить свои вычисления, не смогла сделать ни шагу. Так она и до сих пор не сдвинулась с места.

Я боюсь,— сказал этот писатель,— как бы со мной не случилось того же, что с бедной сороконожкой, которая разучилась ходить. Если я стану размышлять над тем, как я работаю, то, чего доброго, совсем разучусь писать книги.

Вот видите, оказывается, и писателю ответить на наш вопрос не так уж просто. Что же делать? Неужели мы так и не узнаем, как создает писатель своих героев, как он населяет книгу живыми людьми?

Остается последнее средство: прибегнуть к помощи чуда. Для того, чтобы узнать секреты волшебников, надо самому стать волшебником. Это самый лучший способ. Вот увидите.

Давайте сделаем так. Вызовем самих книжных героев и послушаем их разговоры. Вы думаете, это очень трудно? Ничего подобного. Для этого нужно только иметь воображение. Итак, я сейчас вызываю кого-нибудь из наших любимых книжных героев. Пусть это будет, ну, скажем, папа Карло из книги Алексея Толстого «Золотой ключик».

Для того, чтобы папа Карло появился передо мной, мне даже не придется подходить к полке, доставать синий, тисненный золотом том, листать его, искать знакомую страницу. Стоит только закрыть глаза — и раз, два, три!

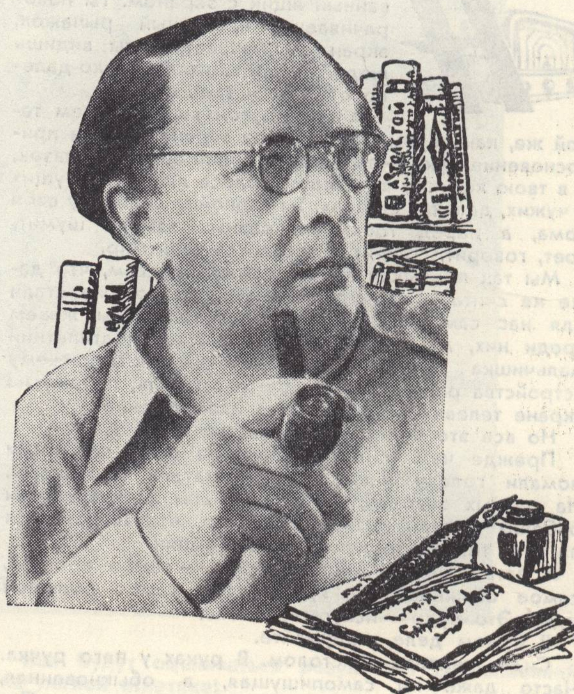
Я даже не успел мысленно произнести слово «три», а папа Карло собственной своей персоной уже тут как тут. Вот он сидит и вертит в руках полено, которое подарил ему столяр Джузеппе... Разглядывает его добрыми подслеповатыми глазами...

Давайте послушаем, что он там бормочет себе под нос.

«КАРЛО. Пожалуй, Джузеппе и впрямь дал мне дельный совет... Вырежу куклу, научу ее разным штукам и буду ходить по дворам с шарманкой — зарабатывать себе на кусок хлеба... Так. Первым делом вырежем волосы, потом лоб. Как бы мне ее назвать?

ПОЛЕНО. Буратино!

КАРЛО. Что это? Мне почудилось, будто кто-то сейчас сказал: «Назови ее Буратино»... Неужто здесь кто-то прячется? Эгей! Приятель! Где ты? Никого. Наверное, я сам это и сказал. Забывчив стал...

Старость... И в самом деле, назову-ка я ее Буратино. Я знал одно семейство, всех их звали Буратино: отец — Буратино, мать — Буратино и сынишка — тоже Буратино... Ох, и баловник же был этот Буратино! Да, Буратино — хорошее имя для куклы!..

Теперь глаза... Вот тебе раз! Не успел ковырнуть стамеской — глаза у него сами раскрылись... Деревянные глазки, почему вы так странно смотрите? Теперь вырежу тебе рот, и будет у меня сынишка с хорошеньким, маленьким ротиком.

БУРАТИНО. Ой, ой, ой, слишком маленький рот!
КАРЛО. Фу ты, как ты меня напугал!
БУРАТИНО. Не хочу маленький рот!
КАРЛО. Ладно уж, ладно, не вертись, сделаю тебе рот побольше.
БУРАТИНО. Не хочу побольше! Хочу рот до ушей!
КАРЛО. Господь с тобой, Буратино, я еще только начал тебя мастерить, а ты уже делаешь все, что хочешь. Где же это видано — рот до ушей?
БУРАТИНО (кричит). Хочу до ушей, хочу до ушей!
КАРЛО. Ну ладно, пускай до ушей... А теперь вырежем маленький, хорошенький носик.
БУРАТИНО. Не хочу маленький! Хочу большой нос!
КАРЛО. Это ни на что не похоже... Фу ты, даже очки свалились! Батюшки, да у тебя никак нос сам вырос! И разве это нос? Это шило какое-то, а не нос. Надо его укоротить.
БУРАТИНО. Ой, ой! Не дамся, не дамся! Не трогайте мой чудный нос!
КАРЛО. Ах, сорванец! Прямо из рук вырывается... Что же это такое, Буратино? Выходит, я не могу тебя сделать, каким захочу?
БУРАТИНО. Конечно, не можете! Сделайте меня таким, каков я есть.
КАРЛО. А ведь мальчишка прав... Я, помню, сам вот так же, слово в слово, отвечал писателю, который меня сочинил. Ох, и намучился же он со мной! Он, видите ли, сначала хотел, чтобы я был совсем другим. Ну, а я сказал ему: нет уж, будьте добры, сделайте меня таким, каков я есть. Он, понятно, сначала не соглашался, а потом пришлось ему меня послушаться. Еще бы! Я сопротивлялся, пожалуй, еще похлестче, чем мой Буратино. Как сейчас помню, как все это было... Впервые я увидел свет в большой комнате, с камином, с огромными картинами, висящими на стенах, с низкими застекленными шкафами, наполненными множеством книг. За массивным письменным столом, на котором лежала стопа белой глянцевитой бумаги, сидел человек и что-то быстро писал. Я сразу понял, кто этот человек. Это был писатель. Он только что меня придумал. Именно поэтому я и появился здесь, в этой комнате.

Я неслышно заглянул в лежащий на столе лист бумаги. Там было написано: «Дверь отворилась, и вошел довольно бойкий старичок по имени Джеппето...»

Даже не дочитав до конца, я сразу понял, что это про меня.

«Что за чушь,— подумал я,— какой же я Джеппето! Меня зовут Карло. Надо ему сказать, что я Карло...»

Не успел я это подумать, как человек, сидящий за столом, поморщился и быстрым, размашистым движением пера зачеркнул слово «Джеппето».

Откинувшись в кресле, он сидел некоторое время молча, не глядя в мою сторону, и посасывал трубку. И вдруг, подняв голову, уставился прямо на меня. Вынул трубку изо рта и заморгал... «Увидел»,— подумал я и, сам не знаю почему, сказал:

«Эхе-хе! Каково-то тебе, старый Карло... Третий день даже похлебку не на чем разогреть...»

Человек за столом обрадованно захохотал и быстро написал на бумаге эти мои слова... Потом снова посмотрел на меня долгим, немигающим взглядом и вдруг застрочил; я едва успевал следить взглядом за его пером.

«...слово «похлебка»,— быстро писал он,— невольно заставило нашего милейшего Карло нахмуриться. Дело в том, что соседние мальчишки, когда хотели вывести его из себя, дразнили старика «Похлебкой» из-за желтого парика, очень похожего на похлебку. Карло был очень вспыльчив. Беда, если кто-нибудь называл его Похлебкой. Он сразу становился зверем, и тогда уж унять его было невозможно...»

Тут я не выдержал:

«Это кто становился зверем? Это кого называли Похлебкой? Нет уж, сударь! С вашим Джеппето, может быть, все именно так и происходило. А я, к вашему сведению, не Джеппето. Я добрый старый Карло и зверем отродясь не бывал. Будьте добры, сейчас же вычеркните эту чепуху!»

Писатель задумчиво посмотрел на меня, снова посасывая трубку, ничего не ответил и медленно,

словно нехотя, крест-накрест перечеркнул написанное.

«Вот то-то,— сказал я ему,— извольте описывать меня таким, каков я есть, а не так, как вам заблагорассудится...»

Признайтесь, ведь вы не верите, что все это было так, как рассказал сейчас старый папа Карло? В самом деле, где это слыхано, чтобы герой книжки спорил с писателем? Ведь писатель сам создает своих героев, придумывает их. Разве это не значит, что он целиком распоряжается их судьбой? Разве не от писателя зависит, будет у книги счастливый или несчастный конец? Разве не писатель решает, быть его герою добрым или злым, лукавым или простодушным?

Оказывается, все это совсем не так просто.

Может быть, старый Карло и прихвастнул немного, может быть, он присочинил какие-нибудь отдельные подробности. Но самое главное он рассказал правильно.

Почти всегда герой действительно спорит с писателем, борется с ним, и чем талантливее писатель, тем чаще в этом единоборстве побеждает герой.

«Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна!

Она замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее...» — говорил Александр Сергеевич Пушкин о своей героине Татьяне Лариной.

А вот что говорит о своих героях Лев Толстой: «...Герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы».

Не было на свете такого писателя, который хоть раз в жизни не пожаловался бы на то, что его герой совершил какой-то неожиданный поступок. Но ведь в конце концов это Пушкин придумал свою Татьяну. Это он сам решил выдать ее замуж за генерала.

Что же заставляет писателя изменять свои планы? Ответ тут может быть только один: чувство художественной правды. Художник выбирает своему герою ту, а не другую судьбу, потому что он безошибочно чувствует: да, это могло быть только так и не иначе. Это «шестое» чувство так же необходимо писателю, как музыкальный слух скрипачу или дирижеру.

Попробуем понять, что это значит — «чувство художественной правды».

Представьте себе, что вам сказали про вашего близкого друга, что он совершил подлость. Без сомнения, вы сразу же скажете: «Этого не может быть!»

— Почему вы так уверены? — спросят вас. — Ведь вы же при этом не присутствовали?

«Правда, — подумаете вы, — я при этом не был. Но представить себе, что он мог совершить такое... Нет, не могу!»

Вы берете на себя смелость верить или не верить фактам, свидетелем которых вы не были. Что дает вам на это право? То, что вы знаете человека, о котором идет речь, и, следовательно, знаете, что он неспособен совершить тот поступок, в котором его обвиняют.

Нечто похожее происходит и с писателем.

Писатель, если он настоящий художник, относится к своим выдуманным героям, как к живым людям: он видит их, разговаривает с ними, знает их мельчайшие наклонности и привычки. Он знает их не просто как знакомых, но как бесконечно близких ему людей, с которыми бок о бок прожил не один год. Нет ничего удивительного в том, что он легко может угадать каждый их поступок, каждое движение души.

Конечно, не так все это просто. Бывает, что друг не рискнет поручиться за своего друга. Что ж! Значит, он плохой друг!

Нередко встречаются писатели, которые не знают своих героев настолько, чтобы безошибочно угадывать каждый их поступок. Значит, это плохие писатели!

Для настоящего писателя герой его книги, даже если он деревянный человечек Буратино или игрушечный Щелкунчик,— это живой человек, со своим, только ему присущим голосом, со своими, только ему присущими жестами, со своими, только ему присущими чертами характера. Поэтому, когда вы читаете о фантастических приключениях никогда не существовавших в действительности Щелкунчика или Буратино, у вас ни на секунду не возникает сомнения в том, что все было именно так, как об этом рассказывает писатель.

Недаром говорят:

— У Гоголя прочтешь: «Открылась дверь, и вошел черт...» Веришь! У плохого писателя прочтешь: «Открылась дверь, и вошел человек». Не веришь!..

«Не веришь» — это значит, писателю изменило чувство художественной правды. Именно оно, это безошибочное чувство художественной правды, является главным, решающим в том сложном сочетании человеческих способностей и дарований, которое называют обычно талантом писателя.

Вам, наверное, часто приходилось слышать это выражение: «талантливый писатель». А слыхали вы, чтобы словом «талантливый» определяли не писателя, а читателя? Вряд ли. О читателе так обычно не говорят. А ведь читатель тоже может быть талантливым или бездарным.

Один человек прочел книгу и тут же забыл ее, спустя месяц— другой уже не может вспомнить, читал он ее или нет. Казалось бы, что ж, дело ясное: просто это была плохая книга. Но вот ту же самую книжку прочел другой человек, и она живет в его сознании долгие годы. Каждое событие, описанное в книге, врезалось в его память так крепко, как будто оно произошло не с героем книги, а с ним самим. В первом случае перед нами просто человек, умеющий складывать буквы в слова, а слова — в предложения. Во втором — настоящий читатель.

Меня недавно спросил один мой приятель, вполне взрослый и даже не очень уж молодой человек:

— Ты хорошо помнишь «Детство Никиты»?

— Помню... А что? — Не очень уверенно спросил я.— Все-таки лет двадцать, не меньше, прошло с тех пор, как я читал эту книгу Алексея Толстого.

— Да, я тоже читал ее только в детстве, — ответил он, когда я сказал ему об этом, — и знаешь, много разных событий случилось за это время в моей жизни. Какие-то из этих событий я помню лучше, какие-то хуже. Некоторые забыл совсем. И лишь немногие события моей собственной жизни оставили у меня в памяти такой глубокий, такой яркий и неизгладимый след, какой оставили в ней события этой давным-давно, в детстве прочитанной книжки. Вот сейчас мы с тобой заговорили о ней, и я так и вижу: голубоватые лунные блики лежат на паркете... Слышу, как жалобно скрипит дверь и скрип ее гулко разносится по пустым комнатам. Я вдыхаю уютный запах печного тепла и старинных вещей. У меня сладко замирает сердце, как будто это не какой-то выдуманный писателем мальчик Никита, а я сам бежал когда-то по залитому лунным светом паркету, чувствуя, как чья-то рука неслышно касается моих волос...

После этого разговора я невольно вспомнил моего соседа, мальчика Вову, который в прошлом году прочитал впервые «Три мушкетера» Дюма. Прочитав эту книгу, он почти целый год был д'Артаньяном. Я не оговорился. Он не просто воображал себя героем книги. Он действительно б ы л им.

Настоящий читатель — это тот, кто не просто прочел книгу, но пережил ее: он жил вместе с ее героями, радовался их радостями, страдал и мучился вместе с ними.

Талант — эта удивительная способность видеть и переживать придуманное с такой остротой и силой, как если бы оно случилось в жизни на самом деле, — почти так же необходим читателю, как и тому, кто пишет книги.

Если бы не было читателей, наделенных этим талантом, не было бы и книг.

На свете есть много разных сказок. И редкая сказка обходится без чуда. Почти в каждой из них появляется волшебник. Он прикасается своей волшебной палочкой к столу, к лампе, к дивану, креслу — самым обыкновенным, повседневно окружающим нас вещам и предметам, и они оживают. Оживают игрушки. Колода карт превращается в сказочное королевство; нарисованные и раскрашенные короли и валеты становятся живыми людьми.

Так бывает в сказках. Но нечто подобное часто происходит и в жизни. И каждый из вас может оказаться таким волшебником.

Представьте себе библиотеку, любую библиотеку, в которой каждому из вас наверняка приходилось бывать. Полки, полки, полки, уставленные книгами. Каждая из них — просто пачка бумаги, сброшюрованной и заключенной в переплет. Откроешь ее: мертвые черные значки — буквы, буквы составляют слова, слова — предложения. Но стоит только взять книгу в руки настоящему читателю — человеку, наделенному волшебной палочкой читательского таланта, — и все мгновенно меняется. Герои книги словно пробуждаются от сна, расправляют затекшие мускулы и начинают действовать, говорить, спорить — жить. Они становятся бесконечно близкими тебе людьми, людьми, без которых ты уже не можешь представить себе своей жизни. Такая волшебная палочка есть у каждого. Есть она и у тебя. Нужно только иметь воображение.

БЕГУЩИЕ

ПО ВОЛНАМ

Н. КОЛЕСНИКОВА, П. МИХАЛЕВ

Лет двадцать пять назад жил мальчишка на московской окраине, недалеко от Ленинских гор, которые тогда назывались Воробьевыми. Он помогал грузить ящики на складе, при случае подносил хозяйкам кошелки с базара, а заработанные деньги копил на лыжи. Когда были куплены и лыжи и ботинки, началось освоение Воробьевых гор. Не было, казалось, ни одного бугорка на их крутых склонах, по которому не пролетал бы на лыжах этот плотно сбитый крепыш.

Больше всего мальчишке нравился слалом — головокружительный извилистый спуск с препятствиями— между флажками, расставленными по склону, или просто между деревьями. Пулей срывается лыжник с самой макушки горы и камнем летит вниз. Ловко лавируя между флажками, вздымая лыжами облака седоватой снежной пыли, слаломист через мгновение оказывается внизу. За ним по всему склону тянется змейкой узкий двойной след.

Мальчишка поступил в фабзавуч, выучился на слесаря, а в 1938 году, уже будучи студентом Высшего технического училища имени Баумана, выиграл первенство страны по слалому...

Так началась спортивная биография неоднократного чемпиона СССР по горнолыжному спорту Дмитрия Ефимовича Ростовцева.

Сейчас Дмитрий Ефимович — тренер. Его по-прежнему можно встретить с лыжами у Ленинских гор почти каждый день, и зимой и летом. И летом? Да!

...Маленький сильный глиссер бежит мимо гранитных трибун Парка культуры и отдыха, ныряет под широкую арку нового моста, устремляясь к Лужникам. На корме сидит плечистый загорелый человек и, стараясь перекричать рокочущий мотор, командует в рупор:

— Внимание, начинай «змейку»!

Нет, это он не мотористу. Моторист, повернувшись к тренеру спиной, спокойно ведет глиссер по фарватеру. Тот, к кому обращены слова, находится за бортом. Метрах в пятнадцати от пенистого хвоста глиссера, чуть касаясь белых гребешков, почти летит над водой человек. В руках у него конец троса, идущего от кормы катера,— вожжи, на которых рвется вперед его лихой «конь». На ногах у «наездника» лыжи.

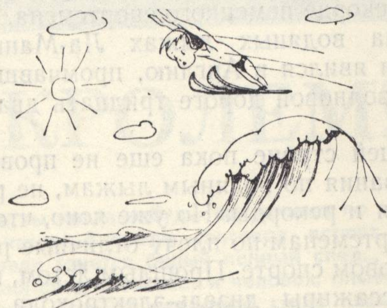
Дмитрий Ефимович Ростовцев проводит очередное занятие со своими горнолыжниками.

Вместо снежного склона — спокойная гладь Москвы-реки, а крутизну заменяет си-

На волнах, как на горах

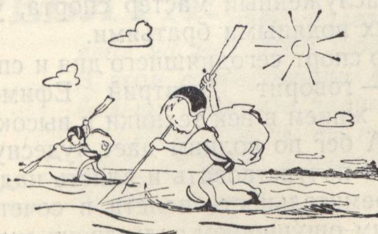
Рисунки Льва Соколова.

ла катера, летящего со скоростью пятьдесят километров в час.

— Внимание, поворот направо! — разносится над рекой голос Ростовцева, и спортсмен, будто на слаломной трассе, переносит тяжесть тела то на левую, то на правую ногу. Зимой, огибая флажок на склоне горы, он делал точно такие же движения.

Но и на речной, казалось бы, «малолюдной» дороге надо быть внимательным. Поглощенный поворотом лыжник не заметил набежавшей от речного трамвайчика волны, и она ударила прямо по нависшей над водой лыже...

— Стоп! — теперь уже мотористу командует тренер.

Авария! Выкрашенные в ярко-желтый цвет лыжи своенравно разбрелись в стороны, пока хозяин их, совершив вынужденный нырок, выплывал на поверхность. Катер описал круг возле места происшествия, поджидая, когда неудачник догонит свои сразу ставшие непослушными «средства передвижения» и опять овладеет положением. Сделать это не так просто. Сначала приходится половить трос за деревянную рукоятку на конце, потом лыжи. Ясно, что для этого нужно быть отличным пловцом.

Вместо креплений на водяных лыжах прибиты своего рода резиновые галоши. Надень их, и лыжи плотно охватят ноги. А потеряешь равновесие, как случилось в этот раз, тоже не страшно: от галош нетрудно освободиться.

Вот галоши снова надеты, трос в руках. Теперь нужно взять старт. Это все равно, как пытаться медленно-медленно ехать на велосипеде: скорости, помогающей держать равновесие, нет.

Катер плавно набирает ход.

— Полный вперед! — командует наконец тренер.

Стрелка спидометра движется по циферблату: 20, 25, 30... И вот широкие тупые носы лыж уже вынырнули из воды. За лыжными пятками змеится белый след. Сорок километров! Можно продолжать тренировку.

— Внимание. Поворот налево!..

...У австрийских, немецких, французских горнолыжников водяные лыжи очень в ходу: они позволяют тренироваться круглый год, летом так же, как и зимой. Не случайно и у нас пионерами этого молодого спорта стали спортсмены, под июльским солнцем тоскующие по снегу.

На «большую воду» любители водяных лыж по-настоящему вышли во время Мос-

ковского фестиваля. В один из августовских дней многотысячная толпа собралась к гранитным трибунам набережной Москвы-реки. Когда над столицей спустились синие сумерки, призывно запели фанфары. Начался водный праздник. Разноцветные кинжалы прожекторов рассекли речную гладь на синие, красные, фиолетовые квадраты и треугольники. А еще спустя мгновение на речной простор вылетел белоснежный катер «Ракета». Он действительно почти летел над волнами благодаря подводным крыльям, которые вынесли его из воды. Созданная руками замечательных горьковских судостроителей, «Ракета» развивала скорость до семидесяти километров в час. Тысячи зрителей затаили дыхание, когда луч прожектора выхватил из сумрака несущуюся за крылатым катером человеческую фигуру. За головным мчались другие катера, и по их белому пенистому следу, как по заснеженному горному склону, летели отважные лыжники, ученики Ростовцева. Это было яркое зрелище, в котором сочетались могущество современной техники и стремительная красота спорта.

Еще интереснее заниматься водяными лыжами на море. Море никогда не бывает похожим на равнину. Даже спокойное, оно покрыто холмиками волн. А чуть поднимется ветер — волны превращаются в крутые горы и трамплины. Только горы живые, подвижные, полные лукавства и коварных неожиданностей.

На водной дороге спортсмен выполняет такие же крутые повороты, как на слаломной трассе.

Взлетев на «живой» водяной трамплин, умелый лыжник может несколько метров парить в воздухе, а потом, мягко «приземлившись» у следующей волны, продолжать свой путь. Трудно? Еще бы! Несколько минут просто скользить на водяных лыжах за катером может каждый более или менее тренированный человек. А выполнять прыжки и крутые виражи на изменчивых зеленых холмах морской воды под силу лишь тем, кто привык на твердой земле владеть своими нервами и мышцами.

Недавно в одном из зарубежных журналов была помещена заметка, в которой сообщалось о рекорде немецкого спортсмена. Он пересек на водяных лыжах Ла-Манш. Из Франции явился в Англию, промчавшись по зыбкой волновой дороге тридцать два километра.

В нашей стране пока еще не проводятся соревнования по водяным лыжам, не регистрируются и рекорды. Но уже ясно, что и нашим спортсменам по плечу отличные результаты в новом спорте. Прошлым летом, например, пассажиры дизель-электрохода «Россия», удивленные редким зрелищем, дружно прильнули к борту корабля. Параллельным с «Россией» курсом мчался прогулочный глиссер, обычно катающий курортников. Глиссер буксировал водяного лыжника. Уже скрылись из виду сочинские санатории, промелькнули и исчезли за мысом зеленые парки Мацесты, показалась Хоста. Тут обитатели «России» расстались с глиссером, который свернул к пристани, высадил пассажиров, взял новых и помчался обратно.

Море «разболталось», волнение поднялось баллов до трех. Но лыжник по-прежнему мелькал среди волн. Около сорока километров сделал в тот день по неспокойному морю московский спортсмен-горнолыжник Роберт Рубин. Значит, рекорд путешествия через Ла-Манш не столь уж сенсационен!

...Скорость, простор, азарт борьбы с бьющим в лицо ветром заставили когда-то рабочего паренька с московской окраины на всю жизнь полюбить лыжи. И не случайно Дмитрий Ефимович Ростовцев, уже немолодой человек, заслуженный мастер спорта, увлекся теперь их водяными братьями.

— Это спорт сегодняшнего дня и спорт будущего,— говорит Дмитрий Ефимович.— Ведь мы живем в век техники и высоких скоростей. А бег по волнам дает чудесную возможность почувствовать и власть над стихией и стремительность полета в сочетании с радостным ощущением силы своих мускулов.

УЧИТЕСЬ ПЛАВАТЬ

КРОЛЕМ!

Видали вы когда-нибудь, как мчится по воде глиссерный катер! Впереди глиссера встают водяные усы, позади тянется белый пенный след...

Похожий след оставляет и человек, плывущий кролем. Кроль — самый выгодный стиль плавания. Он выгоден и на коротких дистанциях, где нужна быстрота, и на длинных, где нужна экономия сил.

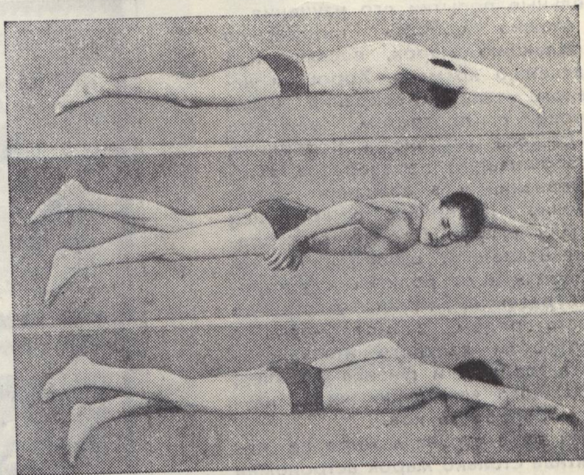
Справа три фотографии. На них — мальчик, плывущий кролем. Это один из учеников детской спортивной школы. На первой фотографии исходное движение после старта: скольжение на груди. На второй — начало гребка левой рукой и вдох. На третьей — начало гребка правой рукой и выдох.

Запомните правило: при плавании кролем вдох всегда делают под одну и ту же руку, когда проносят ее над водой, а выдох — во время гребка той же руки.

Второе правило: при гребке голова для вдоха повертывается в сторону, противоположную руке, делающей гребок. При выдохе лицо обращено вниз, и выдох делается в воду.

Третье правило: в кроле ноги работают не в лад рукам и дыханию, а гораздо чаще, в своем особом ритме. Ноги вытянуты и движутся подобно ножницам. Не надо их сгибать в коленях.

Силы плывущего кролем идут только на движение вперед. Само движение как бы выносит пловца на поверхность, ему почти не приходится преодолевать сопротивление воды. Он, как глиссер, скользит по воде, а не под водой.

Вот вам для сравнения скорости плавания разными стилями. Это мужские рекорды СССР.

Кроль	**100 метров**		**56,4 сек.**
Дельфин	**100 метров**	**1 мин.**	**3,9 сек.**
На спине	**100 метров**	**1 мин.**	**3,9 сек.**
Брасс	**200 метров**	**2 мин.**	**39,6 сек.**

Как видите, во всех стилях, кроме кроля, пловцу нужно больше минуты на стометровую дистанцию, и только в кроле счет времени значительно меньше минуты.

З. Макарова,
мастер спорта

РЕБЯТА! *Умение плавать нужно каждому человеку. Это очень важно и очень полезно в жизни. Центральный Комитет комсомола объявил на лето 1959 года Всесоюзное соревнование пионерских лагерей. В этом соревновании лучшими лагерями будут считаться те, в которых больше пионеров научились плавать. Вот как это важно!*

Итак, где бы вы ни отдыхали летом, дружите с водой. На речку, на пруд, на берег морской! Тренируйтесь, учитесь! Счастливого вам плавания!

Страничка коллекционера

ПУТЬ В КОСМОС

Манят человека космические просторы. Сначала ученые могли только проявлять интерес к тайнам мирового пространства. Теперь уже начинаются решительные попытки его изучения.

Можно собрать интересную коллекцию марок, посвященных изучению космоса. Хорошим началом такого собрания будет марка с портретом великого польского астронома Коперника, совершившего переворот в естествознании и в сознании людей. Учение Коперника о вращении Земли вокруг Солнца, о строении Вселенной освободило естествознание от религии и ускорило развитие науки. Достойное место рядом займет марка с портретом великого итальянского астронома и физика Галилея, отдавшего всю свою жизнь науке и борьбе за нее.

Ни одна страна в мире не посвятила столько марок астрономии и космосу, сколько Советский Союз. Советские марки знакомят нас с выдающимся астрономом и исследователем комет Ф. А. Бредихиным, с выдающимся ученым и изобретателем К. Э. Циолковским, с исследователем метеоритов Л. А. Куликом и другими. Наши марки показывают обсерватории и телескопы, интересные приборы для изучения метеоров и полярных сияний.

Подбирая эту коллекцию, нельзя не включить в нее советские марки, которые рассказывают о падении тунгусского и сихотэалинского метеоритов.

Следующие страницы этого альбома заполнят марки, сообщающие нам поочередно о запуске первого, второго и третьего советских искусственных спутников Земли.

Восхищаясь успехами нашей Родины, посвящают свои марки советским спутникам очень многие страны. Особенно выделяются по красоте исполнения румынская марка с Лайкой и японская с пингвином. На одной из китайских марок нарисована модель небесной сферы, созданная в XV веке. Поддерживающий сферу дракон с удивлением смотрит на летящий в небе советский спутник.

А вот, наконец, и страница альбома, где наклеены марки с изображением советской космической ракеты!

Хорошим дополнением к этой коллекции будет открытка со спутниками и Лайкой или конверт с астрономическими марками, погашенными специальным штемпелем, отметившим появление первой искусственной планеты Солнечной системы — нового успеха советских людей.

СЛЕПКИ С МОНЕТ

Тебе нужно сфотографировать редкую монету, которая попала в твою коллекцию. Как это сделать? Думаешь, очень просто: навел фотоаппарат, щелкнул — и все?

Нет, так ты никогда не получишь хорошего, точного снимка. Оказывается, надо фотографировать не самую монету, а гипсовый слепок с нее.

Такой же слепок ты можешь сделать с редкой монеты, которая есть в коллекции у твоего товарища, и держать его у себя вместо недостающей редкости.

А как изготовить такой слепок?

Вырезают из алюминиевой или оловянной фольги (от шоколадных конфет) кружок несколько больше монеты.

Монету кладут на кружок, и края его плотно загибают.

Затем следует «проработка» деталей. Она состоит в том, что слегка заостренной спичкой фольга вдавливается во все углубления на монете, например, внутри надписей, между ними и т. д.

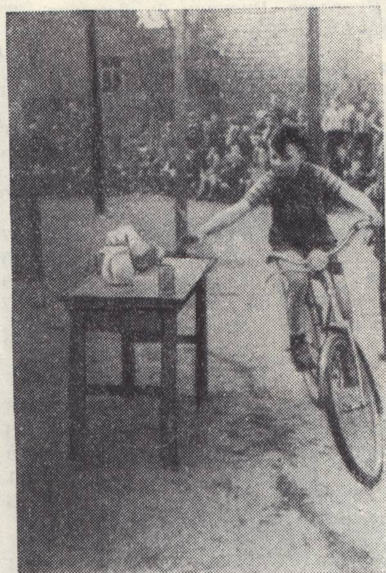
Проработав всю поверхность, монету с фольгой вдавливают в предварительно размятый пластилин, фольгой книзу. Затем осторожно вынимают монету из фольги, предварительно отогнув ее края, и заливают полученную формочку гипсом, разведенным в воде до густоты жидкой сметаны.

Через 15—20 минут слепок вынимают из формочки и ножом подравнивают оборотную сторону.

Хорошие, точно повторяющие оригинал слепки получаются только при тщательной проработке фольги на монете и при использовании хорошо просеянного через два слоя марли сухого гипса.

В ЧАСЫ ДОСУГА

Аттракционы самоделки

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Посмотрите, как весело отдыхают ваши друзья — немецкие пионеры.

Вы тоже можете устроить у себя в лагере или во дворе такие состязания. Каждый, кто умеет ездить на велосипеде, может принять участие в «джигитовке» на велосипедах. Для этого не потребуется выполнять какие-либо сложные акробатические номера, достаточно проехать по качающейся доске или на ходу, проезжая мимо стола, снять с него предмет. Можно добавить к этому метание мяча в цель, набрасывание колец, объезд попеременно справа и слева расставленных «змейкой» городков...

Препятствия лучше всего расположить по кольцевому маршруту — так, чтобы старт и финиш находились примерно в одном месте.

Маршрут может быть таким:

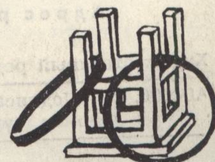
1-й этап. Стол. На нем стоит консервная банка, набитая землей. В землю воткнут флажок. Требуется на ходу выдернуть флажок из банки, не уронив ее.

2-й этап. Проехать по качающейся доске. (Под середину доски можно положить большое полено так, чтобы один конец доски слегка касался земли.)

3-й этап. Другой стол, на нем тоже консервная банка с землей. Требуется на ходу посадить флажок в банку, не уронив ее.

4-й этап. Принять из рук посредника кольцо для метания и на ходу набросить его на одну из ножек перевернутой вверх ножками табуретки.

Если размеры площадки позволяют, можно прибавить еще один — два аттракциона примерно такой же трудности.

Участники состязания отправляются со старта поочередно. За невыполнение любого из заданий начисляется одно штраф-

ное очко. Пожалуй, не лишним будет учитывать и скорость прохождения по маршруту, засекая время старта и финиша. Тому, кто потратил больше всего времени, справедливо записать одно или два штрафных очка.

Победителями в этом состязании станут те велосипедисты, у которых окажется наименьшее количество штрафных очков.

ДОСТАНЬ ПРИЗ!

Посмотрите на предыдущей странице снимок справа: на шесте укреплен широкий вращающийся обруч; к обручу подвешены различные предметы, любой из которых может стать наградой тому, кто сумеет им овладеть. Но чтобы получить такой приз, нужно не только умение лазать по шесту; надо быть достаточно ловким, чтобы, удерживаясь на шесте, суметь дотянуться рукой до приглянувшегося предмета.

Подталкивая обруч палкой, можно заставить его вращаться, и тогда подвешенные на нитках предметы будет относить несколько в сторону, что еще больше затруднит задачу.

Существует много различных аттракционов типа «Достань приз!». Так, например, вместо лазания по шесту можно предложить участникам состязания попытаться достать приз, стоя на ходулях. В этом случае предметы подвешиваются на веревке, протянутой через площадку, и на такой высоте от земли, чтобы, доставая их, приходилось вытягивать руку. А, стоя на ходулях, это проделать не так-то просто!

Содержание

Отважные. — Повесть А. Воинова. Продолжение. Рисунки А. Смолина, П. Смолина 2
Сказка с хорошим концом. — Стихи А. Левушкина. 17
Работяга-вертолет. — А. Некрасов 18
Друзья леса. Аполлоновки. Притворяшка. — Стихи И. Лаврова. Рисунки Н. Кирпичевой 22
Украденная слава. — Е. Брускова. Рисунки Н. Шеберстова 23
Пустоцвет. — Стихи Вл. Лифшица. Рисунки Е. Ведерникова 25
Глиняный барашек. Воробьиная республика. — Рассказы Ю. Яковлева. Рисунки Ф. Лемкуля. 26
Весна. Свистулька. — Стихи Л. Мочалова. Рисунки Н. Недбайло 30
Здравствуй, новый фестиваль! — И. Ефремова. Рисунки А. Брея 31
Барсик. — Рассказ М. Зверева. Рисунки В. Трофимова 36
Облако на поводу. — Стихи В. Коркина 39
Качканар начинает свою историю. — Б. Володин. Фото В. Мартынова 40
Говорит седьмой этаж. — Повесть А. Алексина. Продолжение. Рисунки Б. Винокурова 47
Что нам читать 55
Пионерия в походе 56
Песок поет... — И. Стрелкова. Рисунки П. Павлинова 57
Радость приходит в дом. — Ю. Новикова. Рисунки О. Рево 62
Первый пионерский лагерь. — А. Прохватилов, член совета первого пионерского лагеря в Сталинграде 65
Готовитесь ли вы к соревнованиям? 68
Два чуда. — Б. Сарнов. Рисунки В. Цельмера . . . 69
Бегущие по волнам. — Н. Колесникова, П. Михалев. 74
На волнах, как на горах. — Рисунки Л. Соколова. 75
Учитесь плавать кролем! — Мастер спорта З. Макарова 77
Страничка коллекционера 78
В часы досуга 79

На вклейках:
Вена, город VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.— Рисунок О. Зотова.
Фестивальная песня.— Н. Сергеева.
В школу.— Чан Тхи Тхук Фи (Вьетнам).
Каждому теперь можно учиться.— Нгуен Си Тот (Вьетнам).
На птицеводческой ферме.— Ди Дар Сын (Корея).

На обложке:
Рисунок Н. Шеберстова «На реке».

Редактор **Н. В. Ильина.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **О. Швова.**
А04096. Подписано к печати 22/VI 1959 г. Формат бум. 84×108 1/16. Тираж 520 000 экз. Бум. листов 2,62. Изд. № 1023. Заказ № 1305. Печ. листов 8,61.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Цена 2 р. 50 к.

Друг или враг?

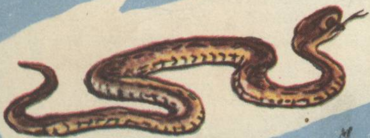

Здесь художник нарисовал маленький зоопарк: сову, ласку, землеройку, мышь-полевку, жабу, козодоя, тетеревятника, канюка, медянку, летучую мышь и веретеницу. Напишите нам, ребята, что вы знаете о них? Кто из них друг и кто враг человека? Кто нуждается в вашей защите и поддержке?